БА
241
·И2

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ

ТЕОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

СЪ

АДАМА СМИТА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Сочиненіе И. Иванюкова.

Профессора Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи.

МОСКВА.

1880.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ

ТЕОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

ОТЪ АДАМА СМИТА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

Сочиненіе И. Иванюкова.

Профессора Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская улица, домъ Кушнеревой.
1880.

3к

Дроб 38°

005
36

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе . . . . . стр. 5

Глава первая § 1. Возникновеніе мануфактуръ § 2 Первые представители идеи свободы промышленности. § 3 Исходныя положенія труда Адама Смита о „Богатствѣ народовъ". § 4. Теорія народонаселенія Мальтуса. § 5. Теорія Рикардо о распредѣленіи народнаго дохода. § 6. Современное значеніе Реалистической школы въ политической Экономіи и ея основныя положенія.

Глава вторая. Оцѣнка экономическихъ явленій, вытекающихъ изъ системы свободной конкуренціи. § 1. Система свободной конкуренціи есть система монополій. § 2. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области производства. § 3. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области обмѣна. § 4. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области распредѣленія.

Глава третья § 1. Противорѣчіе между правовыми понятіями нашего времени и экономическою организаціею § 2. Отношеніе Реалистической школы къ соціалистическому направленію. § 3 Главныя черты соціалистической организаціи народнаго хозяйства

Глава четвертая. Руководящіе принципы Реалистической школы для организаціи народнаго хозяйства.

ВВЕДЕНІЕ.

Всѣ до сихъ поръ существовавшія организаціи собственности у народовъ, вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія, порождали іерархію общественныхъ классовъ; управленіе и законодательство всегда и всюду, прямо или косвенно, принадлежали наиболѣе богатымъ классамъ; послѣдніе пользовались своею властью сознательно и безсознательно въ своихъ интересахъ; почему во всѣ эпохи законы запечатлѣны интересами господствующихъ классовъ.

Мысль, что организація собственности на каждой ступени развитія составляетъ важнѣйшій экономическій факторъ въ образованіи юридическихъ и политическихъ учрежденій, вошла въ науку прочно лишь въ послѣднее время. Ближайшимъ поводомъ къ ея уразумѣнію и распространенію послужилъ разладъ между соціальною дѣйствительностью XIX столѣтія и гуманными идеалами, осуществленіе которыхъ было задачею французской революціи.

Французская революція уничтожила всѣ юридическія привилегіи и декретировала равенство людей передъ закономъ, свободу личности, труда и собственности. Повидимому законодательство французской революціи, уничтожившее всѣ привилегіи, стало внѣ сословныхъ интересовъ. И дѣйствительно, такъ думали его составители, такъ думало все тогдашнее общество, такъ думалъ и народъ. Чудными ожиданіями жило человѣчество. Казалось наступила новая эра жизни: эра благосостоянія, свободы и гармоніи интересовъ. И какое глубое разочарованіе принесъ XIX вѣкъ.

Анализъ причинъ несбывшихся надеждъ показалъ, что законодательство французской революціи соотвѣтствовало, какъ нельзя болѣе, интересамъ обогатившагося и образованнаго средняго сословія,—представителя движимаго капитала,—сломившаго, послѣ вѣковой борьбы, поземельную аристократію. Дѣйствительность

скоро показала, что безграничная свобода промышленности, труда, собственности, новая политическая организація государства составляютъ прямой интересъ представителей капитала и крайне неблагопріятны для представителей труда. Но когда это обнаружилось и было понято, tiers-état перестало уже быть представителемъ интересовъ народа, какъ оно о себѣ думало въ эпоху французской революціи, и выродилось въ современную буржуазію, управляющую страною въ собственныхъ интересахъ.

Не слѣдуетъ однако думать, что господствующіе классы, создавая выгодные для себя соціальные порядки, ясно понимаютъ характеръ общественныхъ отношеній и не видятъ въ своей соціальной роли никакого правоваго элемента, а лишь единственно право силы. Дѣятельность господствующихъ классовъ въ сферѣ данныхъ юридическихъ формъ всегда признавалась ими вполнѣ *правовою, не только формально* (юридически), *но и по совѣсти.* И возможность такого пониманія ими своей дѣятельности объясняется тѣмъ, что обоснованіе юридическихъ привилегій и фактическихъ монополій они видятъ не въ силѣ, а въ какомъ либо отвлеченномъ правовомъ принципѣ. *)

*) Современному сознанію рабская организація труда представляется вопіющею несправедливостью, жестокостью Но было бы неправильно переносить наши взгляды въ эпоху существованія рабства. Не только обычная мысль, но и величайшій изъ мыслителей, Аристотель, признавалъ рабство справедливымъ институтомъ. „Сама природа, говоритъ Аристотель, создала рабство... Въ человѣческой природѣ встрѣчаются личности, на столько же уступающія другимъ, насколько тѣло уступаетъ душѣ, или насколько животное стоитъ ниже человѣка; это суть существа, способныя къ одному только физическому труду и неспособныя ни на какое болѣе совершенное занятіе. Существа эти самою природою осуждены на рабство, ибо самое лучшее для нихъ—это повиноваться.... Изъ этихъ принциповъ мы должны, стало быть, заключить, что природа создаетъ однихъ людей для свободы, а другихъ для рабства; что польза и справедливость требуютъ, чтобы рабъ повиновался.“—По мнѣнію другаго генія античнаго міра, Платона, занятіе физическимъ трудомъ, промыслами, торговлею унижаютъ предающихся имъ людей „Гражданинъ, который унизится до того, что станетъ торговать въ лавкѣ, долженъ быть наказанъ за подобное преступленіе “ „Физическій трудъ безчеститъ и позоритъ гражданина“ говоритъ Ксенофонтъ. Такимъ образомъ у Платона и Ксенофонта *привилегія переходитъ уже въ чувство чести.*

Землевладѣніе, служившее въ средніе вѣка исключительнымъ источникомъ богатства привилегированнаго класса, наложило свою печать на понятіе чести и нравственности. Вести промышленное предпріятіе, заниматься торговлею считалось для господствующаго класса позорнымъ и безчестнымъ и приличнымъ казалось извлекать доходы только изъ поземельной собственности.

Но не только господствующіе классы считаютъ свое привилегированное положеніе вполнѣ справедливымъ, таковымъ же считаетъ его и масса; иначе никакіе уголовные законы, никакая полиція не въ состояніи были бы поддерживать общественный порядокъ.

Эта зависимость понятій, чувствъ, нравовъ индивидума отъ среды обусловливаетъ устойчивость общественнаго строя и постепенность его развитія Въ соціальной жизни, какъ и въ природѣ, нѣтъ скачковъ; хотя tempo поступательнаго хода все усиливается съ развитіемъ цивилизаціи. Измѣненія въ техникѣ и хозяйственныхъ условіяхъ составляютъ самую глубокую причину перемѣнъ въ прочихъ сторонахъ жизни *). Новые интересы, являющіеся какъ результатъ совершившихся въ обществѣ экономическихъ измѣне-

---

*) Мелкія индійскія общины, которыя продолжаютъ существовать отчасти и до сихъ поръ, основываются на общинномъ владѣніи землею, на непосредственной связи между земледѣліемъ и ремесломъ, и на опредѣленномъ, неизмѣнномъ раздѣленіи труда, которое, при закладкѣ каждой новой общины, служитъ ея основателямъ, какъ готовый планъ и образецъ

Каждая изъ такихъ общинъ образуетъ одно производительное цѣлое, вполнѣ удовлетворяющее своимъ собственнымъ потребностямъ и нуждамъ; причемъ область производства такой общины колеблется между 100 и 1000 акрами. Законъ, управляющій раздѣленіемъ общиннаго труда, дѣйствуетъ здѣсь съ ненарушимымъ авторитетомъ закона природы, но, въ тоже самое время, каждый отдѣльный ремесленникъ, напримѣръ кузнецъ и т д , исполняетъ всѣ операціи, относящіяся къ его спеціальности, хотя по способамъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ отцевъ,—но тѣмъ не менѣе совершенно самостоятельно и не признавая никакого авторитета въ предѣлахъ своей мастерской. Въ этой простой формѣ обитатели страны жили съ незапамятныхъ временъ. Границы деревень рѣдко подвергались измѣненіямъ; и хотя самыя деревни были иногда разоряемы и даже опустошаемы войною, голодомъ, повальными болѣзнями, тѣмъ не менѣе тоже самое названіе, тѣже самыя границы, тѣже самые интересы и даже тѣже самыя семейства продолжали существовать изъ вѣка въ вѣкъ. Простой производительный организмъ этой общины, удовлетворяющей всѣмъ своимъ потребностямъ, воспроизводящейся постоянно въ той же самой формѣ, и появляющейся снова, послѣ каждаго случайнаго разрушенія, на томъ же самомъ мѣстѣ и подъ тѣмъ же самымъ именемъ,—даетъ намъ, говоритъ Марксъ, ключъ къ той таинственной загадкѣ, которая заключается въ *неизмѣнности* азіатскихъ *Обществъ*, такъ странно противорѣчащей съ постоянными разрушеніями и созиданіями съизнова *азіатскихъ государствъ*, и съ безпрерывными перемѣнами династій Дѣло въ томъ, что структура основныхъ экономическихъ элементовъ общества остается нетронутой бурями, происходящими въ его политической атмосферѣ. (Марксъ. Капиталъ).

О различныхъ видахъ общиннаго землевладѣнія въ Индіи см. II и III гл. кн. проф Ковалевскаго—„Общинное землевладѣніе, причины, ходъ и послѣдствія его разложенія.“ 1879 г.

ній, порождаютъ и новыя соціальныя идеи, новыя правовыя понятія, сторонниками которыхъ являются общественные классы, заинтересованные въ проведеніи въ жизнь этихъ идей. Чѣмъ съ большей силой заявляютъ себя новые интересы, тѣмъ настоятельнѣе раздаются требованія реформы. Происходитъ борьба между новыми интересами и интересами господствующихъ классовъ. И снова мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что недоброжелательное, часто полное ненависти, отношеніе большинства господствующаго класса къ реформаторскимъ идеямъ, не есть исключительно результатъ черствости и *сознательнаго* эгоистическаго охраненія своихъ юридическихъ или фактическихъ привилегій; оно есть, главнымъ образомъ, результатъ *безсознательнаго* вліянія личныхъ интересовъ и присущаго данному классу или сословію образа мыслей. Въ соціологіи Спенсера мы находимъ прекрасное объясненіе того извѣстнаго факта, что страсти и личные интересы извращаютъ сужденія какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ сословій На всякую реформаторскую идею, говоритъ Спенсеръ, затрогивающую, повидимому, интересы господствующихъ классовъ, послѣдніе слишкомъ склонны смотрѣть какъ на посягательство на ихъ права, какъ на идею, выполненіе которой принесло бы только одинъ вредъ или же какъ на идею невыполнимую. Съ точки зрѣнія привилегированныхъ классовъ, всякая борьба, хотя бы самая мирная, бѣдныхъ согражданъ за улучшеніе своей участи заслуживаетъ безусловнаго порицанія. Напримѣръ, то обстоятельство, что стачки напосятъ господствующему классу болѣе или менѣе значительный ущербъ, формируетъ ихъ взглядъ на стачки, какъ на поведеніе весьма предосудительное. Они видятъ нѣчто возмутительное въ этой самостоятельности, которая сопровождается отказомъ отъ работы, когда не увеличиваютъ рабочей платы или не сокращаютъ времени работы. Дебаты по поводу системы покупки чиновъ въ Англіи показали, какъ сильно укоренилось у военныхъ людей убѣжденіе, что національная безопасность зависитъ отъ сохраненія той организаціи арміи, при которой они воспитывались и достигли своихъ чиновъ. Защищая сословное подчиненіе какъ необходимое условіе для развитія благосостоянія большинства, привилегированные классы,—крупные землевладѣльцы и промышленники,—не замѣчаютъ, что ихъ отношенія къ трудящейся массѣ представля-

ютъ въ сущности только болѣе мягкую форму отношеній рабо-владѣльцевъ къ своимъ рабамъ или вассаловъ къ крѣпостнымъ. Кромѣ того, какъ сильно еще въ первенствующихъ классахъ распространено убѣжденіе, проявляющееся во всѣхъ ихъ поступкахъ, что самимъ Богомъ и законами природы установлено, что выгоды нѣкоторыхъ избранныхъ должны стоять на первомъ планѣ и масса трудящагося населенія—народъ долженъ повиноваться имъ и работать на нихъ.

Все вышесказанное дѣлаетъ совершенно понятною мысль: что хотя общественныя учрежденія вполнѣ соотвѣтствуютъ природѣ людей, тѣмъ не менѣе люди лучше своихъ учрежденій. И это потому, что личныя свойства какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ классовъ, пониманіе ими значенія своей дѣятельности, далеко не вполнѣ соотвѣтствуетъ объективному смыслу ихъ дѣятельности. Эту именно мысль имѣетъ въ виду Марксъ, когда въ предисловіи къ своему сочиненію „Капиталъ“ говоритъ: — „Капиталисты и землевладѣльцы описаны мною далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Но здѣсь рѣчь идетъ о личностяхъ лишь настолько, насколько онѣ представляютъ собою олицетвореніе экономическихъ категорій, насколько онѣ выражаютъ собою опредѣленныя сословныя отношенія и интересы. Та точка зрѣнія на которой я стою— считающая развитіе экономическихъ общественныхъ формацій естественно-историческимъ процессомъ — менѣе, чѣмъ какая либо другая, можетъ дѣлать кого либо отвѣтственнымъ за отношенія, общественную креатуру которыхъ данное лицо представляетъ собою“.

Указанныя нами причины труднаго проникновенія соціально-реформаторскихъ идей въ господствующіе классы объясняютъ также, почему существенныя измѣненія въ соціальномъ строѣ странъ, идущихъ во главѣ цивилизаціи, каковыми до сихъ поръ были Франція и Англія, оказываютъ значительное вліяніе на понятія господствующихъ классовъ другихъ странъ, находящихся съ первыми въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Реализація реформаторскихъ идей, въ прогрессирующей странѣ, доказывающая ихъ примѣнимость, устраняетъ мотивы, препятствовавшіе распространенію реформаторскихъ идей въ господствующихъ классахъ. Особенно это вліяніе сильно если однородныя событія совершаются одновременно въ нѣсколькихъ большихъ государствахъ. Тогда эти событія съ особенною силою отражаются на государствахъ, отставшихъ въ

культурѣ, а потому неизбѣжно находящихся въ духовной зависимости отъ народовъ, ушедшихъ въ развитіи впередъ. Извѣстно вліяніе англійскихъ политическихъ понятій на высшіе классы Франціи въ XVIII вѣкѣ;—вліяніе первой французской революціи на всю Европу;—вліяніе англійскаго фабричнаго законодательства на континентальныя государства. Эмансипація крѣпостныхъ въ Россіи, помимо внутреннихъ причинъ, вызвавшихъ эту реформу, не была ли также въ значительной степени результатомъ вліянія западноевропейскихъ идей? Ни въ этомъ ли вліяніи надо видѣть, главнымъ образомъ, причину того интереснаго факта, что, до и во время освобожденія крестьянъ, значительная часть нашего дворянства искренно сочувствовала реформѣ. Будь Россія отдѣлена, подобно Китаю, отъ западной Европы, не имѣли ли бы мы до сихъ поръ крѣпостнаго права? Извѣстно, что императоръ Александръ I, воспитанный въ духѣ идей французской литературы XVIII вѣка, мечталъ въ дни юности и еще долго въ зрѣлые годы совершить эмансипацію; и не будь сначала отвлечено все вниманіе, вся дѣятельность императора внѣшними событіями, и не наступи потомъ радикальнаго переворота въ его душевномъ и умственномъ настроеніи, весьма возможно, ремофма была бы совершена гораздо ранѣе; по крайней мѣрѣ мы и для того времени не усматриваемъ никакихъ соціальныхъ затрудненій для совершенія реформы.

Такимъ образомъ, рядомъ съ факторомъ борьбы существуетъ и другой соціальный факторъ, обусловливающій измѣненія въ общественныхъ учрежденіяхъ, а именно: *вліяніе на умы гуманно-прогрессивныхъ идей*. Значеніе этого втораго фактора постоянно усиливается въ новѣйшей исторіи Европы, и мы убѣждены, что ему предстоитъ въ дальнѣйшемъ ходѣ историческаго развитія замѣнять все болѣе и болѣе *элементъ борьбы*, имѣвшій до нынѣ преобладающее значеніе въ дѣлѣ измѣненія соціальныхъ формъ жизни.

Правильное пониманіе роли гуманно-прогрессивныхъ идей въ жизни человѣчества было затемнено въ послѣднее время слишкомъ прямолинейнымъ перенесеніемъ теоріи Дарвина о «борьбѣ за существованіе» изъ міра животнаго въ міръ человѣческій. При приложеніи этой теоріи къ соціальной жизни, большинство упу-

скало изъ виду громадное значеніе въ человѣческихъ дѣлахъ *идеи и чувства «правды»*. Вслѣдствіе этого возникли превратныя понятія какъ о человѣческой природѣ, такъ и о покоющейся на ней исторіи жизни человѣчества.

Справедливо, что до сихъ поръ, говоря вообще, исторія развитія соціальныхъ формъ жизни представляла борьбу общественныхъ классовъ за привилегированное соціальное положеніе. Но, для правильнаго пониманія характера этой борьбы, очень важно не упускать изъ виду указанный нами выше фактъ, что побѣдители въ соціальной борьбѣ, господствующіе классы, создавая выгодные для себя соціальные порядки и защищая ихъ, не понимаютъ ясно характера общественныхъ отношеній и всегда обосновываютъ свое соціальное положеніе на какомъ нибудь *правовомъ* элементѣ, а не единственно на фактѣ силы.

И если духъ сомнѣнія въ правотѣ тѣхъ или другихъ формъ общественной жизни, въ правотѣ привилегій господствующихъ классовъ до сихъ поръ съ трудомъ проникалъ въ эти классы, то главныя причины тому, во-первыхъ, что само изслѣдованіе и правильное пониманіе соціальныхъ явленій есть дѣло новое, результатъ послѣднихъ десятилѣтій, и, притомъ, даже и то, что уже выработано наукою, составляло до сихъ поръ достояніе самаго незначительнаго по числу просвѣщеннаго общества; во-вторыхъ—личный интересъ оказываетъ сильное, *безсознательное* вліяніе на образъ мыслей какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго сословія.

Но сила просвѣщенія, расширяющая кругозоръ, побѣждаетъ препятствія къ правильному пониманію вещей, создаваемыя личнымъ интересомъ. И дѣйствіе этой силы въ наше время быстро возрастаетъ, какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Развитіе ея въ геометрической прогрессіи есть безспорнѣйшій и важнѣйшій соціальный законъ.

Всѣ условія развитія нашего времени ускоряютъ измѣненіе понятій во всѣхъ общественныхъ классахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ— и измѣненіе въ воззрѣніяхъ господствующихъ классовъ на свои привилегіи, есть-ли эти привилегіи юридическія или фактическія. Быстро идущее возрастаніе городской жизни, примѣненіе пара и электричества къ путямъ сообщенія, болѣе и болѣе увеличиваю-

щаяся тѣсная умственная связь между всѣми цивилизованными государствами, неимовѣрно возрастающее распространеніе прессы во всѣхъ слояхъ общества, сообщающей ежедневныя событія всего міра—все это расширяетъ кругозоръ людей, усиливаетъ распространеніе просвѣщенія и измѣняетъ правовыя понятія господствующихъ классовъ Это безпримѣрное еще въ исторіи увеличеніе сношеній между людьми и обусловливаемое сношеніями расширеніе кругозора и распространеніе просвѣщенія и есть причина, почему въ наше время воззрѣнія каждаго новаго поколѣнія значительно разнятся съ воззрѣніями отцовъ. Тогда какъ при патріархальномъ бытѣ съ его ничтожными сношеніями, разложеніе котораго началось въ западной Европѣ лишь съ XVII столѣтія, городское населеніе составляло весьма незначительную часть общаго населенія, да и самые города были очень миніатюрны; громадное большинство людей никогда не выѣзжало изъ того мѣста, гдѣ родилось, и не откуда было имъ получить свѣдѣнія о томъ, что́ дѣлается внѣ небольшаго роднаго округа. При этихъ патріархальныхъ условіяхъ, люди сотни лѣтъ пребывали въ однихъ и тѣхъ же традиціонныхъ понятіяхъ и обычаяхъ.

Широко разлившіяся въ наше время сношенія между людьми оказываютъ наиболѣе сильное вліяніе въ дѣлѣ измѣненія правовыхъ понятій у господствующихъ классовъ въ странахъ, идущихъ, такъ сказать, въ хвостѣ цивилизаціи и пользующихся, поэтому, опытомъ піонерныхъ государствъ. Доказанная на практикѣ удобопримѣнимость и благотворность новыхъ соціальныхъ формъ жизни, осуществленныхъ піонерными государствами, парализуетъ безсознательное вліяніе на воззрѣнія личнаго интереса и измѣняетъ ихъ. Такое же дѣйствіе на формированіе понятій, убѣжденій людей производитъ наука. А потому, по мѣрѣ развитія соціальной науки и распространенія ея въ обществѣ, должны измѣняться какъ правовыя понятія, такъ и способы реализаціи новыхъ соціальныхъ порядковъ. Соціальная наука еще и въ настоящее время не вышла изъ періода младенчества, а потому и не могла имѣть могущественной власти надъ умами. До сихъ поръ существовали только соціальныя теоріи, враждовавшія между собою; да и онѣ были извѣстны только небольшому числу научно-образованныхъ людей. Не говоря уже о массахъ, но и большинство такъ назы-

ваемаго образованнаго общества пріобрѣтало въ отношеніе основныхъ устоевъ общественныхъ порядковъ *традиціонныя* воззрѣнія воспитавшей ихъ среды. Вотъ почему господствующіе классы проявляли до нынѣ такую склонность смотрѣть на всякую соціально-реформаторскую идею, какъ на посягательство на ихъ *законныя* права, или какъ на идею, выполненіе которой принесло бы одно зло. Отсюда естественна и ни мало не предосудительна ихъ борьба противъ соціальныхъ реформъ. Но ходъ современной исторіи европейскихъ народовъ выдвинулъ на первый планъ, какъ злобу дня, жизненные вопросы чисто соціальнаго свойства. Какъ слѣдствіе этого: много ученыхъ и сравнительно большая часть образованной публики обращаютъ, въ настоящее время, свое вниманіе на изученіе явленій соціальной жизни. Соціальные вопросы стали предметомъ обсужденія прессы, парламентовъ, ученыхъ обществъ, конгрессовъ Можно надѣяться, что уже не далеко то время, когда соціальная наука достигнетъ той ступени развитія, что положенія ея будутъ имѣть ту же достовѣрность и доказательность, какъ положенія наукъ физической природы; а слѣдовательно, сдѣлаются столь же властными и обязательными. По мѣрѣ развитія соціальной науки и проникновенія ея въ общественное сознаніе, элементъ борьбы въ дѣлѣ измѣненія соціальныхъ условій жизни, игравшій до сихъ поръ преобладающую роль, будетъ болѣе и болѣе замѣняться элементомъ просвѣщеннаго наукою сознанія; и послѣдній, по естественному ходу вещей, сдѣлается когда нибудь господствующимъ, а можетъ быть и единственнымъ руководителемъ въ установленіи соціальныхъ условій жизни, покоющихся на солидарности и гармоніи интересовъ людей.

Со времени Петра Великаго начинаетъ отражаться на Россіи вліяніе западно-европейской цивилизаціи и съ тѣхъ поръ вліяніе это все болѣе возрастаетъ. Значеніе опыта Запада для Россіи двухъ родовъ: прямое—когда мы переносимъ Западныя учрежденія на нашу почву, и косвенное — когда опытъ Западной цивилизаціи предостерегаетъ насъ отъ ошибокъ, сдѣланныхъ нашими старшими братьями. Въ послѣднее время это косвенное значеніе для насъ Западно-европейской цивилизаціи особенно усилилось въ виду того, что сама Западная культура находится въ состояніи кризиса и ищетъ *новыя основы* соціальной жизни.

Въ виду такой важной двухсторонней роли Западно-европейскаго опыта въ нашей соціальной жизни, едва-ли нужно даже и упоминать о томъ, что хотя изложенныя въ предлагаемомъ сочиненіи ученія по экономической политикѣ порождены преимущественно ходомъ жизни Западной Европы, тѣмъ не менѣе они представляютъ громадное практическое значеніе и для Россіи— *они освѣщаютъ намъ путь дальнѣйшаго развитія*

ГЛАВА I.

§ 1. Возникновеніе мануфактуръ. § 2 Первые представители идеи свободы промышленности. § 3. Исходныя положенія труда Адама Смита о «Богатствѣ народовъ» § 4 Теорія народонаселенія Мальтуса § 5 Теорія Рикардо о распредѣленіи народнаго дохода § 6 Современное значеніе реалистической школы въ политической экономіи и ея основныя положенія.

§ 1. Изучая историческое развитіе экономическихъ, политическихъ и юридическихъ ученій, нельзя не замѣтить строгаго соотвѣтствія ихъ содержанія характеру современной имъ эпохи. Характеръ эпохи выражается въ экономическомъ строѣ жизни, политическихъ учрежденіяхъ, запасѣ знаній, литературѣ, нравахъ, понятіяхъ и живыхъ, прогрессивныхъ стремленіяхъ времени. Всѣ эти элементы опредѣляютъ какъ кругъ предметовъ, которыми занимаются общественныя теоріи, такъ и характеръ воззрѣній на изслѣдуемые ими вопросы Отсюда само собою слѣдуетъ, что всестороннее пониманіе экономическихъ, политическихъ, юридическихъ и всякихъ другихъ ученій, относящихся къ общественной жизни, возможно лишь при сопоставленіи этихъ ученій съ современными имъ жизненными и преимущественно экономическими условіями. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изложенію основныхъ положеній ученія Адама Смита, мы, въ бѣгломъ очеркѣ, укажемъ главныя жизненныя условія долго подготовлявшія, а потомъ и вызвавшія это ученіе.

Въ XVI столѣтіи, цеховая организація, регулировавшая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ городскую промышленность западной Европы, становится въ противорѣчіе съ новыми экономическими условіями. *Открытіе Америки и морскаго пути въ Ост-Индію, изобрѣтеніе пороху и введеніе постоянныхъ*

войскъ, способствовавшее усиленію центральнаго правительства и тѣмъ самымъ охраненію права и безопасности,— все это дало сильный толчокъ развитію торговли и промышленности. Открытые новые рынки сильно увеличили спросъ на продукты; возможность сбыта въ большихъ массахъ побуждала капиталы влиться въ городскія промышленныя предпріятія. Но въ этой сферѣ дѣятельности капиталы наталкивались на цеховые законы, умышленно препятствовавшіе крупному производству, а тѣмъ самымъ — и накопленію богатства въ рукахъ хозяевъ промышленныхъ заведеній; *цеховые уставы ограничивали число учениковъ и ремесленниковъ, какое могъ держать отдѣльный мастеръ.* Не допускаемыя въ города, новыя крупныя мануфактуры основывались въ селахъ, внѣ контроля стараго городскаго устройства и цеховъ.

Быстрому развитію и процвѣтанію новыхъ мануфактуръ много способствовалъ также совершавшійся въ это время переворотъ въ сельской промышленности и поземельныхъ отношеніяхъ. Сила и честолюбіе стараго феодальнаго дворянства основывались на числѣ ихъ подданныхъ; послѣднее же зависѣло отъ числа крестьянъ съ самостоятельнымъ хозяйствомъ. Дворянство XVI столѣтія, какъ дитя своего времени, предпочитало деньги сохраненію старыхъ феодальныхъ отношеній. Развивавшіяся шерстяныя мануфактуры предъявляли спросъ на шерсть; цѣна на послѣднюю поднялась и лозунгомъ тогдашняго дворянства стало обращеніе пашней въ пастбища для овецъ; *для чего принялись экспропріировать землю у крестьянъ.* Новый толчокъ процессу экспропріаціи земли у крестьянъ былъ данъ реформаціею, сопровождавшеюся конфискаціею церковныхъ земель. Новые собственники этихъ земель прогоняли съ нихъ цѣлыми массами крестьянскія семейства, жившія здѣсь испоконъ вѣку, на правѣ феодальнаго владѣнія землею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, закономъ гарантированное право обѣднѣвшихъ крестьянъ на извѣстную часть церковной десятины было безмолвно отмѣнено. Экспропріація земли у крестьянъ, эта бѣдственная для народа операція, общая всѣмъ западно-европейскимъ государствамъ, имѣла самое обширное и продолжительное (слишкомъ 3 столѣтія) примѣненіе въ Великобританіи. Она создала современныя ненормаль-

Криминалистическая академия

ныя поземельныя отношенія въ этой странѣ *). Лишенныя земель, крестьяне должны были искать средствъ существованія продажею своей рабочей силы. Новымъ мануфактурамъ былъ

*) Въ какой степени экспропріація, уже въ XVI столѣтіи, когда размѣръ примѣненія ея былъ меньшій, сравнительно съ дѣйствіемъ ея въ XVII и XVIII вѣкахъ, отразилась бѣдственно на народной массѣ, можно видѣть изъ сравненія сочиненій сэра Джона Фортескью, краснорѣчиво изображающаго народное благосостояніе въ XV вѣкѣ, и Томаса Моруса, писателя XVI вѣка, описывающаго, съ чувствомъ глубокаго сострадания, раззореніе крестьянъ. „Изъ золотаго вѣка, говоритъ Торитонъ, англійскій рабочій классъ былъ низвергнутъ, безъ всякихъ переходовъ, въ желѣзный

Хорошее указаніе на благосостояніе народа въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ даютъ намъ законы противъ роскоши «Жалобы на роскошь простаго народа въ Англіи, говоритъ профессоръ Янжулъ въ сочиненіи „Англійская свободная торговля", начинаютъ раздаваться весьма рано, онѣ встрѣчаются уже въ хроникахъ отъ 1300 года Но первый законодательный актъ, пространно регулировавшій роскошь, вышелъ въ 1363 году Въ этомъ законѣ пахарямъ, пастухамъ и т п рабочимъ дозволены матеріи не дороже одного шиллинга за ярдъ. Со времени Эдуарда III и до половины XIX вѣка цѣнность денегъ уменьшилась въ двадцать разъ, и, такимъ образомъ, если перевести этотъ запретительный законъ на современную денежную единицу, то получится запрещеніе для пастуховъ и другихъ рабочихъ носить платья дороже 20 шиллинговъ за ярдъ (7 руб сер) Такой высокій максимумъ дозволенной дороговизны долженъ естественно проистекать отъ значительной зажиточности лицъ, для которыхъ запрещеніе сдѣлано; въ настоящее время существованіе такого закона уже потому было бы немыслимо, что самое нарушеніе закона невозможно.

Ровно черезъ сто лѣтъ, при Эдуардѣ IV, вышелъ другой замѣчательный законъ противъ роскоши: прислугѣ было запрещено носить платье дороже двухъ шиллинговъ за ярдъ; чулки—не дороже четырнадцати пенсовъ за пару и головной платокъ не долженъ былъ превышать двѣнадцати пенсовъ Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1482 году, было найдено необходимымъ ослабить это запрещеніе, и разрѣшено носить чулки до восемнадцати пенсовъ и платки до двадцати. Вильямъ Торитонъ, дѣлая разсчетъ тогдашней цѣны денегъ сравнительно съ теперешней, замѣчаетъ, что такого рода узаконеніе, переведенное на современную денежную единицу, равнялось бы запрещенію пахарямъ носить бархатные сюртуки и шелковые чулки, а ихъ женамъ чепчики изъ брюссельскихъ кружевъ.

Законодательные памятники того времени (напримѣръ, 24 Генр VIII) называютъ обыкновенною пищею народа не только говядину, свинину и телятину, но и гусей, куръ, цыплятъ.

Непрерывно продолжавшаяся экспропріація земли у крестьянъ и постоянное исчезновеніе отъ конкуренціи новыхъ мануфактуръ цехового устройства, обезпечивавшаго трудъ и достаточное вознагражденіе за него, были обстоятельствами, непрерывно ухудшавшими положеніе рабочихъ классовъ. Англійскіе историки Роджерсъ и Фраудъ, на основаніи самыхъ точныхъ изслѣдованій размѣровъ заработной платы и цѣнности предметовъ необходимости, пришли къ выводу, что благосостояніе англійскаго народа, весьма высокое въ концѣ среднихъ вѣковъ, начиная съ XVI столѣтія постоянно понижалось вплоть до нашего времени.

какъ нельзя болѣе выгоденъ этотъ наплывъ свободныхъ рабочихъ рукъ *). Онъ позволялъ имъ расширять производство до размѣровъ наличнаго капитала и тѣмъ способствовалъ возрожденію богатства и значенія промышленнаго (третьяго) сословія.

Съ расширеніемъ производства удешевляется созданіе продуктовъ, а потому мануфактуры явились серьезными конкурентами цеховымъ мастерскимъ Начинается борьба между старымъ цеховымъ устройствомъ и новыми промышленными предпріятіями Но всѣ усилія цеховыхъ мастеровъ остановить и измѣнить естественное теченіе дѣлъ, обращенія ихъ къ правительствамъ за помощью, были тщетны. Правительства сочувствовали развитію и процвѣтанію мануфактуръ, видя въ нихъ прогрессъ національной промышленности. По мѣрѣ развитія мануфактуръ раздѣленіе труда въ производительныхъ операціяхъ выступаетъ все больше и больше, а съ тѣмъ вмѣстѣ рождается спросъ на техническія открытія, и послѣднія не медлятъ своимъ появленіемъ Техническія изобрѣтенія, въ свою очередь, оказали громадное вліяніе на ростъ отраслей промышленности, захваченныхъ мануфактурами, на увеличеніе размѣровъ и богатства новыхъ, стоявшихъ внѣ цеховой организаціи, городовъ **) Это движеніе шло рука объ руку съ успѣхами внѣшней британской торговли

§ 2 Къ концу XVII вѣка крупное производство заняло уже видное мѣсто въ англійской промышленности. Въ интересахъ его было возможное устраненіе государственной опеки надъ промышленною жизнью. И эти интересы, по мѣрѣ роста крупной промышленности, увеличенія богатства и соціальнаго значенія класса крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ, находили себѣ

---

*) Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершалась экспропріація уже въ XVI столѣтіи видно изъ того, что создаваемый ею пролетаріатъ не успѣвалъ быть поглощаемъ мануфактурами, не смотря на быстрый ростъ послѣднихъ Экспропріированные, не имѣя возможности продать свою рабочую силу, обращались въ нищихъ, разбойниковъ, бродягъ Въ теченіе всего XVI столѣтія мы видимъ во всей западной Европѣ драконовскіе законы противъ бродяжничества (плеть, клейменіе, отрѣзываніе ушей, смертная казнь при поимкѣ въ третій разъ) Предполагалось, что всѣ эти нищіе и бродяги шатаются не потому, что не могутъ найти работу вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ условій, а не желаютъ работать

**) Бирмингамъ, Манчестеръ и многіе другіе города такого же значенія выросли изъ мануфактуры

защиту въ парламентѣ и литературѣ. Самымъ яркимъ и рѣшительнымъ представителемъ новыхъ промышленныхъ интересовъ явился Дедлей Нортъ въ сочиненіи «Discourses upon Trade principally directed to the Cases of the interest, Coinage, Clipping, increase of Money», 1691 годъ. Нортъ совершенно свободенъ отъ меркантильныхъ идей и объявляетъ всякое правительственное вмѣшательство вреднымъ для экономической дѣятельности народа. Въ этомъ отношеніи онъ, по справедливости, можетъ считаться первымъ рѣшительнымъ фритредеромъ и предшественникомъ Адама Смита. Приведемъ нѣкоторыя резюме самого автора.

«Весь свѣтъ относительно торговли составляетъ какъ бы одну націю или народъ, а всѣ отдѣльныя націи—все равно какъ индивиды одного народа».

«Потеря торговли одной націи не составляетъ несчастіе только для нея одной, но для всего свѣта, ибо всѣ націи соединены вмѣстѣ общими интересами».

«Не можетъ существовать торговли невыгодной для народа, ибо если-бы таковая оказалась, люди ее оставили бы; а гдѣ торговцы (промышленники) преуспѣваютъ, тамъ и народъ, котораго они составляютъ часть, также преуспѣваетъ».

«Нельзя людей принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу; это можетъ принести, пожалуй, выгоду кому-нибудь, но народъ черезъ это ничего не пріобрѣтаетъ, ибо что дается одному подданному, то берется у другаго».

«Никакіе правительственные законы не могутъ опредѣлять цѣны въ торговлѣ; послѣдняя должны устанавливаться сами А если такіе законы существуютъ, то составляютъ для торговли большую помѣху и заслуживаютъ осужденія» и т. д. Нортъ заканчиваетъ свою книгу слѣдующими замѣчательными словами:

«Ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія, но только *миръ*, *трудолюбіе и свобода* создали торговлю и богатство».

Весь періодъ времени до появленія книги Адама Смита можно назвать переходнымъ: старыя меркатильныя понятія имѣли еще значительное приложеніе на практикѣ и находили себѣ представителей въ теоріи; новыя воззрѣнія, впервые рѣшительно заявленныя Нортомъ, все болѣе разрабатывались и распростраия-

лись, хотя еще не сдѣлались господствующими. Самыми крупными представителями новыхъ воззрѣній въ эту переходную эпоху являются Давидъ Юмъ, Джосуа Токкеръ и Адамъ Фергюсонъ. Основной характеръ воззрѣній этихъ писателей заключается въ апологіи расширявшейся тогда индустріи и торговли и въ порицаніи всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь общества,—всякихъ препонъ частной дѣятельности въ торговлѣ и промышленности. Считая увеличеніе абсолютнаго богатства страны тожественнымъ съ умноженіемъ народнаго благосостоянія, они, съ самыми лучшими намѣреніями, защищали все, что, по ихъ мнѣнію, вело къ процвѣтанію торговли и промышленности и важнѣйшее условіе такого процвѣтанія видѣли въ устраненіи регламентаціи экономической дѣятельности Токкеръ опровергаетъ, какъ предразсудокъ, что бѣдныя націи будто бы естественные враги богатыхъ націй. «Такъ какъ бѣдныя страны, говоритъ онъ, не могутъ конкурировать съ богатыми по недостатку капитала и искусства, то имъ выгоднѣе заниматься производствомъ сырыхъ продуктовъ, а богатымъ націямъ предоставить мануфактуру. *Между народами не существуетъ никакого антагонизма интересовъ*, а, напротивъ, господствуютъ согласіе, гармонія».

«Интересы отдѣльныхъ лицъ, по мнѣнію Фергюсона, весьма хорошо гармонируютъ съ интересами государства: чѣмъ болѣе отдѣльные классы, особенно промышленный, пріобрѣтаютъ, тѣмъ болѣе возвышается національное богатство, которое состоитъ не въ наличныхъ деньгахъ, а въ совокупности всѣхъ полезныхъ и употребительныхъ вещей, которыя находятся въ собственности у гражданъ». Фергюсонъ защищаетъ принципъ свободной экономической дѣятельности почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ позднѣе защищалъ ее и Адамъ Смитъ. «Торговля, говоритъ онъ, есть такой родъ промышленности, гдѣ люди, предоставленные дѣйствію ихъ собственнаго опыта, менѣе всего способны вступить на неправый путь».

Всѣ эти идеи вполнѣ соотвѣтствовали экономическимъ условіямъ Англіи того времени. Англія въ промышленномъ развитіи опередила другія государства; иностранная конкуренція становилась для нея неопасной; между тѣмъ, господствовавшая во всей Европѣ строгая запретительная система вредила расшире-

нію британскихъ рынковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внутренняя экономическая политика, вмѣшательство закона въ процессъ производства, различныя таксы, также стѣсняли ростъ мануфактуръ Между тѣмъ, въ это время уже явились великія изобрѣтенія Аркрайта, Уатта, Корта и другихъ, дававшія новыя силы мануфактурному производству и сулившія большіе барыши. Понятно, при такомъ положеніи дѣлъ, идеи свободной торговли и промышленности быстро распространялись въ англійскомъ обществѣ; усиливалось сознаніе необходимости реформы экономическаго законодательства и чувствовалась потребность систематизированія новыхъ экономическихъ идей и обоснованія ихъ. Отвѣтомъ на эту потребность явилось въ свѣтъ, въ 1776 г., геніальное сочиненіе Адама Смита о «Богатствѣ народовъ».

Англія и Франція, до настоящаго времени, шли, по пути накопленія матеріальныхъ и умственныхъ богатствъ *), впереди другихъ государствъ и своимъ историческимъ ходомъ развитія оказывали значительное вліяніе на другія страны. Новыя экономическія теченія, которыя мы видѣли въ Англіи, имѣли мѣсто и во Франціи, но достигли здѣсь своей зрѣлости позднѣе, а потому и идеи свободной торговли и промышленности являются во Франціи лишь спустя 60 лѣтъ послѣ появленія ихъ въ Англіи.

---

*) Накопленіе матеріальнаго и умственнаго богатства, обыкновенно, называютъ прогрессомъ. Но такое употребленіе слова прогрессъ вѣрно только въ ограниченномъ смыслѣ. Понятіе о прогрессѣ въ примѣненіи къ соціальнымъ явленіямъ есть понятіе телеологическое, оно заключаетъ въ себѣ идею о человѣческомъ счастіи. А потому, только тѣ измѣненія можно считать прогрессомъ, которыя прямо или косвенно стремятся къ возвышенію человѣческаго счастія. Накопленіе богатства въ странѣ можетъ происходить на счетъ обѣдненія народа. Исторія Великобританіи лучшій примѣръ этому. Къ подобному накопленію національнаго богатства слово прогрессъ неприложимо.

Считая понятіе прогресса телеологическимъ, мы не можемъ согласиться съ Спенсеромъ, отожествляющимъ его съ „Закономъ развитія“ Не можемъ согласиться, во-первыхъ, потому, что слово прогрессъ, какъ заключающее въ себѣ телеологическую идею, примѣнимо только къ явленіямъ человѣческой жизни, во-вторыхъ,—поступательный ходъ развитія обществъ можетъ совершиться на счетъ благосостоянія большинства

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтимъ, что „законъ развитія человѣчества“, какъ его понимаетъ Спенсеръ, вполнѣ опровергается *смысломъ новой эпохи* человѣческихъ судебъ, рѣшительно выступившей съ конца прошедшаго столѣтія. Духовная, политическая и экономическая эмансипація, всестороннее развитіе индивидума, составляютъ принципіальный смыслъ новой эпохи.

Идея объ устраненіи вмѣшательства государства въ экономическую жизнь и о водвореніи свободы торговли и промышленности была провозглашена во Франціи одновременно нѣсколькими мыслителями, составлявшими тѣсно сплоченный кружокъ, центромъ котораго былъ Кенэ, докторъ Людовика XV. Этотъ кружокъ раздѣлялъ доктрины господствовавшей тогда во Франціи раціоналистической философіи. По ученію раціоналистической философіи, для соціальной жизни дань «*неизмѣнною*» природою человѣка и ея отношеніями къ внѣшнему міру такой же «*естественный*» порядокъ вещей, *стоящій внѣ условій времени и пространства*, какой существуетъ для физической природы. И только такія мѣры правительства, которыя сообразуются съ этимъ порядкомъ, достигаютъ предположенной цѣли и приносятъ благо Изъ такого взгляда на природу соціальныхъ отношеній самъ собою вытекалъ взглядъ и на задачу общественной науки Задача науки состоитъ въ разъясненіи «*абсолютнаго*» порядка, установленнаго природою для человѣческихъ обществъ. Эта школа изслѣдователей естественнаго, абсолютнаго порядка вещей, названная поэтому *физіократическою*, первая дала наукѣ объ общественной жизни названіе политической экономіи. По воззрѣніямъ физіократовъ, возстановленіе господства *естественнаго, идеальнаго порядка вещей* въ народномъ хозяйствѣ требовало неограниченной свободы частнаго интереса, такъ какъ человѣкъ, руководимый своею личною выгодою, будетъ дѣйствовать въ то же время и для блага общества. Одинъ изъ представителей этой школы, Гурнэ, обращаясь къ королевскимъ министрамъ, говорилъ. «наилучшее, что вы можете сдѣлать для поднятія народнаго хозяйства, это предоставить людямъ полную свободу въ ихъ экономическихъ отношеніяхъ (laissez faire, laissez passer).» Разсказываютъ, что Кенэ на вопросъ дофина: — что онъ сталъ бы дѣлать, если бы былъ королемъ? отвѣчалъ.—«Ничего». Такой взглядъ на задачу государства, на отношеніе его къ народной жизни объясняется, съ одной стороны, реакціею противъ дѣйствительно существовавшей въ то время стѣснительной и вредной регламентаціи народной жизни; но, съ другой стороны, это ученіе было результатомъ новыхъ теченій жизни, получившихъ въ то время громадное значеніе въ дѣйствительности; это уче-

ше, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало интересамъ крупной промышленности, капиталу, обогатившейся буржуазіи

Такъ какъ изъ ученія физіократовъ объ экономической свободѣ логически вытекало требованіе уничтоженія всѣхъ экономическихъ привилегій и, между прочимъ, уничтоженія цеховъ и остатковъ феодальныхъ отношеній въ поземельной собственности, то это ученіе получило политическій характеръ Въ то же время, политическія теоріи французскихъ писателей, выставившія на своемъ знамени политическую свободу и равенство правъ гражданъ (слѣдовательно уничтоженіе привилегій), тѣмъ самымъ затрогивали экономическій порядокъ вещей. Такимъ образомъ, экономическія и политическія реформаторскія идеи взаимно переплетались). Экономическій и политическій порядокъ сдѣлались

*) Причину отсутствія прямыхъ политическихъ тенденцій у англійскихъ экономистовъ новой школы XVIII столѣтія слѣдуетъ видѣть, по нашему мнѣнію, въ томъ, что Англія уже давно пользовалась широкою политическою свободою, а среднее сословіе правомъ представительства Во Франціи XVIII вѣка среднее сословіе богатствомъ и образованіемъ опередило привилегированные классы—дворянство и духовенство между тѣмъ, юридически, по закону, оно пользовалось самыми ничтожными политическими правами Эту мысль и высказалъ за годъ передъ французскою революціею Сіэйсъ въ своей знаменитой пророческой формулѣ —„Что такое третье сословіе? Все Чѣмъ оно было до сихъ поръ? Ничѣмъ. Чего требуетъ оно? Быть чѣмъ нибудь“

Лассаль мѣтко замѣчаетъ, что французская революція перенесла на бумагу то, что совершилось въ дѣйствительности

Третье сословіе, уже во время царствованія Людовика XIV, достигло такого значенія, что исторіографъ этого сословія, Огюстенъ-Тьери, считаетъ замѣчательнѣйшимъ дѣломъ этой эпохи сближеніе и смѣшеніе сословій Замкнутость дворянства рушилась; оно стало служить при дворѣ и въ войскѣ, хотя въ обоихъ случаяхъ почести и заслуги основаны были не на рожденіи, а на личныхъ достоинствахъ Маршалы, изъ какого бы они ни были сословія, стояли выше герцоговъ; министры, вышедшіе изъ третьяго сословія, признавали выше себя только принцевъ крови, жены ихъ приглашались къ королевскому столу. Производство въ арміи основано было не на происхожденіи, а на очереди: по старшинству, либо за дѣйствительное отличіе по службѣ Лица средняго класса, благодаря своему образованію и способностямъ, занимали высшія правительственныя мѣста и оказывали вліяніе на ходъ дѣлъ. Saint-Simon въ своихъ мемуарахъ называетъ царствованіе Людовика XIV *царствованіемъ подлой буржуазіи*,—слова имѣющія глубокій смыслъ и доказывающія переворотъ, случившійся со времени Ришелье и Фронды.

По мѣрѣ того какъ низводилось дворянство, возвышалось вліяніе среднихъ классовъ. Отъ нихъ исходило матеріальное и умственное развитіе. Вмѣстѣ съ возрастающимъ ихъ вліяніемъ росло и довѣріе къ нимъ. Явленіе это поразило моралиста того времени, Лабрюэра, который постоянно повторялъ, что между тѣмъ какъ работа кипитъ въ рукахъ дѣятельныхъ низшихъ сословій, высшее

предметомъ возбужденной литературной борьбы. Самымъ могучимъ представителемъ раціоналистическихъ политическихъ идей этой эпохи былъ Руссо. «Нѣтъ имени, говоритъ профессоръ Блунчли, которое въ то время сіяло бы болѣе яркимъ свѣтомъ, чѣмъ имя женевскаго гражданина — Жанъ-Жака Руссо, и нѣтъ сочиненій, которыя въ большей мѣрѣ были бы почитаемы тогда *новымъ евангеліемъ*, чѣмъ сочиненія Руссо.... Кто знаетъ сочиненія Руссо, тотъ имѣетъ ключъ къ *государственной теоріи французской революціи*». Огненною рѣчью громилъ Руссо обветшалые принципы средневѣковой эпохи и провозглашалъ новыя формы государственной жизни. Сочиненія его представляли страстный памфлетъ противъ существовавшаго общественнаго порядка, вдохновлявшій сердца и воспламенявшій умы. Въ основѣ всѣхъ воззрѣній и требованій Руссо лежитъ стремленіе осуществить верховную власть народа, свободу и равенство гражданъ. «Искусственное, нравственное неравенство, говоритъ Руссо, установленное лишь положительнымъ правомъ, *противно естественному праву* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно не находится въ должномъ соотношеніи съ *физическимъ*, то-есть, *естественнымъ* неравенствомъ, — отличіе, достаточно опредѣляющее, что̀ должно думать о господствующемъ повсюду у цивилизованныхъ народовъ неравенствѣ; ибо, очевидно, это идетъ въ разрѣзъ съ природою, какъ бы ее ни объясняли, чтобы дитя давало приказы старцу, чтобы глупецъ властвовалъ надъ мудрецомъ, и чтобы кучка людей утопала въ избыткѣ, между тѣмъ какъ голодная толпа нуждается въ необходимомъ».

Ученія физіократовъ и Руссо стали дѣломъ во французскую революцію *). Революціонное законодательство вѣрило, что осу-

---

дворянство погружается все болѣе въ лѣнивую дремоту. Почти всѣ министры той эпохи, многія знаменитости на военномъ поприщѣ, а на ученомъ и литературномъ рѣшительно всѣ, за исключеніемъ трехъ, вышли изъ буржуазіи. — Корнель, Паскаль, Мольеръ, Расинъ, Лафонтенъ, Буало, Боссюетъ, Бурдалу, Флешье, Массильонъ, Лабрюэръ, Арно, Николь, Дома; артисты Пуссенъ, Лезюеръ, Лорренъ, Шампань, Лебренъ, Пюже. Три имени составляютъ исключеніе —Фенелонъ, Ларошфуко и М-me де-Севинье.

*) Въ 8 № Критическаго Обозрѣнія, г. Евгеній де-Роберти указываетъ на интересный историко-философскій этюдъ Dubost въ Revue de la philosophie positive, t. XIX, озаглавленный: „Дантонъ и современная политика.“—„Авторъ, говоритъ Г-нъ де-Роберти, задается цѣлью всесторонне освѣтить, если не лич-

ществить идеи свободы, равенства и общаго матеріальнаго благосостоянія путемъ отмѣны юридическихъ привилегій и установленіемъ равенства всѣхъ передъ закономъ, учрежденіемъ республиканской формы правленія, покоющейся на принципѣ верховныхъ правъ народа, установленіемъ возможно широкой политической свободы, объявленіемъ свободы труда, торговли, собственности Благороднѣйшія стремленія и вѣрованія эти не осуществились, и въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ причины этой неудачи.

ность Дантона, о которомъ, какъ и о всѣхъ крупныхъ дѣятеляхъ великой революціи, написаны сотни томовъ. то, по крайней мѣрѣ, его политику, его стремленія, его общественные идеалы. Дантона авторъ признаетъ родоначальникомъ и самымъ яснымъ представителемъ современной политической школы, нашедшей себѣ выраженіе, между прочимъ, въ такъ называемомъ опортюнизмѣ. Такимъ образомъ, устанавливается какъ бы прямая филіація въ руководящихъ идеяхъ, замыслахъ и способахъ выполненія ихъ, между знаменитымъ трибуномъ первой республики и вождемъ нынѣшнихъ французскихъ республиканцевъ Дантонъ уже замышлялъ то, что суждено было осуществить, восемьдесятъ лѣтъ спустя, Гамбеттѣ и его единомышленникамъ.. Въ эпоху первой революціи, три философскія школы могли прямо вліять на общество и политику школа Вольтера, школа Руссо и школа Дидро или энциклопедистовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, и каждое изъ этихъ направленій, дѣйствительно, наложило неизгладимую печать на событія того времени. Но вліяніе ихъ было весьма неравное. идеи Руссо преобладали, идеи Вольтера имѣли многочисленныхъ сторонниковъ (жирондисты и ихъ преемники), а мнѣнія и взгляды Дидро находили только слабый отголосокъ (группу дантонистовъ). Дюбо объясняетъ это явленіе тѣмъ, что масса умовъ, воспитанныхъ на теологическихъ и метафизическихъ доктринахъ, должна была, очевидно, примкнуть къ направленіямъ, которыя были наиболѣе близки, по своему духу и пріемамъ, къ этимъ доктринамъ Направленія эти открыто проповѣдывали возможность мгновеннаго возрожденія общества, и масса послушно шла за магами и чудодѣями, обѣщавшими ей такія превращенія. Отличительною чертою школы Дидро и ея представителей въ политикѣ, группы дантонистовъ, было то, что они никогда не раздѣляли этихъ иллюзій и дѣлали все, что могли, чтобы разсѣять ихъ, отрезвить умы, пріучить общество къ пониманію истинныхъ условій роста и развитія соціальныхъ организмовъ Школа Дидро не выставляла въ политикѣ никакой общей непогрѣшимой доктрины, она защищала права эмпиризма, повседневнаго опыта, она совѣтовала неустанно трудиться и пользоваться уроками событій Дантонъ, по мнѣнію Дюбо, былъ проникнутъ именно такимъ взглядомъ и его политика оказала революціи величайшія услуги: лучшія мѣры того времени были приняты по его почину, задачи революціи — уничтоженіе королевской власти и защита территоріи — были разрѣшены чисто эмпирическимъ путемъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ обстоятельствъ, т. е. вполнѣ согласно съ принципами, руководившими политикой Дантона. Но торжество политики эмпиризма было, какъ извѣстно, недолгое, абсолютныя доктрины господствовали надъ умами, и потребовалось цѣлыхъ три четверти столѣтія, чтобы воочію доказать полнѣйшую несостоятельность этого направленія Исторія республиканской партіи во Франціи, съ самаго паденія первой республики и

Теоріи французскихъ философовъ XVIII вѣка, касавшіяся важнѣйшихъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ работаетъ человѣческій умъ, оказали громадное вліяніе на движеніе мысли во всемъ образованномъ европейскомъ обществѣ. Профессоръ Глазговскаго университета Адамъ Смитъ страстно желалъ лично познакомиться съ кружкомъ физіократовъ, и это желаніе ему удалось осуществить во вторую свою поѣздку въ Францію въ 1765 г. Ниже мы увидимъ, какое сильное вліяніе оказало на міросозерцаніе Адама Смита его тринадцати-мѣсячное пребываніе въ кружкѣ Гельвеціуса, Кенэ и Тюрго. По возвращеніи на родину, Адамъ Смитъ поселился въ Киркальди и въ сельскомъ уединеніи неутомимо работалъ, въ теченіе 10 лѣтъ, надъ «Богатствомъ

о нашихъ дней, прямо свидѣтельствуетъ о господствѣ въ этотъ долгій періодъ времени метафизическаго умственнаго строя — la mentalité métaphisique. республиканцы слѣдовали традиціямъ жирондистовъ, робеспьеристовъ, гебертистовъ, но никто изъ нихъ и не подозрѣвалъ даже, что у Дантона и его группы была какая-либо своя, отличная отъ другихъ, политика, и, въ особенности, что эта политика была слѣдствіемъ философіи, діаметрально противоположной господствовавшимъ въ эпоху первой революціи философскимъ понятіямъ. Дантоновская политика была затерта великимъ революціоннымъ теченіемъ, приведшимъ Францію къ 18 Брюмера; но то же случилось, въ мірѣ философіи, и съ школою Дидро, которая вскорѣ перестала быть извѣстной иначе, какъ только съ литературной и художественной сторонъ своихъ. Энциклопедическая школа, прямо объявлявшая себя безсильною разрѣшить задачу соціальнаго возрожденія, не могла представлять никакого интереса для умовъ, насквозь пропитанныхъ теолого-метафизическими стремленіями. Но за то школа эта, основанная исключительно на положительномъ знаніи, незамѣтно обогащалась всѣми успѣхами этого знанія; она одна между всѣми философскими направленіями XVIII вѣка сохранила способность къ дальнѣйшему росту и развитію. Школы Вольтера и Руссо, не смотря на возбужденную ихъ политическими представителями шумиху фразъ и трескотню событій, остались такими же, какими они были при самомъ возникновеніи своемъ. Напротивъ того, казавшаяся забытою всѣми школа Дидро въ тотъ же промежутокъ времени испытала полное перерожденіе или обновленіе. Вначалѣ горизонтъ энциклопедической доктрины былъ также ограниченъ, какъ горизонтъ науки. Съ перваго дня своего существованія она согласилась оставаться незначительною, отрывочною. Она не стремилась ни къ невидимому, ни къ недоступному. Она отталкивала отъ себя абсолютное и утверждала относительное. Школа эта не менѣе другихъ чувствовала и понимала необходимость общей доктрины или синтеза. Но она терпѣливо ждала того времени, когда наука могла доставить ей всѣ нужные для такого обобщенія элементы. Вотъ почему она оказалась способною прогрессировать и, дѣйствительно, ушла впередъ. Обновленіе это принесла философія положительнаго знанія, которая, какъ общій синтезъ, обнимающій все познаваемое путемъ объективнымъ, стала возможна лишь послѣ включенія въ научную систему суммы двухъ наиболѣе близко касающихся человѣка и наиболѣе интересныхъ для него слагаемыхъ—науку о жизни—біологію, и науку объ обществѣ—соціологію.

Народовъ». Весьма знаменательный фактъ, могущій случаться только съ творцами априористическихъ теорій, что на Адама Смита временами находило сомнѣніе въ истинности его научныхъ убѣжденій, и отсюда—апатія къ своему труду. Въ это тяжелое время. Юмъ поддерживалъ и ободрялъ своего друга. «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ» вышло въ 1776 году, и въ первое время далеко не произвело того впечатлѣнія, какъ предыдущее сочиненіе Смита — «Теорія нравственныхъ чувствъ»; только спустя нѣсколько лѣтъ было понято все значеніе этого труда.

Для нашей цѣли нѣтъ надобности излагать содержаніе «Богатства Народовъ», а достаточно указать исходныя точки зрѣнія, послужившія основою этого сочиненія.

§§ 3. Ученія Руссо и физіократовъ о существованіи «*естественныхъ законовъ*» человѣческаго общества, покоющихся на природѣ человѣка и ея неизмѣнныхъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру,—законовъ, одинаково приложимыхъ ко всякому народу и времени, слѣдовательно, *абсолютныхъ*, но искажаемыхъ ложно направляемыми правительственными учрежденіями, получили значеніе краеугольнаго камня въ экономической теоріи Смита *). Чтобы осуществить этотъ *наилучшій*, *естественный* общественный порядокъ, надо только предоставить полную свободу проявленіямъ человѣческой природы, которая предполагалась у всѣхъ людей *одинаковою* и *неизмѣнною*. Природа человѣка противопоставлялась искусственности всего общественнаго быта, какъ самородный, неизсякаемый источникъ разума и всякаго блага. «*Все прекрасно*, говорилъ Ж. Ж. Руссо, *что исходитъ изъ рукъ Творца, все искажается въ рукахъ человѣка*». Кондорсе училъ, что еслибы человѣкъ повиновался закономъ природы, то нельзя было бы положить границъ развитію его бла-

*) Изъ очерка, оставшагося отъ предположенной Смитомъ, но не приведенной въ исполненіе, «Исторіи юриспруденціи», видно его намѣреніе изложить теорію *естественной* юриспруденціи. Каждая система положительнаго закона, говоритъ Смитъ въ этомъ очеркѣ, можетъ быть разсматриваема, какъ болѣе или менѣе несовершенная попытка приближенія къ системѣ *естественной* юриспруденціи, и главная цѣль юридическаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы узнать *естественныя* правила правосудія, независимыя отъ всѣхъ положительныхъ установленій.

годенствія. Осюда сами собою вытекли теоріи прирожденныхъ правъ, общественнаго договора, суверенитета народа, устраненія всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь и водворенія неограниченной свободы борьбы личныхъ интересовъ За государствомъ оставлялась только одна охранительная функція:—защита внутренней и внѣшней безопасности и выполненіе правосудія.

Идея о возможно большемъ ограниченіи дѣятельности государства была логическимъ слѣдствіемъ борьбы XVIII вѣка противъ произвола абсолютизма и привилегіи феодальнаго порядка. Но нигдѣ эта борьба не проявлялась съ такою страстностью, нигдѣ она не была доведена до такихъ крайностей, какъ во Франціи. Фактъ этотъ, очевидно, объясняется положеніемъ дѣлъ въ этой странѣ. Ни въ одной странѣ произволъ, привилегіи и монополіи не были такъ нестерпимы, какъ во Франціи Французское правительство XVIII вѣка управляло страною несравненно хуже правительствъ другихъ народовъ. Никогда и нигдѣ авторитетъ правительства не подвергался такому злословію, пасквилямъ, какъ во времена правленія Людовиковъ XV и XVI. Никогда привилегированныя классы не пользовались болѣе гнуснымъ образомъ своими привилегіями, нигдѣ раззореніе народа не было доведено до такой ужасной степени, какъ въ тогдашней Франціи. Чѣмъ сильнѣе былъ гнетъ правительства, привилегій обветшалаго законодательства, тѣмъ съ большею страстностью проповѣдывались идеи свободы, равенства и невмѣшательства государства.

Признавая наилучшимъ общественнымъ порядкомъ «естественный строй вещей», Ад. Смитъ, согласно съ физіократами, считалъ важнѣйшею задачею общественной науки—раскрытіе этого естественнаго порядка, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Цѣлью труда Смита было не объясненіе прошедшаго, настоящаго и вытекающихъ изъ настоящаго указаній ближайшаго будущаго экономическаго строя,—въ прошедшихъ и настоящихъ народнохозяйственныхъ организаціяхъ онъ видѣлъ лишь нелѣпую регламентацію, порожденную, съ одной стороны, невѣжествомъ, непониманіемъ истинныхъ причинъ наростанія національнаго богатства и благосостоянія, съ другой, стремленіемъ господствую-

щихъ классовъ къ эксплоатаціи;—цѣлью его труда было построеніе теоріи наилучшаго, абсолютнаго экономическаго порядка,—порядка, долженствующаго еще быть осуществленнымъ. И если теорія Смита, въ скоромъ времени, дѣйствительно въ значительной степени осуществилась, особенно въ Англіи и Франціи, то потому, что она соотвѣтствовала духу времени, интересамъ промышленнаго и торговаго классовъ, получившихъ къ концу XVIII вѣка господствующее вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Первое требованіе естественнаго порядка вещей въ народномъ хозяйствѣ, по ученію Смита, состоитъ въ невмѣшательствѣ государства въ экономическую дѣятельность и въ предоставленіи ея волѣ индивидуумовъ. Съ устраненіемъ вмѣшательства государства, народное хозяйство цѣликомъ переходитъ въ руки частныхъ хозяйствъ; почему теорія Смита занимается исключительно изслѣдованіемъ — *какую организацію приметъ народное хозяйство, предоставленное свободной дѣятельности частныхъ хозяйствъ.* Очевидно, первый вопросъ въ этомъ изслѣдованіи—чѣмъ руководится человѣкъ, будучи совершенно свободенъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ? Хозяйственныя дѣйствія человѣка находятся подъ вліяніемъ многихъ мотивовъ. Но Смитъ счелъ возможнымъ выдѣлить изъ нихъ господствующій, именно стремленіе человѣка извлечь изъ своей хозяйственной дѣятельности возможно бо́льшую сумму средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Въ мѣновомъ хозяйствѣ,—а современное хозяйствое есть почти всецѣло мѣновое,—стремленіе извлечь возможно бо́льшую выгоду проявляется въ томъ, что всѣ желаютъ продать какъ можно дороже, и купить какъ можно дешевле. Въ своемъ сочиненіи Смитъ, исключительно, имѣетъ въ виду это эгоистическое стремленіе человѣческой природы и выводитъ изъ него всѣ хозяйственныя явленія *). Далѣе, господство эгоизма въ

*) Профессоръ Брентано усматриваетъ въ этомъ пріемѣ изслѣдованія Смитомъ хозяйственныхъ явленій вліяніе на него воззрѣній Гельвеція, высказанныхъ изслѣднимъ въ книгѣ «De l'esprit.» Извѣстно, говоритъ Брентано, что Ад. Смитъ издалъ въ свѣтъ въ 1759 г. «Теорію нравственныхъ чувствъ,» гдѣ, между прочимъ, говорится.—«То объясненіе человѣческой природы, которое выводитъ всѣ чувства и склонности изъ себялюбія, надѣлавшее столь много шума, и которое, однако, по моему убѣжденію, еще никогда не было обстоятельно изслѣдовано, кажется мнѣ происходящимъ изъ неяснаго пониманія системы симпатіи.»—Въ изслѣдованіи же о «Богатствѣ народовъ,» Смитъ раздѣ-

частно-хозяйственной сферѣ Смитъ разсматриваетъ не только какъ фактъ, но и какъ единственную силу, могущую, при условіи полной свободы, осуществить наилучшій экономическій порядокъ. «Всякій человѣкъ, говоритъ онъ, старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе изъ своего капитала; правда, онъ имѣетъ въ виду свой собственный интересъ, а вовсе не общественную пользу, но забота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ его избрать именно тотъ путь,

---

ляетъ вполнѣ взгляды книги Гельвеція о природѣ человѣка и объ эгоизмѣ, какъ единственной побудительной причинѣ человѣческихъ поступковъ. Слѣдствія, вытекающія изъ этой догмы, проходятъ почти чрезъ всѣ части сочиненія До такой степени представляется ему эгоизмъ, какъ единственно возможное побужденіе человѣческихъ поступковъ, что онъ, по поводу извѣстнаго постановленія квакеровъ въ Пенсильваніи, даровавшаго свободу рабамъ и вытекшаго изъ религіозныхъ мотивовъ, пишетъ слѣдующее —«это постановленіе можетъ насъ убѣдить, что число рабовъ не могло быть очень велико, обработывая рабы значительную часть ихъ собственности, подобное рѣшеніе никогда не могло бы быть принято.» (Das Arbeitsverhältniss v. Brentano 1877).

Приведенный Брентано примѣръ объясненія Смитомъ рѣшенія квакеровъ дѣйствительно разительный, но едва-ли ему можно приписать значеніе рѣшающаго доказательства, что Смитъ, подъ вліяніемъ воззрѣній Гельвеція, отказался отъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ «Theory of Moral Sentiments» Дѣло въ томъ, что наблюденія дѣйствительности не могли не привести Смита къ выводу, что люди въ своихъ частно-хозяйственныхъ дѣлахъ, руководятся почти исключительно личнымъ интересомъ; а такъ какъ его теорія ограничивается изслѣдованіемъ системы частныхъ хозяйствъ, то онъ, не дѣлая большой ошибки и въ то же время значительно упрощая изслѣдованіе, могъ принять эгоизмъ за единственный двигатель поступковъ въ частно-хозяйственной сферѣ Примѣненіе Смитомъ психологической дедукціи къ изслѣдованію частно-хозяйственныхъ явленій было не только вполнѣ возможно, но и плодотворно Главная масса открытій, которыми онъ обогатилъ науку, составляетъ результатъ примѣненія дедуктивнаго метода. Смитъ уединялъ изслѣдуемое явленіе отъ разныхъ, болѣе чѣмъ второстепенныхъ, вліяній и разсматривалъ, какъ сложится это явленіе подъ вліяніемъ господствующей причины Результатъ, полученный такимъ образомъ, будетъ имѣть въ общемъ характерѣ большое сходство съ дѣйствительностью. Примѣненная Смитомъ дедукція близко подходитъ къ статистическому методу среднихъ чиселъ. Дедуктивный методъ, не приложимый къ объясненію народнаго хозяйства въ его цѣломъ, —что составляетъ предметъ изслѣдованій новѣйшей школы политической экономіи, — вполнѣ примѣнимъ къ изслѣдованію системы частныхъ хозяйствъ. Намъ кажется, что именно это обстоятельство упускалось и упускается изъ виду экономистами, дѣлающими Ад. Смиту упрекъ за примѣненіе имъ дедуктивнаго метода.

Другое дѣло оптимистическій взглядъ Смита на характеръ хозяйственныхъ явленій, руководимыхъ эгоизмомъ при системѣ свободной конкуренціи' По недостатку статистическаго матеріала, Смитъ не могъ употребить «обратно дедуктивнаго метода» и увидѣть ошибочность своего оптимизма.

который оказывается самымъ выгоднымъ для общества.... Преслѣдуя свою собственную выгоду, человѣкъ часто работаетъ на общую пользу болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если-бы задался такою цѣлью.» *Такимъ образомъ значеніе эгоизма возвеличивается Смитомъ до высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ, и частные индивидуальные интересы отожествляются съ интересами общества.* Сквозь все сочиненіе Смита проходитъ мысль, что, при свободной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, руководимой эгоизмомъ и конкуренціей, сами собою развьются такіе способы веденія предпріятій и частныхъ хозяйствъ, при которыхъ имѣющіяся въ распоряженіи націи силы почвы, труда и капитала достигнутъ наибольшей производительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обмѣнъ продуктовъ человѣческаго труда, при невмѣшательствѣ государства, поведетъ къ нормальному, справедливому распредѣленію богатства; каждый факторъ производства получитъ при распредѣленіи его результатовъ такую долю, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ степени его участія въ производствѣ.

Эта вѣра въ благіе результаты эгоизма представляетъ собою частный выводъ изъ присущаго французской литературѣ XVIII вѣка преклоненія передъ человѣческою природою, которая, предполагалось, освобожденная отъ внѣшнихъ преградъ для своего проявленія, ведетъ какъ отдѣльное лицо, такъ и цѣлое общество къ желаемому благосостоянію. Но помимо вліянія на Ад. Смита воззрѣній Руссо и физіократовъ, существуетъ еще другой, чисто личный факторъ, который доставилъ пищу абстрактнымъ построеніямъ Смита о благодѣтельномъ, справедливомъ и естественномъ экономическомъ порядкѣ, который долженъ водвориться на землѣ, благодаря свободному дѣйствію индивидуальныхъ интересовъ. Этотъ факторъ заключается въ теологическихъ воззрѣніяхъ Смита. Законы природы, которые управляютъ человѣческимъ общежитіемъ, являются у него выраженіемъ воли Провидѣнія, которое премудро направляетъ людей къ наивозможно большему на землѣ счастію. Эти законы дѣлаются для Смита предметомъ вѣры, и начала человѣческой природы, предоставленныя ихъ естественнымъ влеченіямъ, могутъ привести только къ самому благодѣтельному развитію всѣхъ способностей человѣка. При такой постановкѣ вопроса, становится излишней человѣческая забота о наилуч-

шемъ назначеніи матеріальныхъ цѣнностей и ихъ распредѣленіи: человѣческое законодательство безполезно тамъ, гдѣ прямо проявляется воля Провидѣнія, ведущая людей къ наилучшему обезпеченію ихъ матеріальнаго благосостоянія Мы видѣли уже образецъ этой стороны воззрѣній А Смита·—«Человѣкъ, по его словамъ, дѣйствуя исключительно для своего интереса, нисколько не заботясь объ общественномъ благѣ, а только о своей наибольшей выгодѣ, въ дѣйствительности, однако, служитъ ближайшимъ пользамъ всего общества; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ ведется *невидимой рукой* къ цѣли, которая вовсе не была въ предѣлахъ его намѣренія». Одинаковая мысль повторяется Смитомъ и въ его «теоріи нравственныхъ чувствъ», которая составляетъ необходимое дополненіе къ «изслѣдованію богатства народовъ». «Продукты почвы, говоритъ онъ здѣсь, во всякое время содержатъ то количество жителей, которое они способны содержать. Богатые выбираютъ только изъ массы продуктовъ то, что есть самаго драгоцѣннаго и пріятнаго. Они употребляютъ немного болѣе, нежели бѣдные, не смотря на естественное себялюбіе и жадность; хотя они думаютъ при томъ только о собственныхъ удобствахъ, хотя ихъ единственная цѣль, для которой они пользуются трудами всѣхъ тысячъ людей употребляемыхъ ими въ работу, чтобы удовлетворять свои тщеславныя и ненасытныя желанія, — не смотря на все это, однимъ словомъ, они раздѣляютъ съ бѣдными продукты всѣхъ своихъ успѣховъ. Они ведутся *невидимой рукой* къ тому, чтобы произвести почти то же распредѣленіе необходимостей жизни, которое могло бы быть сдѣлано, еслибы вся земля была раздѣлена на равныя доли между всѣми жителями, и, такимъ образомъ, безъ намѣренія и безъ сознанія, они двигаютъ впередъ интересы общества и доставляютъ средства къ размноженію человѣчества. Когда Провидѣніе раздѣлило всю землю между немногими владѣльцами, оно не забыло и не покинуло тѣхъ, которые, повидимому, остались внѣ этого раздѣла». Такимъ путемъ, подъ вліяніемъ естественнаго права и теологическихъ представленій, сложилось у Смита убѣжденіе въ томъ, что, по естественному закону, индивидуальные интересы гармонируютъ съ общественными.

Вышеизложенное показываетъ, что основныя положенія теоріи Ад. Смита состоятъ—1) *въ признаніи естественнаго, абсолютнаго экономическаго порядка,* 2) *въ устраненіи активной дѣятельности государства, и отсюда—ограниченіе народнаго хозяйства системою частныхъ хозяйствъ,* 3) *въ возвеличеніи эгоизма до значенія основнаго принципа народнаго хозяйства, и отсюда—отожествленіе индивидуальныхъ интересовъ съ общественными и почти исключительное пользованіе при изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій дедуктивнымъ методомъ.*

Сочиненіе Ад Смита, систематизировавшее передовыя экономическія идеи и притомъ изложившее ихъ съ замѣчательной ясностью и убѣдительной аргументаціей, оказало сильное вліяніе на законодательство и, такимъ образомъ, ускорило «*либеральный*» ходъ развитія экономическихъ фактовъ. Теорія Смита сдѣлалась вскорѣ почти аксіомой для государственныхъ людей, и если не проводилась ими немедленно въ жизнь во всей ея полнотѣ и послѣдовательности, то только потому, что находили нужнымъ считаться съ предразсудками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, открытія Харгревса, Аркрайта и Уатта, примѣняясь болѣе и болѣе къ дѣлу, ускоряли переворотъ въ промышленности. Эти техническія изобрѣтенія примѣнялись въ городахъ, стоявшихъ внѣ цеховыхъ законовъ, кодифицированныхъ королевою Елизаветою въ 1562 году и носившихъ названіе «Законы объ ученичествѣ». Въ силу юридической интерпретаціи, признававшей подчиненными закону Елизаветы лишь тѣ города и мѣстечки, которые существовали до изданія закона и пользовались уже тогда корпоративными правами, большое число отраслей промышленности, и притомъ самыхъ важнѣйшихъ, были изъяты отъ дѣйствія этого закона. Благодаря этому обстоятельству, крупная промышленность въ Англіи, къ концу XVIII ст., получила перевѣсъ надъ мелкою. Выгоды, представляемыя крупною промышленностью, побуждали хозяевъ различныхъ промышленныхъ отраслей, находящихся въ городахъ подчиненныхъ цеховой организаціи, обращаться въ парламентъ съ петиціями о пріостановленіи и отмѣнѣ закона Елизаветы, и парламентъ сначала пріостанавливаетъ изъ году въ годъ, а потомъ и совершенно отмѣняетъ этотъ законъ

постепенно то для той, то для другой отрасли промышленности. Въ 1814 году, послѣ столѣтней борьбы между крупною и мелкою промышленностями, принципъ экономической свободы одержалъ окончательную побѣду и законъ Елизаветы былъ отмѣненъ всецѣло.

Во Франціи новый порядокъ вещей былъ признанъ юридически въ знаменитую ночь 4-го августа 1789 года. Та же односторонне понятая идея свободы труда, ради которой были отмѣнены цехи, заставила законодательство французской революціи уничтожить корпоративную организацію въ сельской промышленности. Дѣятели революціи не понимали, что коллективная собственность и автономія общинъ составляютъ единственную прочную основу демократіи. Закономъ 10-го іюня 1793 года, конвентъ опредѣлилъ произвести поголовный раздѣлъ общинныхъ имуществъ между всѣми жителями общинъ.

§ 4. События, подготовившія французскую революцію, сочиненія великихъ мыслителей второй половины восемнадцатаго вѣка, отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній отъ метрополіи и образованіе изъ нихъ независимыхъ республикъ на началахъ, выработанныхъ политическою философію, оказали сильнѣйшее вліяніе на умы и политическія ученія. Основная мысль философско-политическаго движенія заключалась въ признаніи, что главнѣйшею, почти что исключительною, причиною человѣческихъ бѣдствій всегда было и есть дурное правительство, поддерживающее выгодные для него и неблагопріятные для народа общественные порядки, и что достаточно однихъ политическихъ и экономическихъ преобразованій для осуществленія благоденствія на землѣ. Одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей этихъ воззрѣній въ Англіи, Вильямъ Годвинъ, издалъ въ 1793 году книгу «О политической справедливости», въ которой выводилъ всѣ соціальныя неустройства изъ недостатковъ законодательства и политическихъ учрежденій.

Въ опроверженіе такого взгляда, Мальтусъ обнародовалъ, въ 1798 году, «Опытъ о законѣ народонаселенія», въ которомъ, въ противоположность Годвину, сводилъ соціальныя невзгоды къ чрезмѣрному размноженію людей. Сравнивая бѣды, причиняемыя странѣ дурнымъ правительствомъ, съ бѣдствіями, порождаемыми

чрезмѣрнымъ размноженіемъ, онъ находитъ первыя до такой степени ничтожными, что не слѣдуетъ даже принимать ихъ въ разсчетъ въ такого рода изслѣдованіяхъ.

Основная мысль Мальтусова ученія извѣстна —населеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться быстрѣе средствъ существованія; неизбѣжнымъ результатомъ этого факта являются пороки, преступленія, болѣзни, эпидеміи, войны, увеличивающія смертность и уменьшающія количество населенія до размѣра средствъ существованія. Для предупрежденія или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія этихъ бѣдствій Мальтусъ требуетъ а) уничтоженія частной и общественной благотворительности и законодательства о бѣдныхъ, какъ поощряющихъ размноженіе *), б) отъ холостаго человѣка—воздержанія отъ вступленія въ бракъ, пока онъ не пріобрѣтетъ средствъ для содержанія семьи; отъ женатаго—воздержанія отъ рожденія такого числа дѣтей, какое онъ не можетъ прокормить. Такого рода благоразуміе и предусмотрительность, спѣшитъ прибавить Мальтусъ, должны быть, во первыхъ, свободны и добровольны, во вторыхъ, они должны быть нравственны.

Но болѣе логическіе или, правильнѣе сказать, болѣе откровенные послѣдователи ученія Мальтуса не могли не признать, что въ разсчетахъ на возможность содержанія семьи или лишняго члена ея должны весьма часто случаться ошибки; и далѣе, что еще важнѣе, надежда на воздержаніе массъ отъ физической любви представляетъ собою наивнѣйшую иллюзію; а потому они требовали, чтобы законодательство повліяло на уменьшеніе числа

*) „Человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ, говоритъ Мальтусъ, если родители не въ состояніи прокормить его, или *если общество не въ состояніи воспользоваться его трудомъ*, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать какого бы то ни было пропитанія, и, въ дѣйствительности, онъ лишній на землѣ. На великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста. Природа повелѣваетъ ему удалиться, и не замедлитъ сама привести въ исполненіе свой приговоръ»

Эти слова исключены Мальтусомъ во второмъ изданіи книги; но духъ его ученія остался тотъ же. Такъ, напримѣръ, въ послѣдующихъ изданіяхъ читаемъ «Всѣ, такъ называемыя, благотворительныя заведенія и филантропическія мѣры, воспитательные дома, богадѣльни, больницы, рабочіе дома, производятъ добро, ничтожное сравнительно съ порождаемымъ ими зломъ».. «Слѣдуетъ издать законъ, по которому въ приходскихъ пособіяхъ будетъ отказано дѣтямъ, которыя родятся отъ браковъ, заключенныхъ годъ спустя послѣ обнародованія закона, и всѣмъ незаконнорожденнымъ, которые родятся черезъ два года послѣ объявленія закона».

браковъ, обставивъ право вступать въ бракъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. И извѣстно, это требованіе сдѣлалось закономъ во многихъ европейскихъ государствахъ. Но запрещеніе вступать въ бракъ, какъ и слѣдовало предвидѣть, не достигало цѣли, а только увеличивало число незаконнорожденныхъ. Вслѣдствіе этого для логическихъ мальтузіанцевъ предстала диллема: или чрезмѣрное размноженіе населенія и съ нимъ всѣ ужасы, или ослабленіе чистоты нравовъ. Они отдали предпочтеніе послѣднему, и отсюда появленіе скандальныхъ сочиненій, написанныхъ съ самыми лучшими намѣреніями. Поэтому не правы послѣдователи Мальтуса, упрекая Прудона, назвавшаго ученіе Мальтуса «*позоромъ нравственности*», въ оклеветаніи ихъ учителя. Помимо того, что Прудонъ имѣлъ полное основаніе видѣть центръ тяжести ученія не въ иллюзіи о добровольномъ воздержаніи отъ физической любви, а въ логическихъ слѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ ученія, но и у самаго Мальтуса есть намеки, что нравственность находится въ меньшей зависимости отъ характера отношеній между полами, чѣмъ это принимается. Правда, мысль эту онъ всегда высказываетъ осторожно, въ неясныхъ выраженіяхъ. Напримѣръ, онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «Мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибы я высказалъ что либо, что могло бы быть перетолковано, прямо или косвенно, въ смыслѣ неблагопріятномъ для добродѣтели. Но я не думаю, чтобы проступки, о которыхъ идетъ рѣчь, могли бы разбираться только въ нравственномъ отношеніи, ни даже, чтобы они были самыми важными проступками. Правда, они постоянно или, по крайней мѣрѣ, въ большемъ числѣ случаевъ, влекутъ за собой несчастія и потому должны строго сдерживаться; но существуютъ пороки, послѣдствія которыхъ еще болѣе пагубны и вызываютъ положенія еще болѣе печальныя. Крайняя бѣдность предрасполагаетъ къ искушеніямъ еще болѣе сильнымъ....»

Ниже мы разсмотримъ истинность основнаго положенія Мальтусовой теоріи, а пока замѣтимъ, что экономисты, признающіе законъ Мальтуса и въ то же время предлагающіе различныя мѣры къ устраненію или, по крайней мѣрѣ, ослабленію соціальныхъ бѣдствій, представляютъ тѣмъ самымъ замѣчательный примѣръ или иллюзіи, или непослѣдовательности. Никакая мѣра, по уче-

нію Мальтуса, не можетъ уменьшить человѣческихъ бѣдствій, если рядомъ съ нею не будетъ уменьшаться ростъ народонаселенія чрезъ воздержаніе отъ физической любви. Слѣдовательно, предложеніе мальтузіанцемъ какихъ либо соціальныхъ мѣръ, съ цѣлью увеличить благосостояніе народа, получаетъ смыслъ лишь при признаніи имъ за массою способности къ воздержанію отъ физической любви; но въ такомъ случаѣ онъ представляетъ примѣръ поразительно наивнаго фантазера *); если же мальтузіанецъ не раздѣляетъ этой иллюзіи, тогда выступаетъ его непослѣдовательность. Логическимъ мальтузіанцамъ слѣдуетъ оставить всякія заботы объ улучшеніи соціальнаго быта и не думать о судьбахъ человѣчества съ ихъ неизбѣжно-мрачнымъ характеромъ. Милль въ своемъ трактатѣ о политической экономіи говоритъ, что «если бы эта наука не могла предложить средствъ для устраненія бѣдности, рабскаго состоянія низшихъ классовъ, изнуряющихся съ ранняго утра до поздней ночи работою лишь для одного своего прокормленія, а способна была только опровергуть всякіе планы къ тому, доказать, что невозможно ничего сдѣлать, тогда она была бы наукою *печальною*, не возбуждающею признательности къ себѣ». Благодаря допускаемой имъ иллюзіи объ уменьшеніи роста размноженія людей чрезъ воздержаніе отъ физической любви, онъ не считаетъ ее таковой. Мы же думаемъ: — такъ какъ ученіе Мальтуса до послѣдняго времени имѣло значеніе краеугольнаго камня политической экономіи, то для человѣка логическаго и чуждаго иллюзіи—ожиданія значительныхъ результатовъ отъ воздержанія—политическая экономія, дѣйствительно, должна была представляться *мрачною* наукою. Непризнаніе Мальтусова ученія нѣсколькими учеными (Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Кабе, Фурье, Прудонъ, Леру, Кэри, Марксъ, Дюрингъ) объяснялось экономистами или фантастическими грезами о невозможномъ общественномъ устройствѣ, или непониманіемъ ученія, или чувствомъ не любви къ ученію, покоряющимся непріятной истинѣ только по истощеніи всѣхъ уловокъ, посредствомъ которыхъ можно уклоняться отъ признанія истины. И

*) Если такой замѣчательный мыслитель, какъ Милль, раздѣляетъ эту иллюзію, то это, по нашему мнѣнію, служитъ лучшимъ доказательствомъ присущаго людямъ свойства—легко соглашаться съ тѣмъ, чего они очень желаютъ.

далѣе мы полагаемъ: — такъ какъ ложныя и бѣдственныя для рабочихъ классовъ ученія Смито-Мальтузіанской школы, занимавшія до шестидесятыхъ годовъ господствующее значеніе въ политической экономіи и совпадавшія съ интересами буржуазіи, оказали сильнѣйшее вліяніе на законодательство и общественное мнѣніе, то политическая экономія была не только *печальною*, но, во многихъ отношеніяхъ, и *вредною* теоріею.

§ 5) Писатель, оказавшій, послѣ Адама Смита и Мальтуса, сильнѣйшее вліяніе на экономическія воззрѣнія, былъ Рикардо. Главное его сочиненіе: «Начала политической экономіи и налоговъ», вышло въ 1817 году. Рикардо, какъ и Смитъ, является защитникомъ неограниченной свободы личнаго интереса. «При системѣ безграничной свободы промышленности, говоритъ онъ, каждая страна даетъ своему капиталу и труду такое назначеніе, какое наиболѣе для нея выгодно. .. Увеличивая общую массу произведеній, она распространяетъ всеобщее благосостояніе и силою интереса связываетъ въ одно цѣлое народы всего цивилизованнаго міра.»

Принявъ исходными точками основные принципы ученій Смита и Мальтуса, Рикардо исправилъ нѣкоторые неточные выводы своихъ предшественниковъ и развилъ ихъ принципы далѣе, черезъ что многіе важные вопросы получили совсѣмъ иное рѣшеніе. Важнѣйшія изслѣдованія этого писателя относятся къ теоріи распредѣленія народнаго дохода. Подобно Смиту, Рикардо принимаетъ три источника дохода: поземельную ренту, заработную плату и прибыль, соотвѣтственно участію въ производствѣ земли, труда и капитала. Но онъ расходится съ Смитомъ касательно условій, управляющихъ высотою ихъ и ихъ взаимнымъ отношеніемъ.

Въ ученіи Рикардо о поземельной рентѣ заключается одно неоспоримое положеніе, а именно, что доходъ съ земельной собственности обусловливается качествами почвы и другими естественными преимуществами земли. Этотъ фактъ имѣетъ важное соціальное значеніе. Имъ порождается вопросъ о справедливости присвоенія землевладѣльцами земельной ренты, онъ оказываетъ, въ области частной собственности на землю, громадное вліяніе на централизацію богатствъ, проистекающую притомъ не изъ дѣ-

ятельности собственниковъ земли, а какъ результатъ естественнаго хода дѣлъ и, главнымъ образомъ, наростанія населенія *). Вопросъ о справедливости присвоенія земельной ренты лишь однимъ классомъ общества не могъ быть затронутъ Рикардо по самому духу его ученія, признававшаго безграничное право собственности на всѣ матеріальные предметы *естественнымъ закономъ* народнаго хозяйства; вопросъ же о вліяніи земельной ренты на концентрацію богатствъ разсмотрѣнъ имъ единственно въ примѣненіи къ сельско-хозяйственной и горной промышленностямъ и выведенъ изъ *недоказаннаго до сихъ поръ* положенія о постоянно возрастающемъ количествѣ труда для добыванія того же количества сельскихъ продуктовъ **). Но концентрація богатствъ въ земельной собственности, какъ результатъ естественнаго хода дѣлъ, имѣетъ мѣсто и безъ уменьшенія производительности сельско-хозяйственнаго труда.

Различіе въ естественныхъ качествахъ земель, плодородіи, мѣстонахожденіи, разстояніи ихъ отъ путей сообщенія и большихъ населенныхъ пунктовъ имѣетъ результатомъ, что земли одинаковаго размѣра, при одинаковой затратѣ на нихъ капитала и труда, приносятъ собственникамъ различные доходы. Разность доходовъ землевладѣльцевъ, насколько она проистекаетъ изъ указанныхъ преимуществъ земельныхъ участковъ, а не изъ различія хозяйственныхъ способностей землевладѣльцевъ и неодинаковости затраты труда и капитала, называется рентою. Таковъ именно основный смыслъ правильно понятой теоріи ренты Рикардо ***). Съ увеличеніемъ плотности населенія возрастаетъ спросъ

*) Ланге въ соч. „Die Arbeiterfrage“, выдающемся по глубинѣ мысли и важности затронутыхъ вопросовъ, высказываетъ убѣжденіе, что если не во всѣхъ государствахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ Англіи, не въ далекомъ будущемъ, получитъ большое практическое значеніе требованіе, чтобы земля была изъята изъ предметовъ частной собственности и признана національною собственностью, отдаваемою въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ и за извѣстное вознагражденіе. (Dritte Aufl. s 297).

**) См. замѣчательное обсужденіе Рикардовой теоріи земельной ренты вообще и вопроса объ уменьшающейся производительности добывающей промышленности въ частности въ книгѣ Родбертуса — Zur Beleuchtung d. Socialen Frage. 1875.

***) Рикардо называетъ рентою вознагражденіе собственника за принадлежащія ему „первоначальныя природныя силы земли“. Это неудачное выраженіе, не имѣющее связи съ его ученіемъ, дало нѣкоторымъ писателямъ поводъ

на землю, худшія земли, находившіяся внѣ обращенія, входятъ въ сферу эксплоатаціи *); вслѣдствіе чего повышаются цѣнность, доходность, наемная плата всѣхъ земель, пользующихся какими-либо преимуществами предъ землями, вновь вошедшими въ обращеніе. Это возрастаніе богатства земельныхъ собственниковъ, безъ всякаго съ ихъ стороны труда, содѣйствія, а только благодаря естественному ходу дѣлъ, проявляясь наиболѣе универсально на земляхъ, вошедшихъ въ сельско-хозяйственную и минеральную промышленности, охватываетъ и всѣ прочіе виды земельной собственности: городскія земли, живописныя мѣста, водяныя силы и проч. Далѣе земли, чрезъ которыя прошла желѣзная дорога, земли, прилегающія къ вновь устроенной гаваши, подымаются въ доходности и цѣнности. Всякое расширеніе города увеличиваетъ цѣнность земель и домовъ, лежащихъ ближе къ центру. Основаніе въ селѣ свекловичнаго или какого-либо другаго завода, фабрики подымаетъ доходность и цѣнность окружныхъ земель, могущихъ, по свойствамъ почвы, снабжать новое промышленное заведеніе сырыми матеріалами. Подобныхъ примѣровъ можно привести массу. И достаточно немного всмотрѣться въ дѣйствительность, чтобы убѣдиться, что обстоятельства, порождающія возростаніе доходности и цѣнности недвижимыхъ имуществъ, безъ всякаго содѣйствія къ тому собственниковъ, обладаютъ характеромъ

утверждать, что рента, даваемая землею вслѣдствіе затраченнаго на нее *когда либо* капитала, должна считаться не рентою, а прибылью. Кэри пошелъ еще дальше и утверждалъ, что ренты, въ смыслѣ Рикардо, не существуетъ, ибо всякая рента есть результатъ затраченнаго предшествовавшими поколѣніями капитала. За эту мысль схватились Бастіа и другіе экономисты, усмотрѣвъ въ ней сильнѣйшій аргументъ для защиты частной земельной собственности и земельной ренты. Своими разсужденіями эти экономисты только доказали, что они не поняли ученія Рикардо о поземельной рентѣ. Изъ сущности этого ученія неоспоримо слѣдуетъ, что авторъ видѣлъ ренту не *только* тамъ, гдѣ она проистекаетъ изъ первоначальныхъ природныхъ силъ земли (подобное ограниченіе ренты не имѣетъ смысла уже по одному тому, что изслѣдованіе таковой ренты невозможно), но и тамъ, гдѣ она является результатомъ израсходованнаго на улучшеніе почвы капитала. Земли равнаго плодородія даютъ равную ренту, все равно, будетъ ли ихъ плодородіе естественное или пріобрѣтенное. Рента отъ земли съ пріобрѣтеннымъ плодородіемъ проистекаетъ по тѣмъ же причинамъ и имѣетъ то же соціальное значеніе, какъ если бы съ самаго начала эта земля обладала тою степенью плодородія, какая искусственно придана ей.

*) Возраженія Кэри, основанныя на обратномъ этому ходѣ заселенія Америки, не касаются старыхъ странъ съ густымъ населеніемъ.

непрерывности и общности въ такой степени, что, въ мѣстностяхъ съ достаточнымъ населеніемъ и развитыми сношеніями, ни одно недвижимое имущество не остается внѣ постояннаго, большаго или меньшаго, ихъ вліянія. Такимъ путемъ постоянно возрастающая концентрація богатствъ въ рукахъ собственниковъ недвижимыхъ имуществъ, не заключающая въ себѣ ни одного атома труда, имѣетъ вполнѣ характеръ подати, которую они взимаютъ съ прочихъ общественныхъ классовъ.

Остающаяся, за вычетомъ ренты, часть ежегоднаго національнаго продукта распредѣляется *первоначально* между промышленнымъ капиталомъ и трудомъ. Рикардо доказано, что, при этомъ распредѣленіи, *доля промышленнаго капитала обратно пропорціональна заработной платѣ*. Величина же заработной платы, по ученію Рикардо, обусловливается, въ среднемъ выводѣ, *безусловно необходимыми средствами существованія*, отклоняясь временно то въ ту, то въ другую сторону. При возвышеніи ея увеличивается число браковъ и рожденій и уменьшается смертность среди рабочихъ классовъ, вслѣдствіе чего возрастаетъ предложеніе труда и понижается плата за него. При паденіи рабочей платы ниже средствъ, необходимыхъ для существованія, усиливается смертность, предложеніе труда уменьшается, пока рабочая плата не достигнетъ своего нормальнаго уровня. Мы будемъ имѣть случай говорить ниже объ этомъ установленномъ Рикардо законѣ рабочей платы, названномъ Лассалемъ «желѣзнымъ закономъ.»

Ясно, что теорія распредѣленія Рикардо, констатирующая противоположность интересовъ общественныхъ классовъ—землевладѣльцевъ, промышленниковъ и рабочихъ—стоитъ въ очевидномъ противорѣчіи съ его исходнымъ положеніемъ, что *преслѣдованіе индивидуальной пользы удивительно какъ совпадаетъ съ общимъ благомъ всѣхъ*.

§ 6. Ученія Ад. Смита, Мальтуса и Рикардо породили въ теоріи экономической политики школу «неограниченной свободной конкурренціи», называющейся также «Манчестерской», вслѣдствіе образованія въ Манчестерѣ лиги для агитаціи къ устраненію изъ законодательства послѣднихъ остатковъ ограниченія свободы промышленности и торговли. Организація народнаго хозяйства,

основанная на свободной конкурренции индивидуальныхъ интересовъ, представляется этой школѣ *идеаломъ*, *заключительнымъ моментомъ экономическаго развитія человѣчества*. Законъ рабочей платы, установленный Рикардо, не нарушаетъ, по ея мнѣнію, гармоніи интересовъ, такъ какъ благосостояніе рабочихъ находится въ ихъ собственныхъ рукахъ; нужно только послѣднимъ уменьшать свое размноженіе.—Соотвѣтствіе теоріи свободной конкурренціи интересамъ имущихъ классовъ, отсутствіе до послѣдняго времени обширныхъ, цѣлесообразно-классифицированныхъ данныхъ по экономической статистикѣ, недостаточное знакомство экономистовъ съ существовавшими статистическими данными были причинами, что эта школа въ теченіе семидесяти лѣтъ сохраняла за собою господство въ экономической наукѣ.

Разумѣется человѣческая мысль въ XIX столѣтіи не могла застыть на абсолютномъ, метафизическомъ и притомъ анти-соціальномъ ученіи Манчестерской школы. Во Франціи, Англіи, Германіи появлялись сочиненія, враждебныя господствовавшей школѣ. Самый ходъ промышленной жизни вызывалъ сомнѣнія въ истинности манчестерскаго ученія. Развитіе машиннаго производства оказывало гибельное вліяніе на рабочіе классы; работники не только получали скудные заработки, при увеличивавшемся числѣ рабочихъ часовъ, но часто не могли найти себѣ занятіе и обращались въ нищихъ; пауперизмъ усиливался. Среди англійскихъ работниковъ быстро росли коалиціонное и чартистское движенія. Послѣднее угрожало революціею. 10 апрѣля 1848 года, герцогъ Велингтонъ былъ назначенъ главнокомандующимъ военныхъ силъ, собранныхъ въ Лондонѣ для защиты общественнаго порядка. *Іюльская* революція во Франціи написала на своемъ знамени «droit au travail.» Чѣмъ громче заявляли рабочіе классы свое недовольство, тѣмъ болѣе обращалось вниманіе общества на ихъ положеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ росла экономическая и соціальная литература, проникнутая сочувствіемъ къ интересамъ труда, подвергавшая критикѣ господствовавшую экономическую школу и оказывавшая все бо́льшее вліяніе на умы. Уже къ концу 40-хъ годовъ критическое направленіе считало своими представителями такихъ замѣчательныхъ писателей, какъ С. Симонъ, Сисмонди, Фурье, Родбертусъ, Прудонъ, Луи-Бланъ, Марло (Винкельблехъ).

Рядомъ съ критикою экономическаго порядка свободной конкурренціи, идутъ попытки изслѣдовать историческій ходъ развитія экономическихъ явленій и указать связь каждой народно-хозяйственной организаціи съ прочими сторонами жизни. Такія попытки были въ началѣ односторонни и неполны. Но, съ умноженіемъ массы разработаннаго матеріала, историческое направленіе высказывалось все яснѣе и полнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхи *«эволюціоннаго»* направленія въ естественныхъ наукахъ, паденіе метафизики и возраставшее вліяніе позитивной философіи способствовали торжеству историко-физіологическаго метода. Раскрытіе *«закона развитія»*, составляющее конечную цѣль каждой науки, сдѣлалось главною задачею историческаго направленія политической экономіи.

Критическое и историческое направленія заняли къ концу 40-хъ годовъ уже видное мѣсто въ экономической литературѣ. Тѣмъ не менѣе, потребовалось еще двадцать лѣтъ,—въ теченіе которыхъ движеніе рабочихъ классовъ изъ мѣстнаго, національнаго сдѣлалось интернаціональнымъ, что и выразилось въ образованіи «международной ассоціаціи рабочихъ»; сознаніе о темныхъ сторонахъ неограниченной свободы конкурренціи распространялось,—чтобы лишить Манчестерскую школу господствующаго значенія, чтобы на университетскія каѳедры взошли профессора, не считающія ея ученія десятью заповѣдями, чтобы явилась пресса, вступившая въ борьбу съ нею, чтобы сомнѣніе въ ея благотворности проникло въ совѣты министровъ и парламенты. Новыя идеи въ соціальной наукѣ, затрогивая интересы людей, пробиваютъ себѣ путь гораздо медленнѣе, чѣмъ новыя изслѣдованія въ физическихъ наукахъ. Кто-то (кажется Гоббесъ) остроумно замѣтилъ, что еслибы вопросъ о числѣ, происходящемъ изъ умноженія двухъ на два, затрогивалъ интересы людей, то онъ и по нынѣ не былъ бы рѣшенъ единодушно.

Въ настоящее время историческая школа политической экономіи пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все большее значеніе. Вслѣдствіе борьбы новѣйшихъ представителей этой школы съ догматомъ о благотворныхъ результатахъ безграничной свободы личнаго интереса и требованія ими внесенія въ экономическую дѣятельность правоваго и нравственнаго элементовъ, ее называютъ

также *«этическою.»* Въ виду значительной солидарности большаго числа представителей этой школы, особенно въ Германіи, съ оцѣнкою нынѣ дѣйствующей системы свободной конкурренціи, сдѣланною соціалистическою критикою, и требованія ими энергическаго государственнаго вмѣшательства для смягченія золъ этой системы, они получили отъ манчестерцевъ названіе *«Kathedder Socialisten»*, такъ какъ большинство ихъ занимаютъ каѳедры въ университетахъ. Современные представители этой школы въ Германіи дали ей названіе *«реалистической»*), желая этимъ отмѣтить, что самая характеристическая научная черта школы заключается въ признаніи ею *относительности* организацій народнаго хозяйства и въ отрицаніи *абсолютныхъ доктринъ, выводимыхъ изъ чистаго разума, изъ положенія о неизмѣнности человѣческой природы и ея отношеній къ внѣшнему міру*. Такъ какъ это названіе школы самое распространенное, то мы и удержимъ его въ послѣдующемъ изложеніи.

Достигнувъ уже господствующаго значенія въ университетахъ Германіи, реалистическая школа имѣетъ своими представителями почти всѣхъ молодыхъ экономистовъ Англіи **) и Италіи ***) и

*) См кн Brentano, Abstrakte und realistische Volkswirtschaft. 1873.

**) Cliffe-Leslie, Ludlow, Beesly, Crompton, Harrison. (О паденіи въ Англіи авторитета „ортодоксальной“ школы свободной конкурренціи см. статью Cliffe Leslie въ Jahrbucher f Nationalokonomie u. Statistik. Erst. u. Zweites Heft. 1879 г.). Особенное вниманіе обратила на себя рѣчь Ингрэма, президента отдѣла политическихъ наукъ Британской Ассоціаціи для споспѣшествованія наукамъ, „о необходимости реформы въ наукѣ о народномъ хозяйствѣ“, произнесенная имъ на годичномъ собраніи Ассоціаціи, въ 1878 г. и изданная потомъ отдѣльной брошюрой. Эта рѣчь есть „объявленіе войны“ (по выраженію Клифъ Лесли) старой школѣ политической экономіи и ея апріористическому методу. Профес. Scheel, переведшій брошюру на нѣмецкій языкъ и написавшій къ ней введеніе, не уступающее по научной цѣнности самой брошюрѣ, говоритъ въ немъ, что еще никогда, въ нѣмецкихъ книгахъ и статьяхъ, необходимость разработки науки о народномъ хозяйствѣ, только какъ составной части соціальной науки, не была такъ ясно, убѣдительно изложена, какъ это сдѣлано Ингрэмомъ, который развилъ и дополнилъ основныя воззрѣнія по этому вопросу своихъ предшественниковъ въ англійской литературѣ, какъ Кэри, Милль, Спенсеръ.

***) Messedaglia, Cossa, Lampertico (профессора политической экономіи въ двухъ лучшихъ итальянскихъ университетахъ. Падуѣ и Павіи), Montanari, Errera, Taniolo, Nazzani, Schiatcrella, Miraglia, Luzzati, Vidari, Del Guitice, Padelletti, Guelfi (послѣдніе четыре профессора исторіи права въ римскомъ и павіанскомъ университетахъ) Періодическія научныя изданія: — l'Archivio giucidico, la Rivista Europea, l'Economista d'Italia (Объ успѣхахъ реалистиче-

Лавеле въ Бельгіи. Во Франціи, родинѣ главы «позитивной философіи», позитивное направленіе въ наукѣ имѣетъ уже десять лѣтъ свой спеціальный журналъ «La philosophie positive», въ которомъ часто встрѣчаются замѣчательныя историческія и соціологическія работы. Но спеціально-экономическая литература Франціи находится въ застоѣ. За послѣднія пятнадцать лѣтъ нельзя указать ни одного сочиненія, обратившаго на себя вниманіе. Тщетныя усилія «Journal de Economistes» остановить новое движеніе въ политической экономіи имѣетъ результатомъ лишь то, что въ немъ помѣщаются статьи, какъ, напримѣръ, статьи Мориса Блока: «Les deux Écoles économiques. La nouvelle École autoritaire ou les Socialistes en chaire»; *) «l'Harmonie des intérêts, l'égoisme, le laissez-faire»; **) «La quintessence du socialisme de la chaire» ***)—которыя могутъ служить очевиднѣйшимъ доказательствомъ, что школа свободной конкурренціи доживаетъ свои послѣдніе дни.

Главныя положенія, добытыя реалистическимъ направленіемъ и которыми оно существенно отличается отъ школы свободной конкурренціи, суть слѣдующія:

Во-первыхъ, отрицаніе абсолютной неизмѣнности хозяйственныхъ организацій. Въ противоположность Смитовской школѣ, считающей свою теорію народнаго хозяйства послѣднимъ словомъ человѣческаго разума по этому предмету, а потому долженствующую обнять весь міръ и остаться навсегда неизмѣнною, реалистическое направленіе указываетъ, что современный западно-европейскій экономическій порядокъ, покоющійся на широкомъ примѣненіи принципа свободной конкурренціи, представляетъ собою такую же переходную ступень въ развитіи человѣчества, какую представляли и всѣ прочія хозяйственныя организаціи. Для обоснованія этой мысли нѣтъ надобности ссылаться на біологію и антропологію, доказавшихъ постоянную измѣняемость всѣхъ орга-

---

скаго направленія политической экономіи въ Италіи см. статью фон-Шеля въ Jahrb. f. Nat-ok. u. St. 1876 г. Приведенныя нами указанія на представителей реалистической школы въ Италіи заимствованы изъ этой статьи

*) Августъ 1876 г.

**) Сентябрь 1877 г.

***) Ноябрь 1878 г.

ническихъ формъ, въ томъ числѣ и человѣка,*)—такой доводъ могъ бы послужить поводомъ къ мысли, что порядку свободной конкурренціи суждено существовать еще значительное время,—достаточно указать, что этотъ порядокъ, явившійся такъ недавно, не успѣвшій еще вполнѣ реализоваться, вызвалъ уже противъ себя недовольство и борьбу массъ, порицанія въ наукѣ, имѣвшія результатомъ вмѣшательство въ этотъ порядокъ законодательства съ цѣлью ослабить его вредныя дѣйствія (фабричные и др. законы).

Во-вторыхъ, Смитовская школа, исходя изъ ошибочнаго воззрѣнія, что организація хозяйственной жизни общества, основанная на полной свободѣ борьбы личныхъ интересовъ, есть идеалъ народнаго хозяйства, естественно должна была требовать полнаго невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь и ограничивала поэтому сферу государственной дѣятельности исключительно отрицательною ролью, а именно: охраненіемъ внутренней и внѣшней безопасности и защитою права. Реалистическая школа указываетъ, что ограниченіе государственной дѣятельности исключительно отрицательной ролью имѣло бы смыслъ и возможность осуществленія лишь въ томъ случаѣ, когда бы свободная конкурренція частныхъ интересовъ дѣйствительно могла осуществить матеріальное благосостояніе, культурныя задачи, гармонію интересовъ между общественными классами. Но такъ какъ свободная конкурренція безсильна осуществить такое положеніе дѣлъ, то и *постулатъ* о невмѣшательствѣ государства, имѣвшій лишь временной успѣхъ, неизбѣжно долженъ былъ потерпѣть пораженіе какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ. Государство никогда не ограничивалось, не ограничивается и, по крайней мѣрѣ, на непредвидѣнное еще время, не можетъ ограничиться исключительно отрицательной сферой дѣятельности**). Государство, его экономическая и политическая

*) Законъ развитія констатируетъ въ высшей степени важный фактъ, что во всѣ эпохи органической жизни на землѣ совершалось постоянное измѣненіе ея какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ индивидумахъ. Häckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte.

**) Даже во время самаго сильнаго вліянія Манчестерской школы на англійское законодательство, отъ 20-хъ до 60-хъ годовъ, парламентъ вынужденъ былъ издать фабричные законы; далѣе, англійское законодательство не нашло

организація есть всегда выраженіе силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, выраженіе господствующихъ въ данное время въ данномъ народѣ интересовъ и стремленій. Государство—эта сосредоточенная и организованная общественная сила—всегда служитъ, по выраженію Маркса, повивальной бабкой старому обществу, которое бываетъ беременно новымъ. Сами юридическія, политическія и экономическія теоріи, считавшія себя, съ свойственною дѣтству наивностью, наукою, были до сихъ поръ лишь выраженіемъ господствующихъ въ обществѣ интересовъ. Время, когда писалъ Адамъ Смитъ свои изслѣдованія о богатствѣ народовъ, было временемъ борьбы противъ феодальныхъ привилегій, цеховой регламентаціи, меркантильныхъ запрещеній, задерживавшихъ свободное развитіе національныхъ силъ. Какъ реакція противъ обветшалыхъ стѣсненій государственной опеки, явилось убѣжденіе, что одно освобожденіе отъ узъ, лежавшихъ на производительныхъ силахъ страны, и предоставленіе хода дѣлъ свободной борьбѣ частныхъ интересовъ достаточны, чтобы привести общество къ желанному благоденствію. Это убѣжденіе вѣка и легло краеугольнымъ камнемъ въ теорію Смита, и помѣшало ему замѣтить, что его ученіе, на которое онъ взиралъ, какъ на совершеннѣйшее воплощеніе разума, какъ на стоящее внѣ зависимости отъ времени и мѣста, является само не болѣе какъ знаменіемъ времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ вѣрнымъ слугою интересамъ общественнаго класса, получившаго въ Англіи и Франціи, къ концу XVIII вѣка, преобладающее значеніе *). Невмѣшательство государства въ хозяйственныя отношенія об-

---

возможнымъ, ни на одинъ моментъ, сложить съ себя заботу о культурныхъ задачахъ, какъ напр., народное образованіе, ученыя экспедиціи и мн. др., а также не могло отказаться отъ законовъ для призрѣнія неимущихъ работы и немогущихъ работать.

*) Справедливо замѣчаетъ Маурусъ, что такъ какъ требованіе физіократами и Ад. Смитомъ полной свободы промышленности было вызвано стремленіемъ ихъ устранить всѣ привилегіи и водворить благоденствіе, то живи эти гуманные философы въ наше время „когда стало очевиднымъ состояніе зависимости, въ которой неимущій трудъ находится отъ властвующаго и высасывающаго могущества нынѣ не менѣе привилегированныхъ социальныхъ силъ, они, самымъ послѣдовательнымъ образомъ, требовали бы освобожденія труда отъ гнетущихъ условій, посредствомъ ограниченія свободнаго употребленія, или, лучше сказать, злоупотребленія этими силами.“ („О свободѣ въ политической экономіи.“ Ст. 16. 1875 г.).

щества какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, составляетъ интересъ крупной буржуазіи, какъ представительницы капитала, и поэтому оно есть услуга, оказываемая государствомъ капиталу на счетъ труда.

Въ третьихъ, изъ уясненія роли государства въ народной жизни, само собою вытекаетъ заключеніе о недостаточности сдѣланнаго Смитовской школой опредѣленія предмета и границъ экономической науки. Политическая экономія, если желаетъ обнять экономическіе факты въ всей ихъ цѣлости, не можетъ ограничиться изслѣдованіемъ только системы частныхъ хозяйствъ, а должна разсматривать всю область народнаго хозяйства, какъ частнаго, такъ и общественнаго, проявляющагося въ экономической дѣятельности государства и различныхъ автономныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Далѣе, каждая сторона народной жизни находится во взаимодѣйствіи со всѣми прочими, а потому съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія области хозяйственныхъ интересовъ общества, наука должна разсматривать ее совмѣстно съ прочими сферами народной жизни: — нравственною, политическою, правовою. Отсюда видно, что предметъ политической экономіи, какъ его понимаетъ реалистическая школа, гораздо шире, сравнительно съ пониманіемъ его Смитовскою школою. Предметъ политической экономіи, по ученію реалистической школы, состоитъ въ изслѣдованіи причинъ, порождающихъ ту или другую организацію народнаго хозяйства, въ изслѣдованіи сущности этихъ организацій и связи ихъ со всѣми прочими сторонами народной жизни.

Въ четвертыхъ, при указанномъ только что пониманіи реалистическою школою предмета политической экономіи, эта школа, естественно, должна разойтись съ Смитовскою и по вопросу о методѣ. Смитовская школа, ограничивъ предметъ политической экономіи системою частныхъ хозяйствъ, могла пользоваться почти исключительно методомъ дедукціи, потому что для объясненія явленій частныхъ хозяйствъ возможно было, не расходясь значительно съ дѣйствительностью, допустить одну психологическую посылку, именно личный интересъ, и изъ нея дѣлать выводы для объясненія явленій и построенія теоріи. Замѣтимъ, однако, что и здѣсь Смитовская школа впала въ большую

ошибку: — подвергнувъ анализу систему частныхъ хозяйствъ, она, вслѣдствіе ея указанныхъ выше апріорнстическихъ заблужденій, полагала, что занимается изслѣдованіемъ общественнаго хозяйства во всемъ его цѣломъ. Такимъ образомъ, часть была отожествлена съ цѣлымъ, и результаты анализа одного рода явленій были приложены къ явленіямъ совершенно другаго рода. Реалистическая школа—какъ разсматривающая причины, управляющія дѣятельностью не только отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ, но и хозяйства общественнаго, явленія котораго всегда вытекаютъ изъ взаимодѣйствія многихъ силъ и физіологія котораго совершенно отлична отъ физіологогіи системы частныхъ хозяйствъ — пользуется въ своихъ изслѣдованіяхъ предпочтительно методомъ индукціи. При современномъ состояніи знаній, господство дедуктивнаго метода изслѣдованія можетъ имѣть мѣсто, какъ это прекрасно разъяснено въ «Логикѣ» Милля, лишь въ такихъ наукахъ, которыя располагаютъ для своихъ выводовъ *общими* и очевидными аксіомами. Явленія же соціальныя суть явленія самыя сложныя, результаты многихъ причинъ. На эти явленія, кромѣ причинъ физическихъ, дѣйствуетъ также вся совокупность качествъ природы человѣка какъ эгоистическихъ, такъ и альтруистическихъ, и ни одно изъ этихъ качествъ не дѣйствуетъ въ слабой степени, чтобы его можно было не принимать въ разсмотрѣніе.

Наконецъ, *въ пятыхъ*, изъ признанія реалистическою школою неблагопріятныхъ для общественной жизни результатовъ неограниченной свободной конкурренціи, сама собою вытекаетъ для нея задача указать, *съ точки зрѣнія понятій о правѣ и о культурныхъ задачахъ нашего времени*, общую, ближайшую цѣль развитія народнаго хозяйства и мѣры для осуществленія ея. Цѣль развитія народнаго хозяйства реалистическая школа видитъ *въ согласованіи наибольшаго производства съ возможно справедливымъ распредѣленіемъ Справедливость же въ распредѣленіи, по понятіямъ нашего времени, осуществляется тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе распредѣленіе покоится на принципѣ труда*. Что же касается мѣръ, ведущихъ къ осуществленію указанной основной цѣли народнаго хозяйства, реалистическая школа не можетъ, уже по самому ея научному характеру,

признать возможность указанія какихъ-либо универсальныхъ, шаблонныхъ мѣръ. Мѣры эти обусловливаются временемъ, мѣстомъ и другими конкретными обстоятельствами. Отсюда, реалистическая школа отвергаетъ, какъ невѣжественную, не имѣющую никакого понятія объ условіяхъ управляющихъ жизнью общества, ту фракцію соціализма, которая требуетъ *немедленнаго* измѣненія общественнаго порядка въ смыслѣ установленія *исключительно доходовъ отъ труда,* слѣдовательно, безусловнаго устраненія всѣхъ частныхъ капиталовъ, частной земельной собственности, всѣхъ рентныхъ доходовъ. Реалистическая школа указываетъ, что для осуществленія этихъ требованій не имѣется въ настоящемъ обществѣ требуемыхъ условій; что чувства, нравы, понятія громаднаго большинства современнаго общества дѣлаютъ невозможными общественныя формы, на которыя указываетъ соціализмъ. А потому попытка осуществить эти формы общественной жизни насильственно неминуемо потерпѣла бы неудачу и вмѣсто общаго блага, во имя котораго выступаетъ соціализмъ, вызвала бы лишь бѣдственное и напрасное сотрясеніе общественнаго организма.

Указавъ характеристическія черты реалистической школы и отличія ея отъ Смитовской, перейдемъ къ оцѣнкѣ экономическихъ явленій, обусловливаемыхъ свободною конкурренціей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Оцѣнка экономическихъ явленій, вытекающихъ изъ системы свободной конкурренціи.—§ 1. Система свободной конкурренціи есть система монополій.—§ 2. Слѣдствія системы свободной конкурренціи въ области производства.—§ 3. Слѣдствія системы свободной конкурренціи въ области обмѣна.—§ 4. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области распредѣленія.

§ 1. Основное требованіе школы свободной конкурренціи заключается въ устраненіи всякаго законодательнаго регулированія экономическихъ явленій. Основаніемъ этому требованію служитъ убѣжденіе, что неограниченная свобода борьбы частныхъ интересовъ есть непремѣнное условіе осуществленія наилучшаго экономическаго порядка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и человѣческой свободы.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ понятія о *свободѣ*. Замѣтимъ только, что свобода, *въ смыслѣ независимости проявленія человѣкомъ своей воли,* ограничивается: внѣшнею природою, природою человѣка, юридическими постановленіями и соціальными условіями (житейская обстановка). Въ юридическомъ ограниченіи воли—на сколько оно имѣетъ цѣлью и дѣйствительно производитъ уменьшеніе господства однихъ членовъ общества надъ другими и удѣленіе каждому возможно равной доли свобододѣйствія для достиженія личнаго благосостоянія—обыкновенно видятъ не стѣсненіе свободы, а лишь ограниченіе произвола, ибо нравственно-разумная личность даетъ полную санкцію ограниченію закономъ ея воли ради общаго интереса. Мысль, чувство и воля нравственно-разумной личности находятся здѣсь въ полной гармоніи съ юридическимъ ограниченіемъ дѣйствій. Исходя именно изъ этой мысли, Руссо строилъ свою теорію «общественнаго договора», а Кантъ и другіе философы—теорію права и обязанности.

Школа свободной конкурренціи отвергаетъ, на основаніи извѣстныхъ намъ уже посылокъ, ограниченіе частнаго хозяйственнаго интереса и полагаетъ, что тѣмъ самымъ она рас-

ширяетъ область свободы. На самомъ же дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, она приводитъ къ противоположному результату. Мы увидимъ, что высокія мечты гуманнаго умственнаго движенія XVIII вѣка и французской революціи, полагавшихъ, что достаточно уничтожить привиллегіи, объявить всѣхъ людей равными передъ закономъ и предоставить народное хозяйство борьбѣ индивидуальныхъ интересовъ,—и благоденствіе разольется на землѣ,—мечты эти оказались несостоятельными. Съ развитіемъ либеральныхъ учрежденій, вмѣсто прежнихъ юридическихъ привиллегій, явились фактическія привиллегіи. Каждый человѣкъ получилъ по закону право прилагать свой трудъ къ дѣлу, къ которому онъ чувствуетъ наибольшую склонность, получилъ право занять любое положеніе въ государствѣ, а, между тѣмъ, цѣлыя массы людей часто не могутъ даже найдти простую черную работу, не могутъ продать своей рабочей силы и вынуждены жить милостынею. Въ Англіи, наиболѣе примѣнившей принципы свободной конкурренціи, гдѣ, притомъ, національное богатство громадно, существуетъ постоянный и многочисленный (колеблющійся между 600 т. и 1,000,000 лицъ) классъ здоровыхъ работниковъ, которые, за невозможностью продать на рынкѣ свою рабочую силу, живутъ на счетъ общественной благотворительности. «*Либерализмъ*» хотѣлъ сдѣлать трудъ свободнымъ, а вмѣсто того подчинилъ его игу капитала. Онъ мечталъ объ общественномъ благосостояніи, а создалъ крайнюю шаткость, необезпеченность общественныхъ отношеній, нищету и крайнюю бѣдность большинства населенія. Онъ поставилъ себѣ цѣлью уничтоженіе монополій, но устраненныя имъ юридическія монополіи замѣнились гигантскою фактическою монополіею. Онъ хотѣлъ сдѣлать просвѣщеніе общимъ достояніемъ, а сдѣлалъ его привиллегіею владѣющихъ классовъ. Словомъ, онъ стремился къ возможно широкой свободѣ, а въ результатѣ получилъ новые виды закрѣпощенія. Онъ желалъ прямо противоположное тому, къ чему привелъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, оказалось, что «*Либерализмъ*», какъ теорія, есть *утопія* *); и представленіе, которое

*) Въ практической же жизни либеральная фракція общества, къ которой принадлежатъ почти всѣ крупные и средніе работодатели, ради защиты своихъ интересовъ, постоянно впадаетъ въ противорѣчія Она требуетъ свободы только для себя, для капитала, и отрицаетъ свободу для труда, требуя, напримѣръ,

альнаго положенія людей, свидѣтельствуетъ о крайней незрѣлости соціальнаго быта. И далѣе, эта организація является тѣмъ болѣе несоотвѣтствующею современному понятію о справедливости, что неблагопріятныя стороны спроса и предложенія распредѣляются крайне неравномѣрно между различными общественными классами. Владѣющіе классы и выигрываютъ, и проигрываютъ отъ дѣйствій этого регулятора. Неимущіе же рабочіе классы терпятъ отъ него одинъ лишь гнетъ. Причины этого факта слѣдующія.

Неимущіе классы могутъ пріобрѣтать средства существованія единственно продажею своего труда, и свободная конкурренція разсматриваетъ трудъ, какъ товаръ. Не касаясь вопроса о томъ, согласно-ли съ человѣческимъ достоинствомъ приравнивать трудъ къ товару, мы ограничимся констатированіемъ того, весьма важнаго по послѣдствіямъ, факта, что школа свободной конкурренціи упускаетъ изъ виду, *что трудъ есть товаръ особаго рода*, что онъ отличается отъ матеріальныхъ товаровъ такими свойствами, въ виду которыхъ покупку—продажу его никоимъ образомъ нельзя подчинить тѣмъ же условіямъ, какими опредѣляются цѣны вещественныхъ товаровъ.

Трудъ есть проявленіе рабочей силы Рабочая же сила не можетъ быть отдѣлена отъ человѣка. Слѣдовательно, пользованіе рабочею сплою другаго есть пользованіе самимъ человѣкомъ. Въ этомъ неразрывномъ соединеніи труда съ личностью заключается существенный признакъ, которымъ трудъ, какъ товаръ, отличается отъ всѣхъ прочихъ товаровъ. Купившій что либо пріобрѣтаетъ право пользованія и распоряженія купленнымъ, пріобрѣтаетъ господство надъ нимъ; и точно также купившій трудъ пріобрѣтаетъ господство надъ рабочею силою, то есть—надъ человѣкомъ, надъ его физическимъ, интеллектуальнымъ, моральнымъ и соціальнымъ существованіемъ. Рядомъ съ этимъ, рабочій обыкновенно бѣденъ; онъ не имѣетъ другихъ источниковъ существованія, какъ только продажу своего труда. Продавцы другихъ товаровъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ рынка, могутъ воздержаться отъ невыгоднаго для нихъ сбыта; для рабочаго нѣтъ выбора и онъ вынужденъ продавать свой трудъ по всякой цѣнѣ, за всякія условія, отчего господство надъ нимъ покупателя его труда еще болѣе усиливается. Эти два факта: неразрывность рабочей силы съ лицомъ, ее продающимъ, и отсутствіе у рабочихъ классовъ другихъ источниковъ существованія, кромѣ

продажи рабочей силы, порождаютъ слѣдующія важныя моральныя и экономическія слѣдствія *).

Продавецъ каждаго вещественнаго товара можетъ продавать его, не находясь въ мѣстѣ нахожденія товара. Не говоря уже объ оптовыхъ торговцахъ, фабрикантахъ, земельныхъ собственникахъ, даже мелочной торговецъ не вынужденъ находиться постоянно при своихъ товарахъ. Какъ эти, такъ и всѣ прочіе общественные классы, за исключеніемъ рабочихъ, пользуются однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ условій существованія, а именно, свободою распоряжаться своимъ временемъ. Высшіе классы работниковъ, какъ, напримѣръ, чиновники, техники, инженеры, хотя и обязаны посвящать опредѣленныя часы дня занятіямъ, тѣмъ не менѣе ихъ положеніе, въ отношеніи свободы распоряжаться временемъ, существенно разнится отъ положенія низшихъ рабочихъ классовъ, такъ какъ первые пользуются значительнымъ ежедневнымъ досугомъ. Рабочіе классы, вслѣдствіе продолжительности дневнаго труда, лишены ежедневнаго досуга, имѣющаго значеніе необходимаго условія для умственнаго и нравственнаго развитія, для выполненія соціальныхъ и домашнихъ обязанностей и, вообще, для существованія, достойнаго человѣка. До ограниченія законодательствомъ рабочаго дня, работники не имѣли часто даже возможности отдавать сну то количество часовъ, какое требовалось для возстановленія изнуренныхъ работою силъ. Рабочіе классы надѣлены политическими правами; во Франціи и Германіи существуетъ даже Suffrage universel, и, въ тоже время, они не имѣютъ ежедневнаго досуга, безусловно необходимаго для образованія, интелектуальнаго развитія и *сознательнаго* пользованія политическими правами. Какое противорѣчіе! Многіе страшатся его, усматриваютъ въ немъ опасность для *непрерывнаго* развитія цивилизаціи, и, однако, нѣтъ другаго выхода изъ этого противорѣчія, какъ только созданіе учрежденій и условій для образованія и интелектуальнаго развитія народа.

Продавецъ матеріальныхъ товаровъ пользуется возможностью управлять спросомъ и предложеніемъ. Если, вслѣдствіе уменьшенія спроса, цѣны на предметы его промысла понизились, онъ

*) Хотя большинство русскаго народа составляютъ мелкіе земельные собственники, но скудость надѣловъ, чрезмѣрная обременительность податей и повинностей ставятъ нашихъ крестьянъ въ такую же безусловную необходимость продавать свой трудъ на всякихъ условіяхъ, въ какую поставлены полные пролетаріи.

воздерживается отъ продажи, уменьшаетъ предложеніе и тѣмъ можетъ возвысить цѣну. Рабочіе же—пока они не соединились въ союзы и не образовали значительныхъ фондовъ, а дѣйствуютъ раздѣльно—не могутъ управлять спросомъ и предложеніемъ. Чѣмъ будетъ жить работникъ въ ожиданіи возвышенія цѣны на его трудъ? Ему не остается ничего другаго, какъ постоянно подчиняться условіямъ рынка, каковы бы они ни были; а эти условія, какъ мы уже говорили, устанавливаются *почти исключительно* покупщиками труда. Покупщики труда опредѣляютъ количество часовъ работы, денную или ночную работу, мѣсто и обстановку труда и вознагражденіе за него. И вслѣдствіе указаннаго нами различія въ положеніи покупщиковъ и продавцовъ труда, послѣдніе вынуждены принимать предписанія первыхъ. А слѣдовательно, покупка-продажа рабочей силы, только въ очень ограниченномъ смыслѣ, можетъ быть названа сдѣлкою *свободною, добровольною*.

Вредное вліяніе свободной конкуренціи на судьбу рабочихъ классовъ вызвало коаліціи послѣднихъ, поставившія себѣ цѣлью организованную борьбу съ капиталомъ. Движеніе рабочихъ имѣло слѣдствіемъ законодательныя мѣры, ограничившія рабочій день, запретившія платить работникамъ вмѣсто денегъ товарами, обязавшія хозяевъ обставлять трудъ извѣстными гигіеническими условіями и имѣть школы при фабрикахъ и заводахъ. Разумѣется, современное фабричное законодательство представляетъ только начало того сознательнаго, цѣлесообразнаго регулированія обществомъ соціальныхъ силъ, которому, по неизбѣжнымъ законамъ развитія, суждено осуществляться полнѣе и полнѣе, солидарно съ развитіемъ правовыхъ идей. Предстоящія событія отражаютъ отъ себя къ намъ тѣнь, говоритъ англійская пословица.

С. *Распредѣленіе.*

§ 4. Въ области распредѣленія темныя стороны системы свободной конкуренціи заявляютъ себя особенно ярко. Онѣ есть результатъ, во-первыхъ, дѣйствія спроса и предложенія, какъ регулятора обмѣна, а слѣдовательно, и распредѣленія, во-вторыхъ, неограниченнаго права наслѣдованія, вытекающаго изъ идеи *абсолютной, неограниченной* частной собственности, въ-третьихъ, ограниченія дѣятельности государства сферою охраненія безопасности и защиты правъ.

Выше, говоря о теоріи ренты Рикардо, мы видѣли, что доходъ землевладѣльца обусловливается не только количествомъ употребляемаго имъ на воздѣлываніе земли основнаго и оборотнаго капитала, не только личными свойствами, но также преимуществами принадлежащаго ему земельнаго участка предъ другими участками, вошедшими въ культуру, преимуществами, заключающимися въ качествѣ почвы или руды, въ близости участка къ рынку, красотѣ мѣстоположенія и мн. др. Присвоеніе землевладѣльцами этой второй части дохода, называемой *«земельною рентою»*, не переставало, со времени Рикардо, быть предметомъ нападокъ. Основаніемъ этихъ нападокъ служила и до сихъ поръ служитъ мысль, что только тѣ доходы справедливы, которые добываются трудомъ. Обсужденіе этой мысли будетъ сдѣлано нами ниже, при разсмотрѣніи теорій собственности. Здѣсь же замѣтимъ только, что отрицающіе справедливость присвоенія ренты частными лицами въ силу того, что рента не есть результатъ труда, на томъ же самомъ основаніи, должны отрицать справедливость *процента на капиталъ и значительной доли промышленной прибыли*. Различіе, которое дѣлала до послѣдняго времени политическая экономія, между рентою, съ одной стороны, процентомъ на капиталъ и предпринимательскою прибылью, съ другой, при обсужденіи вопроса о правѣ присвоенія этихъ доходовъ частными лицами, объясняется недостаточною разработкою вопроса объ образованіи капитала.

Основаніе для оправданія процента на капиталъ экономисты видѣли въ томъ, что капиталъ представляетъ собою «накопленный трудъ.» Но, очевидно, для оправданія капиталистической ренты не достаточно сослаться лишь на то, что капиталъ есть накопленный трудъ; необходимо доказать, что онъ созданъ трудомъ именно того, кому онъ принадлежитъ, или трудомъ наслѣдодателя. Но политическая экономія, до послѣдняго времени, даже не входила въ изслѣдованіе этого важнаго вопроса народнаго хозяйства, хотя основанія для его рѣшенія были уже даны теоріею цѣнности Рикардо; нужно было только сдѣлать изъ нея логическіе выводы. Какъ поверхностное наблюденіе экономическихъ явленій породило нѣкогда убѣжденіе, что деньги и богатство синонимы — заблужденіе, просуществовавшее вѣка — такъ точно внѣшнія формы современнаго производства и обмѣна располагали думать, что капиталъ есть результатъ труда его владѣльца. Въ какой степени теорія цѣнности Рикардо была мало

усвоена экономистами, лучше всего доказывается тѣмъ, что въ науку могла проникнуть нелѣпая выдумка Senior'a, что образованіе и накопленіе капитала обязаны «*воздержанію*» капиталистовъ отъ потребленія и этимъ думали оправдать промышленную прибыль и процентъ на капиталъ *). Въ настоящее время, благодаря трудамъ Родбертуса и Маркса процессъ образованія общественнаго капитала вполнѣ выясненъ.

Капиталъ, *какъ чисто экономическая категорія*, разсматриваемая независимо отъ данныхъ юридическихъ формъ распредѣленія его, есть запасъ такихъ хозяйственныхъ цѣнностей, которыя служатъ, какъ *техническое средство*, для созданія новыхъ цѣнностей; въ этомъ смыслѣ, капиталы составляютъ лишь *орудія производства и сырые матеріалы*. Этотъ капиталъ представляетъ столь же необходимый факторъ производства, какъ природа и трудъ. Капиталъ въ *историко-юридическомъ* смыслѣ, въ смыслѣ *капитало-владѣнія*, есть та часть частнаго иму-

*) Когда Шульце-Деличъ, получившій отъ буржуазной прессы громкій титулъ „Царя въ соціальной области", повторилъ, въ своемъ „катехизисѣ для рабочихъ", „*открытіе*" Сеньора, Лассаль слѣдующимъ наглядным образомъ разъяснилъ достоинство воззрѣній по основному экономическому вопросу „Царя въ соціальной области", взявшаго на себя высокую и трудную задачу поучать народъ:—„Посмотрите вокругъ себя, г. Шульце, какіе продукты могутъ быть потреблены и, стало быть, не могутъ сберегаться?—Хлѣбъ, мясо и т. п. предметы потребленія. И эти предметы не только могутъ потребляться, но и должны въ болѣе или менѣе краткій срокъ потребляться человѣческимъ обществомъ, потому что, большею частью, не выдерживаютъ долгаго храненія, то-есть сбереженія. Теперь взгляните на другой родъ продуктовъ, изъ которыхъ состоитъ главный капиталъ современнаго общества, т. е. на паровыя машины, на улучшенія почвы, на постройки, сырые матеріалы всякаго рода, добытые трудомъ, каковы: желѣзо въ полосахъ, мѣдь въ слиткахъ, кирпичи, каменныя плиты и т. п. Какъ вы думаете, можно „потреблять" и, стало быть, „не сберегать" всѣ эти продукты, разъ что они произведены? Надѣюсь, вы сообразите, что непотребленіе предписывается, въ этомъ случаѣ, самою сущностью предметовъ. Вы ставите капиталистамъ въ заслугу, что они не съѣли этихъ паровыхъ машинъ, улучшеній почвы, кирпичей, слитковъ мѣди, полосъ желѣза, каменныхъ плитъ; вы прославляете ихъ за это воздержаніе.... Вы воображаете, что владѣльцы могли продать всѣ эти вещи и прокутить выручку. Положимъ такъ, г. Шульце, но что изъ этого? какое вліяніе имѣло бы это на общественное образованіе капитала? Эти капиталы, эти паровыя машины и улучшенія почвы, эти кирпичи и слитки мѣди стали бы принадлежать Петру вмѣсто Ивана, что для общества, для націи, для существованія общественнаго капитала было бы рѣшительно все равно. Опять спрашиваю васъ, что вы пишите г. Шульце?: — національно-экономическія лекціи, „курсъ политической экономіи", какъ вы утверждаете, или курсъ частнаго хозяйства, спекуляцію подъ заглавіемъ „Искусство разбогатѣть"? (Capital u. Arbeit 1864. s. 86).

щества лица, которая служитъ ему средствомъ пріобрѣтенія дохода въ формѣ земельной ренты, промышленной прибыли, процента. Существованіе этихъ доходовъ и способы ихъ пріобрѣтенія обусловливаются законодательствомъ. Съ развитіемъ культуры, юридическія отношенія непрерывно измѣняются; измѣняется и область предметовъ, могущихъ быть объектами частной собственности и капитала. И, говоря вообще, мысль Лассаля, что культурно-историческое развитіе права состоитъ въ постепенно большемъ *ограниченіи объектовъ* частной собственности, совершенно вѣрна. При рабской организаціи труда, въ число объектовъ частной собственности входилъ и человѣкъ. Рабство смягчается въ крѣпостничество—право собственности на жизнь человѣка умаляется въ право собственности на его рабочую силу. Крѣпостничество, далѣе, умаляется въ ленную зависимость въ разныхъ степеняхъ; здѣсь право собственности на всю рабочую силу другаго исходитъ къ праву ограниченнаго пользованія ею. Въ наше время, личность человѣка и его рабочая сила признаны свободными, но орудія труда составляютъ объектъ частной собственности. Въ этомъ и заключается корень всего соціальнаго вопроса. Какъ рабовладѣлецъ и феодалъ накопляли имущество трудомъ своихъ подданныхъ, точно также современный капиталистъ накопляетъ капиталъ изъ труда наемныхъ рабочихъ *). Корифеи экономической науки, уяснившіе вполнѣ теорію цѣнности Рикардо и не жертвующіе истиною постороннимъ соображеніямъ, давно сдѣлали изъ нея этотъ выводъ **); но за Родбертусомъ и Марк-

*) Накопленіе частнаго капитала, путемъ собственнаго труда, а не черезъ наемъ рабочихъ, играетъ самую ничтожную роль въ жизни, какъ въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, взглянувъ внимательно на окружающее. Можетъ ли накопить сколько-нибудь значительный капиталъ крестьянинъ, обработывающій руками своими и своего семейства принадлежащій ему участокъ? — ремесленникъ, который съ развитіемъ мануфактуръ и машиннаго производства не можетъ даже поддерживать самостоятельнымъ трудомъ своего существованія и постепенно исчезаетъ? Даже, если взять наиболѣе хорошо оплачиваемые идеологическіе классы:—высшихъ чиновниковъ, высшее духовенство, адвокатовъ, медиковъ, литераторовъ, артистовъ, то многія ли лица этихъ классовъ могутъ накопить капиталъ изъ получаемаго ими жалованья и гонорара; и если нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе хорошо оплачиваемые, могутъ дѣлать сбереженія, то какую ничтожную долю составляютъ эти сбереженія сравнительно съ капиталомъ, накопляемымъ промышленнымъ путемъ.

**) Если смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономическаго механизма общества, говоритъ Милль, можетъ представиться, будто прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль, повидимому, тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ

сомъ остается заслуга подробнаго изслѣдованія процесса образованія капитала и указанія всѣхъ важныхъ соціальныхъ слѣдствій его.

Что, при рабской и крѣпостнической формѣ труда, «накопленный трудъ» поступаетъ въ собственность того, кто не работалъ, это очевидно для всякаго. При вольнонаемномъ трудѣ этотъ фактъ затемняется внѣшними формами «свободнаго договора» между представителемъ рабочей силы и представителемъ орудій труда. Но для раскрытія его существованія нѣтъ даже надобности входить въ подробный анализъ производства; достаточно указать на то, что если бы предприниматели уплачивали рабочимъ за все количество исполненнаго послѣдними труда, то они не получали бы никакой прибыли на капиталъ, и, слѣдовательно, покупка рабочей силы не имѣла бы для капиталистовъ никакого смысла. Покупка рабочей силы получаетъ смыслъ потому, что хозяева промышленныхъ предпріятій уплачиваютъ работникамъ лишь часть труда, остальная же часть поступаетъ въ ихъ пользу.

Были попытки оправдать присвоеніе предпринимателями неоплачиваемаго труда тѣмъ, что доходъ предпринимателей есть

ему, и можно подумать, будто прибыль—результатъ покупки и продажи. .. Истинная причина прибыли та, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ дастъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, пока растетъ пища и пока они заняты устройствомъ орудій и исполненіемъ всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получить продуктъ, то, кромѣ возвращенія своей затраты, онъ получитъ еще нѣсколько лишняго. Иными словами, теорема эта выразится такъ: капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія существуютъ больше времени нежели какое нужно было для производства ихъ, такъ что если капиталистъ снабжаетъ партію работниковъ этими вещами съ условіемъ получить все, что они производятъ, то они, за воспроизведеніемъ потребленныхъ ими предметовъ необходимости и орудій, будутъ имѣть въ остаткѣ часть своего времени для работы въ выгоду капиталиста. Прибыль возникаетъ, какъ мы видѣли, не отъ посторонняго обстоятельства, не отъ обмѣна, а отъ производительной силы труда и общая прибыль страны всегда бываетъ соразмѣрна производительной силѣ труда, все равно хотя бы и не происходило никакого обмѣна.... Если бы не было раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи, но прибыль все-таки была бы. Если работники страны всѣ вмѣстѣ производятъ на 20% больше своей рабочей платы, то прибыль будетъ 20%, каковы бы ни были цѣны. Случайная величина цѣны можетъ на время давать одному разряду производителей больше 20% выгоды, а другому меньше, когда одинъ товаръ ставится выше своей натуральной цѣнности относительно другихъ товаровъ, а другой ниже, и это будетъ продолжаться, пока цѣны снова уравняются; но, въ общей сложности, производители будутъ непремѣнно получать по 20%. (Основ. Пол. Эк. т. 1. гл. XV).

вознагражденіе за трудъ веденія ими дѣла. Но, извѣстно, что вознагражденіе за веденіе дѣла составляетъ лишь часть предпринимательскаго дохода. Многіе землевладѣльцы, фабриканты, купцы поручаютъ веденіе своихъ дѣлъ управляющимъ, директорамъ, прикащикамъ, и какую часто ничтожную долю составляетъ уплачиваемое ими вознагражденіе за веденіе дѣла сравнительно съ получаемыми ими барышами. Отдѣленіе веденія дѣла отъ предпринимателя иногда оказывается даже необходимымъ, а именно, во всѣхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ нашего времени, желѣзныхъ дорогахъ, банкахъ и т. д. Здѣсь капиталистъ или предприниматель лицо коллективное, состоящее изъ множество физическихъ лицъ, которыя не могутъ сами вести дѣло, а потому оно поручается директору на жалованьи. И въ то же время, за вычетомъ этого жалованья, какой значительный дивидендъ остается акціонерамъ, не принимающимъ никакого участія въ веденіи дѣла!

Профессоръ А. Вагнеръ видитъ оправданіе прибыли и процента въ хозяйственной полезности частнаго капитала. «Если можно доказать, говоритъ онъ, что капиталъ можетъ быть правильно образуемъ и употребляемъ *только* въ формѣ частнаго капитала или даже, что такая форма его образованія и употребленія есть *наилучшая*, тогда отдача части національнаго дохода, въ формѣ прибыли, частнымъ капиталистамъ не представляетъ, даже съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ, *никакого вреда* и вполнѣ оправдывается съ народно-хозяйственной точки зрѣнія»*). Это *исключительно утилитарное* оправданіе прибыли напомнило намъ примѣръ, приведенный Прудономъ въ спорѣ съ Бастіа:— «Капиталистъ падаетъ въ рѣку, мимо идетъ работникъ.

Капиталистъ. Спаси меня, или я погибну.

Работникъ. Изволь, только я требую за это милліонъ.

Капиталистъ. Милліонъ за то, чтобы протянуть руку погибающему брату! Что тебѣ стоитъ часъ времени, я тебѣ заплачу за него.

Работникъ. Отвѣчай мнѣ: окажу я тебѣ услугу или нѣтъ, если вытащу тебя? Ну, а всякая услуга развѣ не должна быть вознаграждена? развѣ я не свободенъ оказать и не оказать тебѣ ее?

---

*) Lehrb. d. polit. Oecon. Erst. B. 1876 s. 515. — Считаемъ нужнымъ замѣтить, что приведенное нами мнѣніе почтеннаго профессора стоитъ въ противорѣчіи съ направленіемъ его ученыхъ работъ въ цѣломъ, стремящихся положить этическія основанія распредѣленію имуществъ и доходовъ.

Капиталистъ. Да.

Работникъ. Тогда я требую милліонъ, это моя послѣдняя цѣна. Я никого не принуждаю.

Капиталистъ. Но ты злоупотребляешь моимъ положеніемъ: я взываю къ религіи, нравственности, человѣчности....

Работникъ. Кончимъ на этомъ—мнѣ нѣкогда. Выбирай одно изъ двухъ:—жить пролетаріемъ, или умереть капиталистомъ».

Полезность, въ данное время, въ данной отрасли промышленности, частной формы капитала и *справедливость* прибыли, когда размѣръ ея установляется единственно свободною конкуренціею, представляютъ два совершенно различные вопроса. Если, при извѣстныхъ условіяхъ, веденіе предпріятій частными капиталами выгоднѣе, собственники этихъ капиталовъ могутъ разсматриваться какъ исполнители части народно-хозяйственной организаціи, какъ общественные агенты, и только; вознагражденіе же ихъ за эту дѣятельность, чтобы получить *этическій* характеръ, должно быть обосновано на принципѣ *заслуги*, а не опредѣляться единственно утилитарными соображеніями, или механическимъ закономъ конкурренціи. Все болѣе распространяется сознаніе, что *справедливымъ* распредѣленіемъ продуктовъ можетъ считаться лишь такое, которое покоится на трудѣ; и стремленіе къ этому идеалу справедливаго распредѣленія не успокоится до тѣхъ поръ, пока онъ не осуществится во всей своей полнотѣ.

Система свободной конкурренціи не только чужда обоснованію распредѣленія на трудѣ, но и препятствуетъ даже приближенію къ этому идеалу. Какъ бы ни были громадны рентные доходы, получаемые не отъ труда, а лишь въ силу факта владѣнія землею и капиталомъ, какъ бы ни была скудна доля труда въ распредѣленіи, опредѣляемая quasi «свободнымъ договоромъ» между капиталомъ и трудомъ, система свободной конкурренціи не допускаетъ ни малѣйшаго ихъ регулированія. Результатомъ господства этой системы и является тотъ фактъ, что на распредѣленіи лежитъ до сихъ поръ печать рабства. Общимъ правиломъ можно принять, что распредѣленіе между общественными классами обратно пропорціонально количеству, тяжести и непріятности труда. Классъ общества, исполняющій физическій трудъ, который, вслѣдствіе его чрезмѣрности, дурной обстановки, представляется самымъ тяжелымъ и непріятнымъ, этотъ классъ и вознаграждается всего скуднѣе. А каковъ абсолютный средній размѣръ вознагражденія рабочаго, это мы сейчасъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

По ученію Рикардо, въ системѣ свободной конкурренціи средній размѣръ рабочей платы опредѣляется стоимостью производства труда. Подъ стоимостью производства труда онъ понимаетъ minimum средствъ, требуемыхъ привычками народа для поддержанія жизни и размноженія. Рабочая плата, говоритъ Рикардо, не можетъ на долго подняться выше этого средняго уровня, ибо улучшившееся положеніе рабочихъ увеличиваетъ число браковъ между ними и тѣмъ усиливаетъ размноженіе, а слѣдовательно, и предложеніе труда, отчего рабочая плата низводится къ прежнему уровню. Она не можетъ также на долго упасть ниже средняго размѣра, ибо тогда, вслѣдствіе увеличенія болѣзней и смертности среди рабочихъ классовъ, уменьшится предложеніе труда и рабочая плата подымется до уровня средствъ, необходимыхъ для существованія. Этотъ законъ рабочей платы былъ признанъ почти всѣми экономистами и потому Лассаль, въ своей полемикѣ съ Максъ-Виртомъ, на возраженіе послѣдняго, «что этотъ законъ есть гнилая выдумка Рикардо» имѣлъ полное право сказать, что можетъ привести за него столько авторитетовъ, сколько есть въ національно-экономической наукѣ великихъ и знаменитыхъ именъ, при томъ изъ либеральной же школы.

Въ этой теоріи рабочей платы заключаются два положенія; первое говоритъ о средней нормѣ рабочей платы, второе—о причинахъ, создающихъ эту среднюю норму. Первое положеніе есть логическій результатъ втораго; поэтому спрашивается:—доказано ли второе положеніе?

Теорія заработной платы Рикардо служитъ лучшимъ образчикомъ недостаточнаго пользованія экономистами данными опыта. Убѣжденные въ непреложности Мальтусова закона о народонаселеніи, экономисты считали лишнимъ провѣрить наблюденіями положеніе Рикардо, будто съ увеличеніемъ рабочей платы населеніе будетъ возрастать до тѣхъ поръ, пока умножившееся предложеніе труда не низведетъ рабочую плату къ минимуму средствъ существованія. Правда, нѣкоторые экономисты ссылаются на отдѣльные факты, когда за періодами дешевизны пищи и живаго запроса на трудъ слѣдовало увеличеніе количества браковъ и рожденій. Но эти ссылки, вопервыхъ, еще не указываютъ, что размноженіе населенія продолжается до тѣхъ поръ, пока рабочая плата не понизится до минимума средствъ существованія, вовторыхъ, имѣются крупные примѣры постояннаго возвышенія рабочей платы, не только не вызывавшаго увеличеніе процента рожденій,

но, напротивъ, соединеннаго съ уменьшеніемъ его. Благосостояніе французскаго народа въ девятнадцатомъ столѣтіи, благодаря аграрнымъ мѣрамъ первой революціи, значительно выше нежели оно было въ XVIII ст., между тѣмъ, процентъ рожденій во Франціи, въ теченіи всего XIX ст., понижается съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Въ Англіи, за послѣднія тридцать лѣтъ, рождаемость возрасла съ 3,26% на 3,54%, и, не смотря на то, рабочая плата въ отрасляхъ промышленности, обнятыхъ рабочими союзами, постоянно возрастала и превышаетъ въ настоящее время на 20% размѣръ рабочей платы сороковыхъ годовъ. Рабочіе союзы, парализируя многія невыгодныя условія продажи рабочей силы неорганизованными работниками. заставили покупщиковъ платить за нее дороже.

Теорія Рикардо о заработной платѣ есть логическій выводъ изъ ученія Мальтуса. А такъ какъ послѣднее ученіе получило въ политической экономіи значеніе краеугольнаго камня, то понятно, что и теорія Рикардо, безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, была признана большинствомъ экономистовъ.

Другое дѣло признаніе ея Лассалемъ. Удивительно, какъ могъ Лассаль, признавая эту теорію, надѣяться, въ то же время, улучшить судьбу рабочихъ классовъ путемъ устройства въ обширныхъ размѣрахъ ассоціацій. Удивительно, какъ не замѣтилъ онъ, что признаніе ея въ корнѣ подрываетъ его реформаторскіе планы. Если размноженіе рабочихъ задерживается лишь недостаткомъ средствъ существованія, если съ возвышеніемъ рабочей платы неминуемо сопряжено увеличеніе числа браковъ, рожденій, населенія, останавливающагося въ своемъ прогрессивномъ движеніи лишь низведеніемъ рабочей платы къ минимуму средствъ существованія, то какія же надежды могъ возлагать Лассаль на ассоціаціи? Увеличившіеся чрезъ ассоціаціи доходы работниковъ были бы въ скоромъ времени, вслѣдствіе размноженія, снова приведены къ минимуму средствъ существованія, а потому Лассаль, предлагая учрежденіе ассоціацій, какъ средство къ поднятію благосостоянія работниковъ, долженъ былъ бы, какъ это дѣлаетъ всякій послѣдовательный мальтузіанецъ, оговорить, что средство это окажется дѣйствительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если измѣнятся привычки работниковъ относительно размноженія. Между тѣмъ, онъ обошелъ молчаніемъ этотъ вопросъ, составляющій Ахиллесову пяту его экономическихъ воззрѣній.

«Желѣзный» законъ рабочей платы въ томъ смыслѣ, что средній размѣръ ея, при свободной конкуренціи и разъединенности работниковъ, всегда стоитъ *близко* къ минимуму средствъ жизни, дѣйствительно существуетъ*); но условія, порождающія его, не тѣ, какія указаны Рикардо. Причины, устанавливающія этотъ законъ, коренятся въ указанныхъ нами выше особенныхъ свойствахъ труда, какъ товара. Эти особенныя свойства не есть неизбѣжная принадлежность организаціи хозяйства, покоющейся на наемномъ трудѣ. Онѣ выступаютъ лишь при свободной конкурренціи, при конкурренціи рабочихъ между собою и исчезаютъ, или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляются *съ соединеніемъ работниковъ въ союзы, съ организаціею рабочаго класса.* Англійскіе trade-unions показали, что работники могутъ регулировать условія продажи рабочей силы и тѣмъ устранить невыгодное свойство труда, какъ товара:—продаваться на всякихъ условіяхъ. Но, пока работники разъединены, пока каждый дѣйствуетъ самъ за себя и конкуррируетъ съ своими собратьями, до тѣхъ поръ борьба съ капиталомъ, самостоятельное значеніе труда при заключеніи договоровъ невозможны и желѣзный законъ рабочей платы находитъ свое полное примѣненіе.

Статистическія изслѣдованія показываютъ, что средній размѣръ жизненныхъ средствъ рабочихъ классовъ таковъ, что смертность этихъ классовъ значительно превышаетъ смертность зажиточныхъ, а медицинскія изслѣдованія свидѣтельствуютъ, что главнѣйшею причиною тифозныхъ болѣзней въ рабочемъ классѣ является недостатокъ питанія.

Въ «Сравнительной статистикѣ» профессора Янсона собраны спеціальныя изслѣдованія, которыя, въ послѣднее время, были предприняты въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ городахъ для опредѣленія смертности въ разныхъ слояхъ населенія, взятыхъ по отношенію къ ихъ матеріальной обезпеченности. Такъ, напри-

---

*) Подъ минимумомъ средствъ существованія разумѣютъ такой размѣръ средствъ, при которомъ насущныя потребности питанія, жилища, одежды, отопленія удовлетворяются столь скуднымъ образомъ, что малѣйшее пониженіе размѣра средствъ ведетъ за собою болѣзни и смертность отъ голода. Вслѣдствіе историческихъ и климатическихъ причинъ, приспособленность организма разныхъ народовъ къ условіямъ питанія, жилища и прочей житейской обстановкѣ не одинакова. Средній русскій работникъ не вынесетъ условій жизни самоѣда; средній англійскій работникъ заболѣетъ отъ пищи русскаго крестьянина. Поэтому размѣръ минимума средствъ существованія иной въ Россіи, чѣмъ въ Германіи, въ Германіи иной, чѣмъ въ Англіи и Франціи.

мѣръ, изслѣдованія директора пештскаго статистическаго бюро, принявшаго за признакъ матеріальной обезпеченности скученность населенія, выраженную отношеніемъ числа жителей къ числу комнатъ, дали слѣдующіе результаты:

	Средній возрастъ умершихъ, считая дѣтей до 5 лѣтъ.	не считая дѣтей до 5 лѣтъ.
1-й классъ, богатое населеніе . . .	38,81	50,86
2-й » среднее состояніе . . .	23,50	44,66
3-й » бѣдное населеніе. . . .	14,41	41,31
4-й » нуждающееся насел. . .	10,12	40,22

Подобные же результаты въ иной формѣ даетъ статистика нѣкоторыхъ городовъ Германіи. Напримѣръ, лейпцигское городское статистическое бюро опредѣлило общую смертность по улицамъ, въ которыхъ приходится: 1) не болѣе двухъ человѣкъ на одну отапливаемую комнату, 2) отъ двухъ до трехъ и 3) болѣе трехъ человѣкъ:

	На 1,000 жив. всѣхъ возрастовъ.		На 1,000 дѣтей 0–1 года.	
Умерло.	1871.	1872.	1871.	1872
Въ улицахъ 1-й группы.	23	18	362	268
» » 2-й »	33	22	435	333
» » 3-й »	49	30	691	500

Слѣдовательно, смертность бѣднѣйшаго населенія была въ 1871 году (оспенная эпидемія) болѣе чѣмъ вдвое сильнѣе смертности богатаго, въ 1872—на 66%; а смертность дѣтей была между бѣдными сильнѣе, чѣмъ между богатыми въ 1871 году на 91%, въ 1872 г. на 90%.

Въ статистикѣ Брауншвейга улицы сгруппированы по среднему доходу на одного жителя, причемъ цифра доходовъ взята изъ податныхъ списковъ, и смертность вычислена по улицамъ. Данныя обнимаютъ время съ 1864 по 1873 годъ. На основаніи ихъ—умирало на 1000 живущихъ:

Улицы съ среднимъ доходомъ	болѣе 250	тал.—	15,2	чел. =100
» » »	200—250	» —	19,1	» =130
» » »	150—200	» —	19,1	» =130
» » »	100—150	» —	22,5	» =150
» » »	75—100	» —	26,8	» =179
» » »	менѣе 75	» —	34,7	» =237

Смертность Вѣны по частямъ города:

	На 1,000 живущихъ.	
	1874 г.	1875 г.
I кл. . .	13,8 чел.	14,3 чел.
II » . .	25,5 »	33,2 »
III » . .	24,8 »	26,3 »
IV » . .	22,9 »	21,4 »
V » . .	26,8 »	30,4 »
VI » .	20,8 »	22,4 »
VII » .	19,7 »	21,8 »
VIII » .	20,6 »	22.5 »
IX » . .	29,3 »	30,1 »
X » . .	61,2 »	43,0 »

Самая слабая смертность въ I округѣ, населенномъ зажиточными классами; округа II, III, IV и VIII населены людьми средняго состоянія; въ VI и VII помѣщаются фабрики и заводы, рабочіе на которыхъ не живутъ, однако, въ этихъ округахъ; V и IX населены, по преимуществу, ремесленниками, наконецъ X округъ, вновь присоединенный къ городу, весь наполненъ рабочимъ населеніемъ; въ немъ смертность въ благопріятный годъ въ три раза, а въ неблагопріятный — въ пять разъ сильнѣе, чѣмъ въ богатомъ первомъ округѣ.

Но еще болѣе поразительно различіе смертности между богатымъ и бѣднымъ населеніемъ, происходящее отъ заразительныхъ болѣзней.

Въ Брауншвейгѣ умирало сравнительно съ богатымъ населеніемъ:

Улицы съ среднимъ доходомъ на 1-го жителя.

	болѣе 250 тал.	200—250	150—200	100—150	75—100	менѣе 75 т.
Отъ оспы.	100	166	400	766	933	1,700
» чахотки .	100	146	157	200	226	226
» холеры .	100	100	466	466	1,000	1,766

Въ книгѣ Маркса «Капиталъ» собранъ богатый матеріалъ о питаніи и жилищахъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ и рабочихъ промышленныхъ отраслей, неохваченныхъ еще рабочими союзами. Приведемъ нѣсколько данныхъ изъ этого матеріала. Въ 1863 году, Dr-Smith, по порученію Privy Council, сдѣлалъ изслѣдованіе матеріальнаго положенія земледѣльческихъ работниковъ и нѣкоторыхъ категорій городскихъ рабочихъ, а именно: ткачей

шелковыхъ издѣлій, швей, перчаточниковъ, сапожниковъ. При изслѣдованіи было принято за правило выбирать изъ каждой категоріи самыя здоровыя и относительно лучше обставленныя семейства. Общій результатъ былъ тотъ, что «только въ *одномъ* изъ изслѣдованныхъ классовъ городскихъ работниковъ количество принимаемаго организмомъ азота немного превышало тотъ minimum, ниже котораго являются болѣзни отъ голода; что въ *двухъ* классахъ былъ недостатокъ, и въ одномъ даже *громадный* недостатокъ пищи, какъ азотистой, такъ и углеродистой; что изъ изслѣдованныхъ земледѣльческихъ семействъ болѣе одной пятой получаютъ менѣе углеродистой пищи, чѣмъ необходимо, и болѣе одной трети семействъ получаютъ менѣе азотистой пищи, чѣмъ необходимо. Между сельскими рабочими недостаточное питаніе приходится, большею частью, на долю женщинъ и дѣтей, потому что мужчины должны ѣсть, чтобы работать». Еще большая нужда свирѣпствовала между изслѣдованными категоріями городскихъ работниковъ. «Они питаются тахъ плохо, что, во многихъ случаяхъ. должны происходить жестокія и вредныя для здоровья лишенія». Президентъ Лондонскаго медицинскаго бюро, Dr. Simon, въ своемъ общемъ санитарномъ отчетѣ, относительно этихъ условій питанія, говоритъ слѣдующее: «Каждый, знакомый съ медицинской практикой среди бѣдныхъ, подтвердитъ, что случаи, гдѣ недостатокъ питанія производитъ болѣзнь или отягчаетъ ее, безчисленны. Но съ санитарной точки зрѣнія сюда присоединяются еще и другія важныя условія.... Надо припомнить, что лишеніе питательныхъ средствъ крайне трудно выносится, и что, обыкновенно, скудость діэты слѣдуетъ только за другими лишеніями. Задолго до того, когда недостатокъ пищи, съ гигіенической точки зрѣнія, оказывается ощутительнымъ, задолго до того, когда физіологъ начинаетъ считать граны углерода и азота, которые рѣшаютъ вопросъ о жизни и голодной смерти, домашнее хозяйство лишается всѣхъ матеріальныхъ удобствъ. Отопленіе и одѣяніе, въ такихъ случаяхъ, еще болѣе скудны, чѣмъ пища. Нѣтъ достаточной защиты отъ суровости погоды; жилое пространство урѣзывается до той степени, что зараждаются и усиливаются болѣзни; отъ домашней утвари или мебели остаются только жалкіе слѣды; сама опрятность и чистота сдѣлались дорогими или трудно досягаемыми. Если изъ чувства самоуваженія и дѣлаются еще попытки поддержать все это, то каждая подобная попытка усиливаетъ только страданія отъ голода. Квартира нанимается только тамъ, гдѣ всего дешевле

можно пріобрѣсти кровъ; въ такихъ кварталахъ санитарная полиція безполезна, сношенія незначительны, тамъ скопляется большая часть общественныхъ нечистотъ, водоснабженіе плохое или ничтожное, а въ городахъ, сверхъ того, сильный недостатокъ свѣта и воздуха. Вотъ опасности для здоровья, которымъ неизбѣжно подвергается бѣдность, если эта бѣдность дошла уже до недостатка въ пищѣ. Если сумма всѣхъ этихъ золъ имѣетъ большую опасность для жизни, то и простой недостатокъ пищи самъ по себѣ ужасенъ. Таковы печальныя мысли, внушаемыя бѣдностью, особенно если прибавить къ этому, что бѣдность, о которой идетъ здѣсь рѣчь, происходитъ не отъ праздности. Это—бѣдность работниковъ. Да, что касается до городскихъ работниковъ, то трудъ, которымъ покупается ихъ скудная пища, большею частью, удлиненъ выше всякой мѣры. И тѣмъ не менѣе, можно только въ очень ограниченномъ смыслѣ сказать, что этотъ трудъ поддерживаетъ рабочаго.... По большей части, эта номинальная поддержка можетъ только служить болѣе или менѣе длиннымъ путемъ къ пауперизму».

Въ 1863 году, было предпринято оффиціальное изслѣдованіе о состояніи продовольствія преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ или къ каторжной работѣ. Результаты этихъ изслѣдованій помѣщены въ Синихъ Книгахъ: «тщательныя сличенія», говорится тамъ, между прочимъ, «пищи преступниковъ въ англійскихъ тюрьмахъ съ пищею бѣдныхъ въ рабочихъ домахъ и пищею свободныхъ сельскихъ работниковъ, неоспоримо доказываютъ, что первые питаются несравненно лучше двухъ остальныхъ классовъ», между тѣмъ, какъ «количество труда, требуемое отъ каторжнаго, составляетъ приблизительно половину того, что совершаетъ обыкновенный сельскій рабочій».

Внутреннюю связь между дурнымъ питаніемъ работниковъ и капиталистическимъ накопленіемъ, говоритъ Марксъ, видитъ только тотъ, кому извѣстны экономическіе законы. Другое дѣло относительно *положенія жилищъ*. Всякій безпристрастный наблюдатель видитъ, что чѣмъ больше сосредоточиваются средства производства, тѣмъ сильнѣе скучиваются рабочіе на *маломъ пространствѣ*, и что поэтому, чѣмъ быстрѣе капиталистическое накопленіе (при свободной конкуренціи, замѣтимъ мы съ своей стороны) тѣмъ хуже ихъ жилье. Всякій видитъ, что происходящее вмѣстѣ съ возрастаніемъ богатствъ улучшеніе городовъ, посредствомъ ломки плохо построенныхъ частей города, соору-

женія дворцовъ для банковъ, торговыхъ домовъ и т. п., расширенія улицъ для дѣловой ѣзды и раскошныхъ экипажей, введенія городскихъ желѣзныхъ дорогъ и т. д., что все это соединено съ вытѣсненіемъ бѣдныхъ въ болѣе скверныя и тѣснѣе населенныя убѣжища.... Антагонистическій характеръ капиталистическаго накопленія, а слѣдовательно, и капиталистическихъ условій собственности вообще, здѣсь до такой степени осязателенъ, что даже англійскіе оффиціальные отчеты объ этомъ предметѣ полны еретическихъ нападокъ на «собственность и ея права». Зло дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи съ развитіемъ промышленности, накопленіемъ капитала, возростаніемъ и «украшеніемъ» городовъ, что простая боязнь заразительныхъ болѣзней, не щадящихъ и зажиточные классы, заставила издать, съ 1847 по 1864 г., не менѣе 10-ти санитарно-полицейскихъ парламентскихъ актовъ: и буржуазія, изъ чувства самосохраненія, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, какъ въ Ливерпулѣ, Гласго и др., рѣшилась даже сама вмѣшаться въ это дѣло посредствомъ своихъ муниципалитетовъ. И не смотря на то, Dr. Simon въ своемъ отчетѣ за 1865 г. восклицаетъ: «Говоря вообще, въ Англіи это зло безконтрольно». По приказанію Privy Council, въ 1865 году, было произведено Dr. Hunter'омъ изслѣдованіе жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ въ городахъ, результаты котораго помѣщены въ седьмомъ и восьмомъ отчетахъ о «Public Health». Dr. Simon предпосылаетъ этому изслѣдованію слѣдующія общія замѣчанія: «Хотя моя оффиціальная задача состоитъ исключительно въ разсмотрѣніи этого зла съ физической точки зрѣнія, но простая гуманность не позволяетъ игнорировать мнѣ и другія стороны его. Дойдя до высокой степени, оно влечетъ за собою почти неизбѣжно такое отрицаніе всякихъ приличій, такую нечистоплотность и такой безпорядокъ тѣлесныхъ отправленій, такую половую наготу, какія можно признать скорѣе за скотскія, чѣмъ за человѣческія. Подвергаться этимъ вліяніямъ равносильно униженію, притомъ тѣмъ большему, чѣмъ дальше оно продолжается. Для дѣтей, родившихся подъ этимъ *проклятіемъ*, это — «крещеніе въ безчестіе» (babtism in to infamy). И совершенно безнадежно желаніе, чтобы личность, поставленная въ такія условія, стремилась въ другихъ отношеніяхъ въ ту атмосферу цивилизаціи, сущность которой состоитъ въ физической и моральной чистотѣ» *).

*) Таковы жилищныя условія англійскихъ городскихъ рабочихъ. Между тѣмъ гигіеническія условія городовъ Великобританіи считаются лучшими сравнительно

Ducpetiaux, бывшій генеральный инспекторъ бельгійскихъ тюремъ, говоритъ въ своемъ «Budgets économiques des classes ouvrierès en Belgique»:—«каждое рабочее семейство, среднимъ числомъ, имѣетъ четверыхъ дѣтей, слѣдовательно, съ отцомъ и матерью оно состоитъ изъ 6-ти лицъ. Изъ этихъ 6-ти лицъ, работать могутъ четверо, если только не случится болѣзнь и т. п. При этихъ условіяхъ, maximum дохода семейства составитъ 1068 франковъ. Если бы рабочій получалъ пищу:

— Матросовъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1828 фр., что составило бы 760 фр. дефицита.

— Солдатъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1473 фр., что составило бы 405 фр. дефицита.

— Заключенныхъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1112 фр., что составило бы 44 фр. дефицита.

«Въ приведенномъ *образцовомъ семействѣ* мы соединили всевозможные источники дохода. Но, давая рабочую плату матери семейства, мы этимъ самымъ лишаемъ домъ хозяйки. Кто будетъ смотрѣть за порядкомъ дома, приготовлять пищу, чинить бѣлье и платье, стирать и т. п.? Какъ же поступаетъ большинство работниковъ, которые покупаютъ товаръ не оптомъ, какъ въ тюрьмахъ, а по мелочи; какъ они устраиваютъ свою жизнь? Этого они достигаютъ тѣмъ, что прибѣгаютъ къ средствамъ, составляющимъ тайну однихъ рабочихъ: тѣмъ, что урѣзываютъ свою ежедневную порцію, мало и вовсе не употребляютъ мяса, также какъ масла и зелени; тѣмъ, что помѣщаютъ все семейство въ одной или двухъ комнатахъ, гдѣ дѣвушки и молодые люди спятъ вмѣстѣ, часто на одномъ и томъ же мѣшкѣ соломы; тѣмъ, что экономничаютъ на платьѣ, на бѣльѣ, отказываютъ себѣ въ опрятности, въ воскресныхъ удовольствіяхъ и т. п. Когда они дошли до этихъ предѣловъ, то достаточно малѣйшаго повышенія жизненныхъ средствъ и т. п., чтобы сразу бросить

съ городами континентальныхъ государствъ. Въ то же время, число городовъ и населеніе въ нихъ повсюду возрастаетъ непрерывно. Насколько съ введеніемъ парового двигателя и постояннымъ ростомъ концентраціи производства измѣнились жилищныя отношенія въ Англіи видно изъ того, что, въ началѣ XIX ст., въ этой странѣ не было ни одного города, кромѣ Лондона, въ которомъ числилось бы болѣе 100,000 жителей и только 5 городовъ насчитывали болѣе 50,000 жит Теперь одинъ Лондонъ съ промышленными пригородами имѣетъ около 5,000,000 жит. и болѣе 28 городовъ имѣютъ болѣе 50,000 жит.—Въ третьей четверти прошлаго столѣтія сельское населеніе Англіи составляло 76%, а теперь—23%.

ихъ въ ряды нищихъ»!,... «Во всей Бельгіи считается 930.000 семействъ, изъ нихъ, по оффиціальной статистикѣ, 90.000 богатыхъ (избирателей) состоитъ изъ 450.000 лицъ; 190.000 семействъ мелкаго средняго класса, въ городахъ и деревняхъ, значительная часть которыхъ постоянно переходитъ въ пролетаріевъ, всего 1.950.000 лицъ. Наконецъ, 450.000 рабочихъ семействъ, всего 2.500 000 лицъ, изъ которыхъ *образцовыя семейства* вкушаютъ вышеописанное довольство. Изъ 450.000 рабочихъ семействъ *болѣе 200.000 находятся въ спискѣ бѣдныхъ»*.

Масса накопленныхъ, въ настоящее время, статистическихъ изслѣдованій раскрыли обществу бѣдственныя условія жизни рабочихъ классовъ. И что особенно обращаетъ на себя вниманіе въ этихъ изслѣдованіяхъ, это,—что *безпримѣрное въ исторіи возрастаніе въ XIX столѣтіи національнаго богатства идетъ всецѣло въ пользу имущихъ классовъ и не оказываетъ никакого, или самое ничтожное вліяніе на улучшеніе судьбы рабочихъ классовъ*

Безпристрастные и понимающіе экономическіе законы ученые достаточно разъяснили, что неблагопріятные результаты распредѣленія есть неизбѣжное слѣдствіе экономическаго порядка, основаннаго на свободной конкурренціи. Но манчестерская школа остается слѣпа къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ въ экономической области и не перестаетъ повторять зады о благодѣтельности принципа свободной конкурренціи. Не имѣя же возможности, въ виду оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, отвергать жалкое матеріальное положеніе рабочихъ классовъ, она причиною его выставляетъ Мальтусовъ законъ народонаселенія.

Законъ о размноженіи человѣческаго рода есть дѣйствительно альфа и омега соціальнаго вопроса. Только съ открытіемъ этого закона человѣчество пріобрѣтетъ возможность управлять такимъ важнымъ элементомъ соціальной жизни, какъ количество народонаселенія. Для открытія же этого закона необходимо узнать физіологическія причины, обусловливающія зачатія. Пока эти причины не будутъ извѣстны, о законѣ народонаселенія можно говорить лишь въ смыслѣ эмпирическаго стастистическаго факта, указывающаго средній приростъ населенія въ данное время, въ данной странѣ. И потому, нѣтъ болѣе поразительнаго заблужденія въ политической экономіи, какъ господствующая въ ней мысль, что наукѣ извѣстенъ законъ размноженія человѣческаго рода. Это заблужденіе коренится въ апріористической посылкѣ, которую мы

выскажемъ словами одного изъ первоклассныхъ экономистовъ— мальтузіанцевъ: «Врожденная сила размноженія, говоритъ Милль, можетъ считаться безконечною въ каждомъ родѣ органическихъ существъ. Нѣтъ ни одной породы растеній или животныхъ, которая, въ теченіе немногихъ лѣтъ, не покрыла бы всѣ страны земнаго шара, имѣющія климатъ совмѣстный съ ея существованіемъ, если бы земля была исключительно предоставлена ей и предметамъ, которыми она питается. Степень возможной быстроты размноженія у различныхъ классовъ существъ различна; но во всѣхъ она достаточна для того, чтобы очень быстро наполнить землю. Есть въ растительномъ царствѣ много такихъ породъ, въ которыхъ одно растеніе въ годъ производитъ сѣмена тысячи растеній; если только два изъ нихъ достигнутъ зрѣлости, то въ 14 лѣтъ онѣ, по этой пропорціи, размножатся слишкомъ до 16.000. Между животными очень обыкновенна такая степень плодородія, что число существъ извѣстной породы можетъ учетверяться съ каждымъ годомъ; если число только учетверяется въ теченіе полустолѣтія, то въ два столѣтія 10.000 размножатся до двухъ милліоновъ пятисотъ тысячъ слишкомъ. Способность размноженія необходимо всегда дѣйствуетъ по геометрической прогрессіи, различна бываетъ только цифра знаменателя этой прогрессіи».

«Человѣческій родъ не составляетъ исключенія относительно этого свойства органическихъ существъ. Сила его размноженія безпредѣльна, и дѣйствительное размноженіе его было бы чрезвычайно быстро, если бы эта сила дѣйствовала съ полнымъ могуществомъ. Съ полнымъ могуществомъ она не дѣйствовала никогда, но всетаки, при наиболѣе благопріятныхъ изъ извѣстныхъ намъ обстоятельствъ (эти обстоятельства — плодородная страна, колонизуемая изъ промышленнаго и цивилизованнаго общества), населеніе, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, независимо отъ прилива новыхъ переселенцевъ, продолжало удвоиваться въ періоды, имѣющіе немногимъ болѣе какъ по двадцати лѣтъ *). Но способность размноженія въ человѣческомъ родѣ превосходитъ даже и эту величину; мы ясно увидимъ это, вспомнивъ, какъ велико бываетъ обыкновенное число дѣтей въ семьѣ при хорошемъ климатѣ и обычаѣ рано вступать въ бракъ, и

*) Милль повторяетъ здѣсь ошибку Мальтуса. Такого періода удвоенія населенія никогда и нигдѣ не существовало.

какъ мала пропорція дѣтей, умирающихъ до достиженія зрѣлости, при нынѣшнемъ состояніи гигіеническихъ знаній, если климатъ здоровъ, а семья достаточно снабжена средствами жизни. Мы очень низко оцѣнимъ способность размноженія, если примемъ, что, при хорошемъ гигіеническомъ положеніи народа, каждое поколѣніе можетъ быть вдвое многочисленнѣе предшествующаго поколѣнія.... Что же мѣшаетъ племени зайцевъ или кроликовъ переполнить собою землю? Не недостатокъ плодородія, а причины совершенно инаго рода: множество враговъ и недостатокъ продовольствія. У нихъ мало ѣды, и сами они становятся ѣдою для другихъ. Люди вообще не подвержены второму бѣдствію, но замѣною его служатъ болѣзни и война. Если бы размноженіе людей, подобно размноженію другихъ животныхъ, производилось лишь слѣпымъ инстинктомъ, границы ему полагались бы точно того же рода, какъ у животныхъ: количество рождающихся имѣло бы всю многочисленность, допускаемую жизненнымъ устройствомъ породы и населеніе сдерживалось бы въ границахъ смертью. Но поступки людей болѣе или менѣе подчиняются вліянію соображеній о послѣдствіяхъ и регулируются побужденіями, высшими чисто животныхъ инстинктовъ. Потому люди не плодятся, какъ свиньи, нѣтъ,—они способны болѣе или менѣе удерживаться благоразуміемъ или общественными привязанностями отъ того, чтобы давать жизнь существамъ, рождающимся лишь на нужду и преждевременную смерть. Соразмѣрно тому, какъ люди возвышаются надъ скотскимъ состояніемъ, возрастаніе населенія сдерживается больше боязнью недостатка, чѣмъ фактическимъ недостаткомъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ опасности голода, многіе точно также удерживаются опасеніями потери того, что считается условіями приличнаго ихъ общественному положенію образа жизни. До сихъ поръ ни то, ни другое изъ этихъ побужденій не оказывались имѣющимъ надъ большинствомъ людей столько силы, чтобы уравновѣшивать стремленіе къ размноженію.»

Приведенное нами мѣсто (изъ X гл. Основ. Пол. Эк., въ которой защищается Мальтусова теорія) показываетъ, что Милль разсуждаетъ о размноженіи человѣческаго рода такъ, какъ будто онъ признаетъ производительную способность женщинъ за нѣчто *опредѣленное, абсолютное;* какъ будто эта способность во всѣ времена и у всѣхъ народовъ остается неизмѣнною и если, какъ показываетъ статистика, процентъ рожденій у различныхъ на-

родовъ и у того же народа въ различные періоды времени не одинаковъ, то это, по его мнѣнію, есть лишь результатъ предусмотрительности,—воздержанія отъ физической любви *)

Вліяніе предусмотрительности на размноженіе населенія не принадлежитъ къ числу явленій, которыя могутъ быть изслѣдованы, почему, при обсужденіи этого вліянія, открывается большой просторъ субъективнымъ воззрѣніямъ. Но хотя вліяніе предусмотрительности на размноженіе населенія не можетъ быть съ точностью изслѣдовано, тѣмъ не менѣе едва-ли кто, всматривавшійся внимательно и безъ предвзятой идеи въ явленія обыденной жизни, не признаетъ, что количество этого вліянія ничтожно. Дѣло идетъ не о воздержности отъ вреднаго здоровью излишества,—такая воздержность не уменьшаетъ количество рожденій,—а объ отказѣ организму въ одной изъ природныхъ его функцій. Спрашивается: много ли людей подвергаютъ себя подобному лишенію? Не наивно ли ожидать сколько-нибудь значительныхъ результатовъ въ дѣлѣ уменьшенія размноженія населенія отъ добровольнаго воздержанія? Мальтусъ и его послѣдователи, очевидно, сами возлагаютъ малую надежду на проповѣдь о добровольномъ воздержаніи и требуютъ законодательнаго ограниченія браковъ. Но статистика показала, что въ странахъ, гдѣ вступленіе въ бракъ затрудняется закономъ или обычаемъ, брачныя отношенія замѣняются внѣбрачными, дающими такое же число рожденій, какъ и первыя. Въ Баваріи до 1868 года цифра незаконныхъ рожденій, среднимъ числомъ, простиралась ежегодно до 22%. Когда, въ 1868 г., были уничтожены опредѣленныя закономъ условія имущественнаго ценза для вступленія въ бракъ, цифра эта стала быстро понижаться, дойдя въ 1875 г. до 12,6%. Интересно,

---

*) Мы вполнѣ согласны съ переводчикомъ „Основ. Пол. Эк." Милля, что возраженія его на теорію Дубльде,—заключающуюся въ томъ, что плодородіе человѣка и всѣхъ другихъ живыхъ существъ обратно пропорціонально количеству пищи,—ни мало не подрываютъ этой теоріи (См. Т. 1. стр. 200 и д.).

По вопросу объ измѣняемости плодотворящей воспріимчивости женскаго организма заслуживаетъ вниманія XXXVIII гл. книги Кэри—„Соціальная наука", гдѣ приводятся указанія на общій антогонизмъ между нервной и воспроизводительной функціями. „Куда бы мы ни обратили нашъ взоръ, говоритъ въ заключеніе авторъ, мы всюду находимъ, что воспроизводительная сила въ человѣкѣ настолько же непостоянная величина, какъ и всякая другая его сила.... Она уменьшается по мѣрѣ того, какъ его различныя способности вызываются къ дѣятельности, вслѣдствіе возникновенія разнообразія занятій, появленія быстроты въ общественномъ движеніи и благопріятныхъ условій для его свободы".

что въ то же время общая рождаемость въ Баваріи была: отъ 1861—70 г.—4,06%; отъ 1871—74 г. 4,01%. Въ доказательство своей мысли о возможности значительнаго вліянія предусмотрительности на размноженіе, Милль ссылается на меньшее количество рожденій въ средѣ поселянъ-собственниковъ, сравнительно съ промышленнымъ населеніемъ, вытекающее, по его мнѣнію, изъ того, что каждый поселянинъ въ состояніи видѣть изъ очевидныхъ, вполнѣ понятныхъ ему фактовъ, можетъ ли его участокъ содержать нѣсколько семей въ такомъ довольствѣ, въ какомъ содержится одно. Что объясненіе факта меньшей рождаемости сдѣлано здѣсь Миллемъ *a priori*,—это очевидно; но кромѣ того, самому факту придано болѣе общее значеніе, нежели онъ имѣетъ въ дѣйствительности.. Помимо русскихъ данныхъ, по которымъ наибольшая рождаемость приходится на черноземныя, непромысловыя губерніи, Западная Европа представляетъ намъ много фактовъ, обратныхъ предположенію Милля. Достаточно указать, напримѣръ, на промышленную Богемію, гдѣ процентъ рожденій 3,8% и земледѣльческую Галицію съ рождаемостью въ 4,7%, Рейнскую провинцію и Померанію, Вестфалію и Познань, Фландрію и Бретань.

Статистика показываетъ, что процентъ рожденій въ разныхъ странахъ и въ разное время весьма различенъ. Такъ, напримѣръ, въ Саксоніи, за послѣдніе періоды, процентъ рожденій составляетъ 4,28, Пруссіи 4,03, Австріи 3,86, Италіи 3,76, Испаніи 3,60, Англіи 3,54, Франціи 2,58. Во Франціи рождаемость наименьшая изъ всѣхъ Европейскихъ государствъ. При томъ замѣчательно, что рождаемость въ этой странѣ уменьшается съ поразительнымъ постоянствомъ.*) Еще рельефнѣе выступаетъ на видъ различіе плодовитости женщинъ въ разныхъ странахъ, если выдѣлить женщинъ, могущихъ давать рожденія. Сравнивая въ

*) Отъ 1770—85 г. % рожденій въ Франціи былъ 3,80

1801—10	3,30
1811—20	3,17
1821—30	3,06
1831—40	2,87
1841—50	2,73
1851—60	2,61
1861—70	2,60
1871—73	2,51
1875 г.	2,60

(Сравн. Статист. проф. Янсона. 1878 г.)

этомъ отношеніи Баварію и Францію, занимающія въ таблицѣ рождаемости Западной Европы верхнюю и нижнюю оконечности, оказывается, что въ Баваріи *меньшая часть* женщинъ въ возрастѣ отъ 15—50 лѣтъ состоитъ въ замужствѣ, чѣмъ во Франціи: 45% въ Баваріи и 54% во Франціи; но за то каждыя *100* баварскихъ замужнихъ женщинъ рождаютъ около 31 ребенка, между тѣмъ какъ во Франціи только 17, и, далѣе, каждая сотня женщинъ, не состоящихъ въ замужествѣ, даетъ въ Баваріи 4 незаконныхъ дѣтей, во Франціи менѣе 2-хъ.*) И если на вопросъ о причинахъ такого поражающаго различія въ плодовитости французскихъ женщинъ, сравнительно съ женщинами другихъ странъ, мальтузіанецъ отвѣчаетъ, что причина этого факта заключается въ воздержаніи французовъ отъ физической любви, то не представляетъ ли подобное рѣшеніе вопроса наивность, рѣдко встрѣчаемую въ наукѣ. Всѣ попытки статистиковъ объяснить различія въ плодовитности женщинъ: развращеніемъ нравовъ, климатомъ, степенью цивилизаціи и т. д. имѣютъ до сихъ поръ значеніе только предположеній. Да и едва-ли статистическій методъ въ состояніи разрѣшить этотъ вопросъ. Разрѣшить его можетъ только физіологія.

Такимъ образомъ, законъ размноженія человѣческаго рода представляетъ до сихъ поръ *искомое*, а потому обоснованіе мальтузіанцами своего исходнаго положенія:—«Населеніе имѣетъ тенденцію возрастать быстрѣе средствъ существованія»,—ссылкою на *абсолютный* законъ плодородія человѣческаго организма само собою падаетъ, и исходное положеніе мальтузіанизма должно быть доказываемо и провѣряемо какимъ либо инымъ образомъ. Очевидно, единственный способъ для изслѣдованія истинности этого положенія есть статистическій. Необходимо разсмотрѣть для каждой страны отдѣльно ростъ населенія въ связи съ умноженіемъ средствъ существованія. Разумѣется, такое изслѣдованіе не ведетъ къ установленію абсолютнаго закона; результаты его не даютъ намъ права заключать о будущемъ; но оно имѣетъ важное значеніе для объясненія соціальныхъ явленій въ настоящемъ. Какія же статистическія данныя послужили основателю мальтузіанскаго ученія для подтвержденія его исходнаго положенія? На основаніи дан-

*) Въ Пруссіи плодовитость замужнихъ женщинъ— 27, 5%
» Англіи — 24,18
» Италіи — 24, 4.
(Ibid).

ныхъ объ увеличеніи населенія въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, Мальтусъ пришелъ къ заключенію, *«что если размноженіе населенія не встрѣчаетъ никакого препятствія, то оно удвоивается каждыя двадцать пять лѣтъ и возрастаетъ въ геометрической прогрессіи»*.*) Это препятствіе, продолжаетъ Мальтусъ, заключается въ недостакѣ средствъ существованія. И если въ Европѣ, Китаѣ, Японіи и т. д. населеніе возрастаетъ медленнѣе, то причины этого заключаются частью въ предусмотрительности, а главнымъ образомъ, въ преждевременной смерти отъ недостатка пищи.**)

Будь эти положенія Мальтуса вѣрны, тогда изъ нихъ логически слѣдовало бы, что періоды удвоенія населенія могутъ служить мѣриломъ возрастанія національнаго богатства, то есть, что страны съ большимъ періодомъ удвоенія должны представлять меньшее возрастаніе богатства и обратно. Такимъ образомъ, мы получили бы, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ возрастаніе богатства всего медленнѣе во Франціи и при томъ процентъ этого возростанія постоянно уменьшается (отъ 1800—60 г. приростъ населенія былъ 0,48%; отъ 1860—75 г.—0,01%);—что въ Россіи богатство возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ въ Великобританіи (въ первой средній приростъ населеніо за послѣднія 15 лѣтъ= 1,42; ***) во второй—0,90)—и другія столь же не соотвѣтствующіе дѣствительности выводы. По вычисленіямъ статистика Фарра, смертность 17 чел. на 1.000 можетъ считаться результатомъ органическаго устройства человѣка. Такого благопріятнаго положенія, по отношепію къ смертности, достигла пока одна Норвегія. Слѣдовательно, въ отношеніи этой страны мальтузіанцы не могутъ уже утверждать, что размноженіе населенія въ ней задерживается смертностью отъ недостатка пищи и 75-ти лѣтній періодъ удвоенія населенія въ Норвегіи остается имъ объяснять единственно «воздержаніемъ» Норвежцевъ. Исходя изъ коэфиціента прироста населенія во Франціи за послѣднее время, періодъ удвоенія населенія въ ней равенъ 236 годамъ. Если бы смертность во Франціи была такая же, какъ въ Норвегіи, то и тогда, вслѣдствіе меньшаго, сравнительно съ Норвежскимъ, процента рожда-

*) Извѣстна ошибка, сдѣланная Мальтусомъ въ вычисленіи періода удвоенія населенія въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ:—онъ не принялъ во вниманіе вліянія числа переселенцевъ на возрастаніе населенія.

**) Опытъ о законѣ народонаселенія т. I. кн. I. гл. I.

***) Военно-статистическій сборникъ

емости. періодъ удвоенія населенія въ ней оказывается значительно длиннѣе норвежскаго.

Для уясненія второго фактора своего основнаго положенія, а именно:—для установленія коэфиціента возрастанія средствъ существованія,—Мальтусъ не сдѣлалъ никакихъ статистическихъ изслѣдованій. Заявивъ, что размѣръ возрастанія произведеній земли опредѣлить гораздо труднѣе, чѣмъ возрастаніе населенія, онъ продолжаетъ: «тѣмъ не менѣе, мы можемъ быть увѣрены, что размѣръ этотъ вовсе не походитъ на размѣръ возрастанія населенія...., населеніе возрастаетъ гораздо быстрѣе средствъ существованія».

Статистическія данныя Англіи, Франціи и Германіи, показывающія, что въ XIX столѣтіи (для котораго только и имѣются данныя) возрастаніе продуктовъ земледѣлія и промышленности обгоняетъ ростъ населенія *), не заставили мальтузіанцевъ усумниться въ истинности ихъ ученія: они объяснили этотъ фактъ самымъ простѣйшимъ образомъ:—*развившеюся въ населеніи «предусмотрительностью»*.

На такихъ-то хрупкихъ основаніяхъ построенъ пресловутый законъ Мальтуса. И если это бездоказательное ученіе, не пред-

*) Согласно вычисленіямъ Неймана-Спалларта, общее производство девяти особенно выдающихся въ промышленномъ отношеніи странъ (Великобританія, Сѣверная Америка, Германія, Бельгія, Россія, Австрія, Голландія, Италія, Ость-Индія) въ теченіи только трехъ лѣтъ—съ 1870 по 1873 годъ — почти удвоилось сравнительно съ прежнимъ, а общій оборотъ ихъ международной торговли возросъ отъ 23 до 45 милліардовъ марокъ. Съ 1860 по 1865 годъ возрастаніе производства было среднимъ числомъ 941 милліонъ марокъ, съ 1865 по 1870—959, а съ 1870 по 1873—никогда прежде неслыханное—2772 милліона марокъ въ годъ. Одна только Германія увеличила свое производство съ 1865 по 1873 годъ съ 2212 до 6058 милліоновъ марокъ, а въ увеличеніи производства угля и желѣза превзошла почти всѣ прочія страны. Если обратить вниманіе на то, что въ промежутокъ времени съ 1870 по 1873 годъ общее народонаселеніе всѣхъ названныхъ странъ не могло возрасти болѣе какъ на 3—4%, то спрашивается, кто именно явился потребителемъ всего этого громаднаго богатства? Рѣшеніе этого вопроса тѣмъ болѣе затруднительно, что ни расширеніе рынковъ, ни увеличеніе заработной платы въ этотъ промежутокъ времени не могли идти, и, дѣйствительно, не шли въ самую отдаленную параллель съ указанными безпримѣрными въ исторіи размѣрами накопленія и производства. А такъ какъ нынѣшнее богатство безъ сбыта „мертво есть“, то отвѣтъ найдется только въ кризисѣ, разразившемся въ 1873 году, послѣдствія котораго продолжаютъ до сихъ поръ тяготѣть надъ промышленностью большей части цивилизованныхъ странъ, и насколько можно о томъ судить по недавнимъ новымъ „крахамъ“ въ Шотландіи, въ Англіи и отчасти въ Германіи, будутъ устранены еще не очень скоро. (Цит. изъ статьи г. Зибера—„Мысли объ отношеніи между общественною экономіею и правомъ“. „Слово“ февр. 1879 г.).

ставляющее даже гипотезы, а скорѣе пустое. ни на чемъ не основанное предположеніе, удерживаетъ до сихъ поръ въ политической экономіи значеніе краеугольнаго камня, то *главнѣйшая* причина этому заключается *въ существованіи предположенія a priori объ одинаковости для всѣхъ расъ и народовъ и о неизмѣнности производительной способности человѣческаго организма* и вытекающемъ отсюда объясненіи уменьшенія % рождаемости и болѣе прогрессивнаго возрастанія. сравнительно съ населеніемъ. средствъ существованія «*предусмотрительностью*».

Мальтусъ полагалъ, что «соціальныя учрежденія суть пустыя и поверхностныя причины несчастій общества, *не болѣе, какъ пѣна, плавающія на поверхности*, въ сравненіи съ болѣе глубокимъ источникомъ бѣдствій. вытекающимъ изъ законовъ самой природы и *страсти одного пола къ другому*. Поэтому въ бѣдствіяхъ. испытываемыхъ человѣчествомъ, слѣдуетъ обвинять не неспособность правительствъ и отвращеніе ихъ къ реформамъ, но ихъ слѣдуетъ приписывать скорѣе избыточному народонаселенію». Болѣе глубокое уясненіе экономическихъ законовъ и статистическія изслѣдованія заставили и тѣхъ экономистовъ, которые согласны съ исходными положеніями Мальтуса, признать тѣснѣйшую связь между экономическимъ порядкомъ, основаннымъ на свободной конкурренціи, и общественными бѣдствіями, каковы:— *избыточное населеніе* *). *нищета, скудное вознагражденіе, чрезмѣрность и дурныя обстановки труда, порождающія огромный процентъ болѣзней и смертности отъ истощенія организма, преступленія. медленное распространеніе образованія въ народѣ, присвоеніе успѣховъ культуры почти исключительно незначительною по числу частью общества* и мн. др. Упомянутое признаніе, не раздѣляемое лишь только «послѣдними могиканами» школы свободной конкурренціи, имѣетъ большую цѣну. Оно парализуетъ вредное вліяніе Мальтусова ученія, пытавшагося снять съ общественныхъ учрежденій отвѣтственность за человѣческія бѣдствія и указывавшаго на законы природы, какъ

---

*) О порожденіи *избыточнаго населенія*, какъ необходимаго продукта накопленія или развитія національнаго богатства на почвѣ свободной конкурренціи, см. замѣчательное изслѣдованіе Маркса, находящееся въ его сочиненіи—„Капиталъ“, т. 1, стр. 489—555. Изъ этого изслѣдованія логически вытекаетъ, что *если бы возрастаніе населенія остановилось, то и тогда, неограниченныя закономъ или нравами, капиталистическія отношенія продолжали бы порождать избыточное населеніе*

на единственнаго виновника ихъ. Только со времени этого признанія, для политической экономіи открылась широкая и благотворная задача установленія основныхъ руководящихъ принциповъ народно-хозяйственной политики, долженствующихъ освѣщать путь, какъ общественной, такъ и государственной дѣятельности.

Говоря заработной платѣ мы показали, что, при свободной конкурренціи, плата за физическій трудъ остается на уровнѣ минимума необходимыхъ средствъ существованія, не смотря на то, что національное богатство возрастаетъ быстрѣе населенія. Въ то же время, число лицъ, живущихъ продажею рабочей силы и выручающихъ изъ этой торговли минимумъ средствъ существованія, постоянно возрастаетъ не только *абсолютно,* вслѣдствіе умноженія населенія, но и *относительно*, какъ неизбѣжный результатъ конкурренціи, при которой крупное производство побиваетъ мелкое. По мѣрѣ захвата отраслей промышленности мануфактурою и машиннымъ производствомъ исчезаетъ ремесленное производство и лица, занимавшіяся имъ переходятъ въ классъ наемныхъ рабочихъ. Далѣе идетъ борьба между капиталистами. Крупные капиталы побиваютъ мелкіе. Происходитъ концентрація производства и капиталовъ *). Число лицъ экономически и соціально самостоятельныхъ постоянно уменьшается. Нація все болѣе раздѣляется на два промышленные класса, связанные между собою лишь покупкою—продажею рабочей силы. Переходъ изъ класса работниковъ въ классъ хозяевъ хотя юридически не воспрещается, но фактически, вслѣдствіе экономическихъ отношеній, является дѣломъ исключительно счастливой случайности. Распредѣленіе дохода и имуществъ народнаго хозяйства становится все болѣе неравномѣрнымъ; возрастаютъ крайности богатства съ одной сто-

*) Быстрота, съ какою совершается, въ настоящее время, концентрація капитала служитъ самымъ крупнымъ указателемъ недолговѣчности соціальнаго строя, основаннаго на свободной конкурренціи. Въ цитированной нами уже разъ статьѣ г. Зибера читатель найдетъ грандіозныя данныя о томъ „въ какой гигантской степени капиталъ сосредоточивается въ немногихъ рукахъ, какіе побѣдоносныя сраженія выигрываетъ крупный капиталъ у мелкаго и насколько всему этому содѣйствуетъ быстрое передвиженіе и сосредоточеніе людей.“ Въ ряду фактовъ этой категоріи г. Зиберъ останавливается на данныхъ, относящихся: 1) къ возрастанію доходовъ, облагаемыхъ подоходнымъ налогомъ, 2) къ движенію важнѣйшихъ фабрикъ, 3) къ измѣненіямъ въ области земледѣльческой промышленности, 4) къ развитію путей сообщенія, и въ 5) къ увеличенію городскаго населенія.

роны, нищета и бѣдность съ другой; неблагопріятное направленіе производства усиливается, ибо оно все болѣе работаетъ въ громадныхъ размѣрахъ лишь только для роскоши богатыхъ. При такомъ состояніи народнаго хозяйства, являются вредныя соціальныя отношенія господства и зависимости и *соціальная пропасть между общественными классами возрастаетъ*. Вмѣстѣ съ этимъ возрастаетъ въ массахъ чувство несправедливой обдѣленности. Это чувство, въ наше время, особенно въ рабочихъ классахъ западной Европы, вслѣдствіе многихъ причинъ далеко острѣе, нежели оно было въ прежнее время съ болѣе патріархальными правами. Важнѣйшія изъ этихъ причинъ: 1) яркое противорѣчіе дѣйствительности съ идеями вѣка о равенствѣ правъ людей, 2) постоянно увеличивающееся объединеніе рабочихъ въ городахъ и на фабрикахъ и 3) непрерывно усиливающееся значеніе народной прессы. Поднявшись на высшею ступень потребностей, мысли и нравовъ, массы яснѣе сознаютъ несправедливости въ общественномъ устройствѣ, въ распредѣленіи налоговъ, политическихъ правъ, имуществъ, труда, образованія *).

Противорѣчіе между жизненными результатами современнаго экономическаго быта и соціальными идеями вѣка—противорѣчіе,

*) Въ послѣднія столѣтія, говоритъ Ал. Ланге, впервые стали постепенно осуществляться основные принципы гуманности, которые устранили прежнія жестокости, и борьба за существованіе между людьми приняла другія болѣе мягкія формы. Какимъ же образомъ случилось однако, что нищета бѣдствующаго человѣчества никогда не чувствовалась такъ глубоко, какъ именно въ настоящее время? Какъ случилось, что прежде, большею частью, только идеалисты-мечтатели и поэты-философы размышляли о средствахъ къ осуществленію совершеннаго состоянія человѣческаго общества, между тѣмъ, теперь, самые массы проникліись сознаніемъ, что ихъ положеніе должно быть измѣнено посредствомъ совершенно новыхъ, грандіозныхъ соціальныхъ учрежденій? Почему прежде даже крайняя нищета разсматривалась, какъ неизбѣжная судьба, что однако, какъ показываетъ опытъ, не было явленіемъ, неотвратимымъ никоимъ образомъ; между тѣмъ, теперь, стремятся съузить границы естественнаго закона борьбы и требуютъ лучшаго соціальнаго порядка, объ осуществленіи котораго существуетъ пока еще весьма неопредѣленное представленіе?

Отвѣтъ на эти вопросы заключается въ томъ, что отвычка отъ жестокостей, бо́льшее спокойствіе и бо́льшее образованіе должны сами по себѣ вести къ тому, чтобы увеличить притязанія отъ жизни Человѣкъ сознаетъ свое высшее назначеніе; онъ видитъ въ привиллегированныхъ индивидуумахъ, чѣмъ могъ бы быть онъ самъ, еслибы обстоятельства ему благопріятствовали. Онъ разсматриваетъ отношенія критическимъ взглядомъ; онъ обсуждаетъ, и онъ находитъ, что многое могло бы быть иначе. Къ сожалѣнію, это есть страшная истина, что тираны правы, съ своей точки зрѣнія, когда утверждаютъ, что для того, чтобы народъ не достигъ самосознанія его слѣдуетъ держать подъ гнетомъ. Die Arbeiterfrage, s 7).

коренящееся въ господствѣ капитала надъ трудомъ — породило въ области экономической политики двѣ школы. Одна изъ нихъ, называемая соціалистическою, полагаетъ возможнымъ немедленное устраненіе имущественныхъ привиллегій и обоснованіе доходовъ на трудѣ. Вторая, — реалистическая школа, признавая отсутствіе, въ настоящее время, необходимыхъ для этого условій, стремится установить организацію общественнаго хозяйства, которая, соотвѣтствуя современнымъ условіямъ жизни, и, по возможности, не умаляя *производительности* народнаго хозяйства, распредѣляла бы блага культуры между всѣми классами населенія и приближалась къ обоснованію распредѣленія на трудѣ и заслугѣ.

Содержаніе слѣдующихъ двухъ главъ представляетъ разсмотрѣніе историческаго значенія этихъ двухъ школъ и ихъ сущности.

ГЛАВА III.

§ 1 Противорѣчіе между правовыми понятіями нашего времени и экономической организаціей. § 2 Отношеніе реалистической школы къ соціалистическому направленію. § 3 Главныя черты соціалистической организаціи народнаго хозяйства

§ 1. Въ основаніе устройства современнаго культурнаго государства положены принципы. равенства передъ закономъ и свободы личности. Очевидно, равенство передъ закономъ было бы лицемѣрною фразою, если бы, рядомъ съ признаніемъ за всѣми гражданами права пользоваться благами культуры, достигать благосостоянія, образованія, любаго соціальнаго положенія, организація общественнаго порядка была такова, что воспользоваться этимъ правомъ могли бы лишь нѣкоторые классы общества. Новѣйшія государства признали принципъ равенства передъ закономъ не для того, чтобы замѣнить прежнія юридическія привилегіи фактическими, а чтобы устранить вліяніе соціальныхъ условій на образованіе неравенства между людьми. Смыслъ этого принципа: — низвести неравенство между людьми лишь на различія ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ и сдѣлать каждаго отвѣтственнымъ за свою судьбу. Въ политической области примѣненіе принциповъ свободы и равенства передъ закономъ выразилось:—въ признаніи свободы мысли, слова и собраній, въ признаніи за всѣми гражданами права участія въ законодательствѣ, судѣ, администраціи, въ признаніи равенства податной и воинской повинностей. Примѣненіе указанныхъ принциповъ къ хозяйственной области повело за собою уничтоженіе оставшихся отъ феодальной эпохи привилегій, ограниченіе вмѣшательства государства въ экономическія отношенія и предоставленіе ихъ дѣйствію свободной конкурренціи. Политическій и экономи-

ческій переворотъ, предпринятый съ одной и той же цѣлью — осуществленія принциповъ свободы и равенства — далъ совершенно различные результаты въ этихъ двухъ сторонахъ народной жизни Въ первой — цѣль достигается болѣе и болѣе; во второй—прогрессивно возрастаетъ неравенство, какъ результатъ фактическихъ имущественныхъ монополій. И причина этого понятна. Въ политической области съ уничтоженіемъ привилегій и равномѣрнымъ распредѣленіемъ правъ и обязанностей на всѣхъ гражданъ тѣмъ самымъ была создана уже и фактическая возможность воспользоваться этими правами. Въ экономической же области, и послѣ устраненія юридическихъ привилегій, остались исторически созданныя неравенства владѣнія; и далѣе, что особенно важно, неравенства владѣнія, по присущимъ системѣ свободной конкурренціи свойствамъ, продолжали усиливаться, *соціальныя различія* въ шансахъ соревнованія продолжали возрастать; и, такимъ образомъ, рядомъ съ идеею вѣка о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, политически полноправные граждане распались почти на касты, причемъ каста обдѣленныхъ постоянно возрастаетъ не только абсолютно, но и относительно. Процентъ неимущаго класса постоянно увеличивается въ отношеніи къ имущему, среднія состоянія исчезаютъ и соціальное неравенство, зависимость труда отъ капитала проявляются все болѣе въ крупныхъ размѣрахъ и яркихъ формахъ Такимъ образомъ, современное общество заключаетъ въ самомъ себѣ противорѣчіе, выступающее съ каждымъ днемъ рѣзче. Соціальная организація, путемъ которой думали осуществить свободу и правовыя идеи эпохи, приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ—зрѣлище, впервые представляемое исторіею человѣчества. Расчлененіе общества на привилегированные и подчиненные классы въ древнемъ мірѣ и въ среднія вѣка вполнѣ гармонировало съ правовыми воззрѣніями того времени, съ идеею о неравенствѣ правъ людей. Точка отправленія и цѣль развитія новѣйшаго общества — свобода и равенство правъ людей; и въ то время, какъ эти принципы все болѣе осуществляются въ политической области, экономическая организація прогрессивно порождаетъ неравенство и несвободу. Въ рабской организаціи древняго міра владѣніе было все, трудъ ничто. Гражданское общество состав-

ляли только владѣющіе классы, рабочіе классы стояли внѣ его. Съ владѣніемъ были соединены всѣ права, какъ политическія, такъ и гражданскія; трудъ былъ безправенъ. Рабочіе индивидуумы, рабы, въ правовомъ отношеніи были вещи, они приравнивались къ рабочему скоту; не только рабочая сила, но и самая личность раба были предметомъ собственности. Но такое положеніе труда вполнѣ гармонировало съ правовыми воззрѣніями античной цивилизаціи. Рабство признавалось необходимостью, вытекающею изъ законовъ природы. Единственно достойными свободнаго гражданина занятіями считались: политика, наука, искусство и война. Въ средніе вѣка рабское состояніе труда постепенно замѣняется болѣе мягкими и разнообразными формами крѣпостничества и расчлененіе общества на привилегированные и подчиненные классы находится въ такомъ же полномъ соотвѣтствіи съ правовыми идеями эпохи, какъ это имѣло мѣсто въ древнемъ мірѣ. Крѣпостные пользуются нѣкоторыми гражданскими правами, но политическія права находятся исключительно въ рукахъ класса поземельныхъ собственниковъ и, въ этомъ отношеніи, послѣдніе имѣютъ большое сходство съ свободными гражданами древности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ античной цивилизаціи, такъ и въ средніе вѣка, физическій трудъ, промышленныя занятія считаются дѣломъ унизительнымъ, долею низшихъ классовъ. Новое время провозгласило, что трудъ есть обязанность и высшая задача человѣка; политическая экономія доказала, что онъ есть важнѣйшій факторъ въ созданіи цѣнностей,—творецъ національнаго богатства. Такимъ образомъ, новое время, въ идеѣ, воздаетъ труду почетъ, возводитъ его на пьедесталъ; въ дѣйствительности же классы общества, исполняющіе самое бо̀льшее количество труда, и притомъ самаго тяжелаго, занимаютъ низшую ступень въ общественной лѣстницѣ и едва добываютъ себѣ необходимыя средства существованія,—противорѣчіе между соціальными идеалами и практикою, указанное еще Сенъ-Симономъ въ его извѣстной «Parabole politique».

Это противорѣчіе хозяйственнаго развитія съ общимъ принципомъ культурнаго развитія, составляющее характеристическую черту современнаго соціальнаго строя, есть причина многихъ

важныхъ явленій общественной жизни *). Прежде всего въ немъ заключается корень такъ называемаго *«соціальнаго вопроса»*. Оно есть причина, почему ни одна эпоха не можетъ сравниться съ нашей по господству *лицемѣрія* и *фразы*. У всѣхъ на языкѣ свобода и равенство правъ, и какъ часто подъ прикрытіемъ этихъ громкихъ словъ защищаются и проводятся порядки и мѣры, противныя смыслу этихъ словъ. Имъ обусловливаются *соціальная рознь и постоянное броженіе въ обществѣ*. Оно объяснятъ намъ, почему экономическій порядокъ новѣйшаго либеральнаго государства, основанный на свободной конкурренціи, не просуществовавъ столѣтія, *потерялъ уже свой кредитъ въ наукѣ и начинаетъ терять его въ практикѣ* **). Третье сословіе исполнило важную роль въ исторіи развитія человѣчества. Въ борьбѣ за улучшеніе своего соціальнаго положенія, ему пришлось выставить противъ привилегированныхъ классовъ идею свободы и равенства правъ людей. Но общественные порядки, посредствомъ которыхъ думали осуществить эту идею, оказались недостигающими цѣли. Свобода конкурренціи оказалась лишь свободою для сильныхъ; вмѣсто осуществленія равенства правъ, она стала сильнѣйшимъ источникомъ фактическихъ привилегій. Между тѣмъ идеи свободы и равенства крѣпко засѣли въ сознаніи современнаго общества; изъ нихъ исходитъ устройство новѣйшаго либеральнаго государства; проведеніе ихъ въ жизнь составляетъ существенный интересъ четвертаго сословія, политическая сила котораго быстро возрастаетъ. *Такимъ образомъ, продолженіе дѣла, начатаго, но неоконченнаго, третьимъ сословіемъ, является историческою необходимостью.*

§ 2. Подробное изслѣдованіе причинъ указаннаго нами противорѣчія въ соціальномъ строѣ, изслѣдованіе путей для устра-

*) О коллизіи между принципами, положенными въ законъ 19-го февраля 1861 г., имѣющій значеніе исходнаго пункта новѣйшей исторіи Россіи, и формами русской общественной жизни см. замѣчательную статью проф. Градовскаго. (Русск. Рѣчь. Мартъ. 1879 г.).

**) Въ этомъ отношеніи мотивы послѣдняго таможеннаго закона Бисмарка заслуживаютъ большаго вниманія.—Между прочимъ, президентъ Имперской канцеляріи, министръ Гофманъ, возражая на нападки оппозиціонной партіи, заявилъ, что правительство ничего не имѣетъ противъ стремленій соціалъ-демократіи, а вооружилось противъ соціалъ-демократовъ только изъ политическихъ причинъ, такъ какъ тѣ прибѣгали къ такимъ средствамъ, которыя несовмѣстны съ существованіемъ государства и порядка.

пенія или смягченія его составляютъ одну изъ главныхъ темъ современной экономической литературы. Тему эту разрабатываютъ какъ экономисты реалистической школы, такъ и соціалистическая литература. Прежде чѣмъ идти дальше, умѣстно теперь же выяснить: въ чемъ заключается различіе между реалистическою школою и соціалистическимъ направленіемъ, или, иначе говоря, — каково отношеніе реалистической школы къ соціалистической литературѣ.

Что касается воззрѣній на условія, породившія *«либеральный»* экономическій порядокъ, на сущность его, на причины заключающихся въ немъ противорѣчій, реалистическая школа и соціалистическое направленіе въ главныхъ основаніяхъ согласны Это суть тѣ условія и причины, которыя изложены нами выше. По вопросу же о способахъ разрѣшенія противорѣчій современнаго общественнаго порядка, большинство представителей реалистической школы противопоставляютъ себя соціалистическому направленію. Чтобы уразумѣть съ точностью это противопоставленіе надо сдѣлать нѣкоторыя поясненія. *Слѣдуетъ строго различать взглядъ на основныя черты соціалистической организаціи, какъ на общественный порядокъ, къ которому идетъ человѣчество, но для осуществленія котораго въ настоящее время еще нѣтъ въ наличности требуемыхъ условій, отъ взгляда на нее, какъ на общественный порядокъ, примѣненіе котораго, уже при современныхъ интеллектуальныхъ, моральныхъ и соціальныхъ условіяхъ, было бы возможно и благотворно.* Всѣ представители реалистическаго направленія единодушно отвергаютъ второй взглядъ; въ отношеніе же перваго мнѣнія ихъ разнообразны. Тѣмъ не менѣе, все разнообразіе мнѣній экономистовъ реалистической школы на счетъ соціализма, какъ будущей организаціи народнаго хозяйства, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ воззрѣніямъ трехъ видныхъ представителей школы Шмоллера, Альберта Ланге и Адольфа Вагнера.

«Въ чемъ должна заключаться соціальная реформа? спрашиваетъ Шмоллеръ. Что должна она осуществить? Она состоитъ въ возстановленіи дружественныхъ отношеній между общественными классами, въ устраненіи или смягченіи неправды, въ бо́льшемъ приближеніи къ принципу равноправія и справедливости, въ уста-

новленіи соціальнаго законодательства, двигающаго прогрессъ и обезпечивающаго нравственное и матеріальное возвышеніе низшихъ и среднихъ классовъ.

«Какъ осуществится эта цѣль во всѣхъ ея подробностяхъ—врядъ ли можно предсказать съ полною достовѣрностью. Въ томъ-то и заключается безуміе соціалистовъ, что они воображаютъ, будто могутъ уже въ настоящее время предъявлять готовые планы будущаго, что они требуютъ работы по этимъ планамъ; между тѣмъ, какъ исторія учитъ насъ, что всѣ глубокія перемѣны въ хозяйственномъ и соціальномъ расчленении общества произошли посредствомъ огромнаго числа самихъ по себѣ незначительныхъ перемѣнъ въ обычаяхъ и правовой жизни народовъ.... такъ что на измѣненія какихъ требуетъ самый умѣренный соціализмъ пойдутъ не десятки, а сотни лѣтъ. Въ каждомъ сужденіи объ общественныхъ формахъ организаціи будущаго заключается и сужденіе о будущности техники, а также и сужденіе о психологически-нравственной жизни будущихъ поколѣній. А умозаключеніе объ этихъ двухъ факторахъ во всѣхъ смыслахъ не можетъ претендовать на точность» *).

«Великій соціальный переворотъ, предвидимый Марксомъ,—говоритъ Ланге,—разсматриваемый ближе, могъ бы вполнѣ благотворно осуществиться лишь какъ слѣдствіе очень многихъ маленькихъ шаговъ впередъ и какъ результатъ борьбы въ теченіе длиннаго періода времени, борьбы въ формахъ то мирныхъ, то бурныхъ. Многія мѣры для разрѣшенія рабочаго вопроса, которыя порождаетъ эта борьба, разсматриваемыя порознь, далеко не достаточны для достиженія великой цѣли, но, взятыя въ совокупности, играютъ очень существенную роль» **).

«Наше время, говоритъ Вагнеръ, безъ сомнѣнія приближается къ соціалистической цѣли. Переходъ каждой новой отрасли производства и хозяйства въ руки государства—какъ напр. средствъ сообщенія—есть этапъ на пути къ этой цѣли. Только вслѣдствіе непониманія дѣла противники соціализма могутъ отрицать это. Заблужденіе же соціалистовъ заключается въ томъ, что они же-

*) См. Jahrbuch. f. Nation. Oec. u Statist. 1874 r. Ueber einige Grundfragen d. Rechts u. d. Volkswirt, s. 313.

**) Die Arbeiterfrage, s. 349.

лаютъ произвести вмѣсто постепеннаго историческаго развитія внезапный переворотъ путемъ государственнаго и правоваго принужденія, и, вмѣсто съуженія системы частнаго хозяйства и частнаго капитала, полное устраненіе обоихъ черезъ установленіе общественнаго хозяйства и общественнаго капитала. А мы видѣли выше, что это является и недостижимымъ и нежелательнымъ на неизмѣримое время впередъ» *).

Приблизительно такія же воззрѣнія высказаны въ сочиненіяхъ Scheel'я **) и Schaffle ***).

Изъ предшествующаго изложенія очевидно слѣдуетъ, что реалистическая школа расходится, *въ цѣломъ и рѣзко,* лишь съ тѣмъ соціалистическимъ направленіемъ, которое полагаетъ возможнымъ немедленное, или, покрайней мѣрѣ, не въ далекомъ будущемъ, осуществленіе соціалистической организаціи. Но такая незрѣлая мысль совершенно чужда самымъ авторитетнымъ соціалистическимъ писателямъ, каковы: Родбертусъ, Марксъ, Лассаль, Дюрингъ, и потому нельзя провести принципіальнаго различія между *научнымъ* соціализмомъ и реалистическою школою ****).

Самый могучій авторитетъ соціализма, Карлъ Марксъ, полагаетъ возможнымъ осуществленіе главныхъ основаній соціализма *лишь тогда*, когда капиталистическія отношенія такъ глубоко расчленятъ общество на два класса:—незначительный, сравнительно съ населеніемъ, классъ капиталистовъ и объединенный, организованный самимъ механизмомъ капиталистическаго производства, неимущій рабочій классъ,—что трудъ откажется выносить далѣе свою капиталистическую оболочку и она разрывается *****). На той же страницѣ, въ примѣчаніи, говорится: «Прогрессъ промышленности, невольнымъ орудіемъ котораго служитъ бур-

*) Lehrb d Polit. Oecon. 1876. 1-ter Th. s 555

**) Die Theorie d. Socialen Frage. 1871.

***) Die Quintessenz d. Socialismus. 1878

*,**) Научнымъ соціализмомъ мы называемъ тотъ, который выводитъ и обосновываетъ соціалистическую организацію народнаго хозяйства изъ „условій развитія человѣчества“. Въ этомъ именно заключается отличіе его отъ *идеалистическаго* соціализма и коммунизма Сенъ-Симона, Оуэна, Фурье, и *насильственнаго* соціализма, полагающаго возможнымъ осуществленіе соціалистической организаціи *въ любое время, при всякихъ условіяхъ*, лишь бы власть досталась въ руки соціалистовъ-революціонеровъ.

****) Капиталъ, стр. 650.

жуазія, ставитъ на мѣсто изолированія работниковъ конкурренціей— ихъ революціонное объединеніе ассоціаціей. Слѣдовательно, съ развитіемъ крупной промышленности, буржуазія теряетъ подъ ногами почву, на которой она производитъ и присвоиваетъ себѣ продуктъ. Поэтому, прежде всего, она роетъ свою собственную могилу. Паденіе ея и побѣда пролетаріата равно неизбѣжны.... Изъ всѣхъ классовъ, которые въ настоящую минуту противополагаются буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно революціонный классъ. Прочіе классы погибаютъ вмѣстѣ съ крупной промышленностью, пролетаріатъ же есть ея собственный продуктъ.... Среднее сословіе, мелкіе промышленники, мелкіе торговцы, ремесленники, крестьяне,—всѣ они борятся съ буржуазіей, чтобы сохранить свое существованіе, какъ средняго сословія.... всѣ они реакціонны, такъ какъ стараются поворотить назадъ колесо исторіи.»

Несомнѣнно, что прогрессъ техники ведетъ къ непрерывному расширенію крупнаго производства и тѣмъ самымъ къ исчезновенію мелкой промышленности. Но какова будетъ дальнѣйшая форма развитія крупной промышленности — представитъ ли она, какъ въ настоящее время, постоянно возрастающую концентрацію средствъ производства въ рукахъ капиталистовъ, или станетъ на ассоціаціонный путь — рѣшеніе этого вопроса невозможно. Приведенное воззрѣніе Маркса представляетъ не болѣе какъ логическій выводъ изъ фактовъ современнаго развитія капиталистической организаціи, покоющейся на свободной конкурренціи. Но измѣнитъ законы въ смыслѣ противодѣйствія концентраціи средствъ производства въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и содѣйствія развитію ассоціаціонныхъ формъ, и ходъ народнаго хозяйства, расчлененіе общественныхъ классовъ приметъ не то направленіе, какое указываетъ Марксъ. Множество явленій современной дѣйствительности, каковы напримѣръ — возрастающее въ западной Европѣ объединеніе, самосознаніе и политическое значеніе рабочихъ классовъ, далѣе, распространяющееся уясненіе природы свободной конкурренціи, усиливающееся сознаніе противорѣчія между современною экономическою организаціею и признанными правами человѣка, даютъ основаніе надѣяться на близкую реформу въ смыслѣ расширенія сферы государственнаго хозяйства,

содѣйствія образованію и развитію ассоціаціонныхъ формъ производства и осуществленія болѣе равномѣрнаго распредѣленія благъ культуры.

Но какой бы путь ни приняло народное хозяйство въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, очевидно, что, и съ точки зрѣнія Маркса, образованіе условій, необходимыхъ для осуществленія основныхъ принциповъ соціалистическаго порядка, требуетъ значительнаго времени. Сколь значительное время потребуется для перехода «реакціонныхъ» мелкихъ промышленниковъ, ремесленниковъ, крестьянъ въ пролетаріевъ, можно судить по даннымъ о распредѣленіи населенія въ хозяйственномъ отношеніи. Первое, что важно знать, это распредѣленіе населенія на дающихъ работу и берущихъ работу. Точныя данныя по этому вопросу представляютъ цензы французскій и прусскій. Во Франціи хозяевъ 44,6%, получающихъ работу 55,4% всего населенія. Въ Пруссіи первыхъ 36,8, вторыхъ 63,2. Далѣе, во Франціи 51,2% принадлежитъ къ населенію, занимающемуся сельскимъ хозяйствомъ, и изъ этого числа 53% суть хозяева и 47% работниковъ. Правда, изъ 10 милліоновъ французскихъ поземельныхъ собственниковъ, 5 милліоновъ владѣютъ столь небольшими участками (parcelles), что, вмѣстѣ съ воздѣлываніемъ собственной земли, прибѣгаютъ также къ обработкѣ чужой, въ качествѣ фермеровъ, половниковъ или же поденщиковъ (послѣднихъ до одного милліона). Но, за исключеніемъ и этихъ миніатюрныхъ поземельныхъ собственниковъ, остается еще весьма внушительная цифра вполнѣ самостоятельныхъ собственниковъ, изъ коихъ, притомъ, крупныхъ собственниковъ (съ поземельною собственностью свыше 50 гектаровъ) считается всего около 25 тысячъ человѣкъ. Въ Пруссіи, какъ мы видѣли, хозяева составляютъ 36,8%, работники и прислуга 63,2% всего населенія. Почти такое же отношеніе существуетъ здѣсь между хозяевами и работниками въ сельско-хозяйственной промышленности. Въ остальныхъ континентальныхъ европейскихъ государствахъ крупная промышленность достигла пока еще меньшаго развитія, не говоря уже о Россіи, государствѣ по преимуществу крестьянскомъ и гдѣ на 80 милліоновъ населенія приходится только *одинъ* милліонъ фабричныхъ и заводскихъ работниковъ. Одна Великобританія представляетъ собою такое государ-

ство, гдѣ нѣтъ крестьянскаго класса и мелкія формы хозяйства ничтожны сравнительно съ крупною промышленностью.

Другой замѣчательный ученый и агитаторъ рабочаго движенія, Лассаль, котораго историко-юридическія изслѣдованія и факты современной дѣйствительности привели къ убѣжденію, что европейскій міръ стоитъ теперь предъ рѣшеніемъ вопроса объ устраненіи частной собственности на рабочую силу человѣка, что, по его мнѣнію, можетъ быть достигнуто лишь организаціею экономическаго порядка на базисѣ «общественнаго капитала» и распредѣленія продуктовъ въ размѣрѣ участія каждаго въ производствѣ, полагаетъ, однако, что на осуществленіе этой цѣли потребуется работа нѣсколькихъ поколѣній. Съ цѣлью содѣйствія рѣшенію въ этомъ смыслѣ «соціальнаго вопроса», имъ были предложены производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, которыя, по его мысли, «*имѣютъ значеніе переходной мѣры,* органическаго зерна, неудержимо стремящагося къ дальнѣйшему развитію и долженствующаго выработать изъ себя это рѣшеніе» *).

Примѣчаніе. Важно замѣтить, что организація производительныхъ ассоціацій пользуется въ настоящее время одобреніемъ даже со стороны Манчестерцевъ. Но исходя изъ принципа невмѣшательства государства, они представляютъ образованіе и развитіе ассоціацій исключительно собственнымъ силамъ рабочихъ, что, при современномъ скудномъ заработкѣ и, главное, при настоящемъ развитіи крупнаго производства, очевидно обращается въ химеру; а потому сочувствіе Манчестерцевъ принципу ассоціаціи невольно вызываетъ мысль или о непониманіи экономическихъ явленій или о лицемѣріи съ ихъ стороны. Образованіе производительныхъ ассоціацій съ помощью государства логически вытекаетъ изъ принциповъ экономической политики реалистической школы. Вопросъ сводится лишь къ конкретнымъ формамъ примѣненія этой важной мѣры.

Разсуждая безпристрастно, говоритъ Дюрингъ, тому, кто жилъ въ обществѣ, основанномъ преимущественно на рабствѣ, наемный трудъ долженъ былъ казаться самой опасной на практикѣ системой. Она дѣлаетъ человѣка отвѣтственнымъ за самаго себя, но вмѣсто того, чтобы надѣлить его средствами для самостоятельнаго попеченія о себѣ, ставитъ его въ зависимость отъ не имъ созданной случайности заработка. Впослѣдствіи привычка къ этому состоянію притупила способность замѣчать его противорѣчія. Но если бы вопросъ о введеніи наемнаго труда былъ

*) Capital und Arbeit s 211.

поднятъ только теперь, то нашлось бы много людей, которые взялись бы доказать, къ выгодѣ чистаго рабства, что положеніе наемнаго рабочаго, которому нельзя гарантировать даже примѣненія его труда, заключаетъ въ себѣ опасность для общества, и что вся наемная система представляетъ утопію, которая неустойчива даже теоретически, а тѣмъ болѣе въ грубыхъ столкновеніяхъ житейской практики. Въ извѣстномъ смыслѣ на сторонѣ такихъ людей была бы правда, потому что, въ самомъ дѣлѣ, наемный трудъ неустойчивъ. Вслѣдствіе неустойчивости системы наемнаго труда, господство ея, въ сравненіи съ долгой эпохой рабства и крѣпостной зависимости, представится сравнительно краткой переходной фазой. Въ одномъ случаѣ дѣло шло о рядѣ тысячелѣтій, въ другомъ о нѣсколькихъ столѣтіяхъ. Исторія поучаетъ насъ, что и формы угнетенія, осуществляемыя ею, могутъ быть устойчивыми только тогда, когда имѣютъ за себя, по крайней мѣрѣ, относительную логичность. Но всемірно-историческіе повороты отъ одной устойчивой системы къ другой (въ данномъ случаѣ къ *соціалистической*, или, какъ называетъ ее Дюрингъ, *соціалитарной*) всегда совершаются при посредствѣ *промежуточныхъ образованій, представляющихъ собою смѣшеніе различныхъ принциповъ* *).

Приведенныя мѣста изъ сочиненій Маркса, Лассаля и Дюринга убѣдительно подтверждаютъ высказанное нами положеніе, что между реалистическою школою и научнымъ соціализмомъ нельзя провести рѣзкую границу. Какъ реалистическое, такъ и научно-соціалистическое направленія не признаютъ *абсолютности* какого бы то ни было общественнаго порядка. Оба одинаково смотрятъ на причины, породившія существующій въ западной Европѣ экономическій и политическій строй,—на сущность его и на характеръ принциповъ, къ осуществленію которыхъ идетъ европейское общество. Въ частностяхъ, оба направленія признаютъ формы пріобрѣтенія собственности и формы владѣнія капиталомъ *историческими*, а не *логическими* категоріями, а слѣдовательно, постоянно измѣняющимися съ измѣненіемъ условій ихъ

*) Cursus d. National-und Socialokonomie Funfter Ab., drittes Capit, § 11. 1873 г.

вызвавшихъ. Оба направленія одинаково признаютъ, что отдѣленіе собственности отъ труда, вытекающее изъ современной капиталистической организаціи, составляетъ самую глубокую причину соціальнаго неустройства и противорѣчій между правовыми понятіями и дѣйствительностью, что оно есть центральный пунктъ «соціальнаго вопроса» и, въ тоже время, оба направленія солидарны въ томъ, что приведеніе собственности въ возможно полное соотвѣтствіе съ трудомъ не можетъ быть сдѣлано разомъ, а что эта великая и трудная задача можетъ быть рѣшена только трудомъ многихъ поколѣній и цѣлымъ рядомъ одна другую дополняющихъ реформъ *) Вопросъ о томъ, какія реформы ведутъ

*) Воззрѣнія Маркса на ближайшій ходъ развитія народнаго хозяйства вовсе не такъ мрачны, какъ онѣ могутъ представиться изъ рисуемой имъ картины постояннаго возрастанія пролетаріата Достаточно указать на предвидимыя имъ свѣтлыя стороны поступательнаго развитія фабричнаго законодательства, долженствующаго оказать рабочимъ классамъ, въ „переходную“ эпоху, громадныя услуги въ дѣлѣ возвышенія ихъ матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія (см. Капиталъ, т. 1. стр. 423—442).

Въ апрѣльской книжкѣ Вѣстника Европы, за нынѣшій годъ, г. Анненковъ разсказываетъ разговоръ Маркса съ коммунистомъ Вейтлингомъ, только-что прибывшимъ въ Парижъ изъ Германіи въ качествѣ эмигранта. Изъ этого разговора видно съ какою ненавистью относился всегда Марксъ къ безплодной агитаціи, не имѣющей за себя твердой опоры въ условіяхъ дѣйствительности, агитаціи для осуществленія цѣлей которой еще не назрѣли необходимые соціальные элементы. Разсказъ г. Анненкова такъ характеристиченъ, что мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ него небольшое извлеченіе.

Въ 1846 году г Анненковъ посѣтилъ въ Парижѣ Маркса и получилъ отъ него приглашеніе на совѣщаніе, которое должно было состояться на другой день вечеромъ съ Вейтлингомъ, оставившимъ за собой въ Германіи довольно большую партію работниковъ. Совѣщаніе назначалось для того, чтобы опредѣлить, по возможности, общій образъ дѣйствій между руководителями рабочаго движенія „Собравшись и отрекомендовавшись другъ другу, мы сѣли за небольшой зеленый столикъ, на одномъ узкомъ концѣ котораго помѣстился Марксъ, взявъ карандашъ въ руки и склонивъ свою львиную голову на листъ бумаги, между тѣмъ какъ неразлучный его спутникъ и сотоварищъ по пропагандѣ, высокій, прямой, по англійски важный и серьезный, Энгельсъ открывалъ засѣданіе рѣчью Онъ говоритъ въ ней о необходимости между людьми, посвятившими себя дѣлу преобразованія труда, объяснить взаимныя свои воззрѣнія и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменемъ для всѣхъ послѣдователей, не имѣющихъ времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельсъ еще не кончилъ рѣчи, когда Марксъ, поднявъ голову, обратился прямо къ Вейтлингу съ вопросомъ: „Скажите же намъ, Вейтлингъ, вы, которые такъ много надѣлали шума въ Германіи своими коммунистическими проповѣдями и привлекли къ себѣ столькихъ работниковъ, лишивъ ихъ мѣстъ и куска хлѣба, какими основаніями оправдываете вы свою революціонную и соціальную дѣятельность и на чемъ думаете утвер-

къ цѣли и своевременны, выходитъ изъ предѣловъ теоретической науки, а относится къ области приложенія научныхъ началъ къ пространственнымъ и временнымъ условіямъ жизни. Въ этой сферѣ профессоръ Вагнеръ можетъ быть солидаренъ съ Лассадить ее въ будущемъ?“ Вейтлингъ, видимо, хотѣлъ удержать совѣщаніе на общихъ мѣстахъ либеральнаго разглагольствованія. Онъ сталъ объяснять, что цѣлью его было не созидать новыя экономическія теоріи, а принять тѣ, которыя всего способнѣе, какъ показалъ опытъ во Франціи, открыть рабочимъ глаза на ужасъ ихъ положенія, на всѣ несправедливости, которыя, по отношенію къ нимъ, сдѣлались лозунгомъ правителей и обществъ, научить ихъ не вѣрить уже никакимъ обѣщаніямъ со стороны послѣднихъ и надѣяться только на себя, устраиваясь въ демократическія и коммунистическія общины... Вейтлингъ говорилъ много, часто не ясно и, вѣроятно, говорилъ бы и еще далѣе, если бы Марксъ, съ гнѣвно-стиснутыми бровями, не прервалъ его и не началъ своего возраженія. Сущность саркастической его рѣчи заключалось въ томъ, что возбуждать населеніе, не давая ему никакихъ твердыхъ, продуманныхъ основаній для дѣятельности, значило просто обманывать его. Возбужденіе фантастическихъ надеждъ ведетъ только къ гибели, а не къ спасенію страдающихъ. Особенно въ Германіи обращаться къ работнику безъ строго-научной идеи и положительнаго ученія равносильно съ пустой и безчестной игрой въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, полагается вдохновенный пророкъ, а съ другой — допускаются только ослы, слушающіе его разинувъ ротъ. .. Въ цивилизованной землѣ, какъ Германія, люди безъ положительной доктрины ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ вспышекъ и гибели самаго дѣла, за которое принялись. Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлинга Дрожащимъ отъ волненія голосомъ сталъ онъ доказывать, что человѣкъ, собравшій сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской другъ другу помощи подъ одно знамя, не можетъ назваться совсѣмъ пустымъ и праздднымъ человѣкомъ, что онъ, Вейтлингъ, утѣшается отъ сегодняшнихъ нападковъ воспоминаніемъ о тѣхъ сотняхъ писемъ и заявленій благодарности, которыя получилъ со всѣхъ сторонъ своего отечества, и что, можетъ быть, скромная подготовительная его работа важнѣе для общаго дѣла, чѣмъ критика и кабинетные анализы доктринъ, вдали отъ страдающаго свѣта и бѣдствій народа. При послѣднихъ словахъ взбѣшеный окончательно Марксъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ и вскочилъ съ мѣста, проговоривъ—„Ни когда еще невѣжество никому не помогло!“ Мы послѣдовали его примѣру и тоже вышли изъ-за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Марксъ ходилъ взадъ и впередъ въ необычайномъ гнѣвномъ раздраженіи по комнатѣ, я на-скоро распрощался съ нимъ и съ его собесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ“-

Нашимъ русскимъ соціалъ-демократамъ, агитирующимъ въ народѣ коммунистическую революцію, превратно понявшимъ ученіе Маркса и потому полагающимъ, что оно солидарно съ ихъ дѣятельностью, не мѣшало бы внимательно продумать этотъ весьма характерный разсказъ г. Анненкова. Продумавъ его, они, можетъ быть, пришли бы къ убѣжденію, что Марксъ могъ бы и къ нимъ обратиться съ слѣдующею рѣчью: „Скажите же намъ вы, русскіе агитаторы коммунистической революціи, завлекшіе своими проповѣдями значительное

лемъ и расходиться съ профессоромъ Брентано *). Лишь по одному вопросу, и притомъ не имѣющему для настоящаго времени практическаго значенія и для рѣшенія котораго нѣтъ достаточныхъ данныхъ, существуетъ нѣкоторое различіе между воззрѣніями большинства представителей реалистической школы и научнымъ соціализмомъ. Послѣдній полагаетъ, что соціальный міръ идетъ къ организаціи народнаго хозяйства, которая совершенно вытѣснитъ форму частнаго капитала,—мысль, въ которой большинство представителей реалистической школы видятъ претензію опредѣлять слишкомъ подробно формы будущаго общественнаго порядка. Реалистическая школа стоитъ уже теперь за расширеніе размѣровъ государственнаго и ассоціаціоннаго хозяйствъ, выводитъ, изъ дѣйствій силъ конкурренціи, что эти двѣ формы хозяйствъ неизбѣжно будутъ расширяться; но представится ли цѣлесообразнымъ совершенное вытѣсненіе формъ частнаго хозяйства,—рѣшеніе этого вопроса, по ея мнѣнію, возможно было бы лишь тогда, еслибы мы могли знать орудія производства и психически-нравственную жизнь, удаленныхъ отъ насъ на значительное время, будущихъ поколѣній.

Въ виду тожества научнаго фундамента реалистической школы и научнаго соціализма, единства взгляда на смыслъ реформъ, вызываемыхъ современными соціальными противорѣчіями, Манчестерцы имѣли полное основаніе назвать представителей реалистической школы «Katheder-socialisten».

Выяснивъ отношеніе реалистической школы къ научному соціализму, намъ остается, для полноты обрисовки послѣдняго, указать — какую организацію въ главныхъ чертахъ приняло бы народное хозяйство съ осуществленіемъ основнаго принципа со-

---

число простыхъ людей, крестьянъ, фабричныхъ, солдатъ, неопытныхъ юношей и тѣмъ погубивъ ихъ жизнь, которую они влачатъ въ рудникахъ Сибири, какія общественные элементы дали вамъ основаніе расчитывать на успѣхъ дѣла? Неужели вы не понимаете, что возбужденіе фантастическихъ надеждъ ведетъ только къ гибели, а не къ спасенію страдающихъ, и силы ваши, вмѣсто того, чтобы быть приложенными къ полезной, цѣлесообразной дѣятельности, погибаютъ даромъ?"

*) Вагнеръ настаиваетъ *особенно* на широкомъ вмѣшательствѣ государства въ народное хозяйство (см. его Lehrbuch d. Politischen Oeconomie. 1876).

Брентано ожидаетъ благихъ послѣдствій *по преимуществу* отъ организаціи рабочихъ союзовъ (см. Das Arbeitsverhaltniss. 1877 г.).

ціализма, заключающагося въ замѣнѣ экономическаго порядка, основаннаго на частномъ капиталѣ и конкурренціи, экономическимъ порядкомъ съ коллективной организаціей труда и распредѣленіемъ продуктовъ по количеству труда каждаго производителя. Только ознакомившись съ этою организаціею, можно ясно понять: *безъ наличности какихъ соціальныхъ условій осуществленіе соціализма дѣлается или невозможнымъ, или противорѣчащимъ развитію культуры, а также—какое значительное время потребуется для образованія этихъ условій.* Только профаны въ соціологіи и мало знакомые съ дѣйствительною жизнію фантазеры могутъ считать возможнымъ осуществленіе въ любое время соціалистическихъ идеаловъ. Къ сожалѣнію, такой взглядъ на соціализмъ, — какъ на систему, выполненіе которой зависитъ только отъ воли правящихъ классовъ, — весьма распространенъ въ западно-европейскихъ рабочихъ классахъ и между полуобразованными агитаторами. Лучшимъ средствомъ борьбы съ этимъ заблужденіемъ, говоритъ Шеффле, есть распространеніе идей научнаго соціализма. Распространеніе этихъ идей онъ считаетъ важнѣйшимъ дѣломъ людей науки. Этимъ только путемъ, а не глумленіемъ надъ соціализмомъ, умышленнымъ искаженіемъ его, толкованіемъ его вкривь и вкось, вслѣдствіе незнакомства съ нимъ, могутъ быть подавлены различныя невѣжественныя и опасныя пристройки къ нему *).

§ 3. Основной экономическій принципъ современнаго соціализма заключается въ организаціи общественнаго производства на базисѣ коллективнаго капитала и въ распредѣленіи продуктовъ по количеству труда каждаго производителя.

Въ настоящее время каждый владѣющій капиталомъ даетъ ему то или другое производительное назначеніе *по своему усмо-*

*) Мы убѣждаемся ежедневно, говоритъ Шеффле, какое безчисленное количество ложныхъ представленій о соціализмѣ существуетъ въ средѣ имущихъ и образованныхъ классовъ и въ прессѣ. Весьма часто приходится слышать и читать, что „соціалистическая система отрицаетъ собственность“, или что она имѣетъ цѣлью „періодическое раздѣленіе имуществъ“, или что она „уничтожаетъ капиталъ“ и т. п. вздоръ; и соціалистическая пресса съ полнымъ правомъ бичуетъ эти ложныя представленія, какъ „плоское невѣжество или умышленное искаженіе“ Публицисты часто съ благороднымъ негодованіемъ доказываютъ „неизмѣримое безуміе“ соціализма, какъ стремящагося къ уничтоженію капитала, не понимая, что, въ этомъ случаѣ, они борятся не съ соціализмомъ, а съ вѣтряными мельницами. Die Quintessenz d. Socialismus. s. I. 18. 20. 56.

трьнію, мотивированному исключительно желаніемъ получить наибольшую прибыль отъ предпріятія. По соціалистической схемѣ, средства производства (капиталъ) составляютъ общественную собственность и устанавливается общественная организація труда, выполняемая въ планомѣрной и солидарной дѣятельности громаднаго числа небольшихъ хозяйственныхъ общинъ. Принципомъ такого общественнаго порядка является уже не частный интересъ лица, ассоціаціи или общины, а сознаніе взаимности интересовъ и взаимной помощи какъ частей цѣлому, такъ и цѣлаго частямъ. Собраніе данныхъ о количествѣ потребностей на каждый родъ предметовъ и приведеніе удовлетворенія потребностей въ соотвѣтствіе съ наличными рабочими силами возлагается на общины и оффиціальныя статистическія учрежденія. Общины свидѣтельствуютъ количество труда, исполненнаго каждымъ изъ членовъ, чѣмъ и опредѣляется сумма продуктовъ, причитающаяся лицу. Вознагражденіе нематеріальнаго труда (судей, общественныхъ агентовъ, учителей, ученыхъ, художниковъ и пр.) опредѣляется обществомъ по принципамъ заслуги и пользы Возможные, особенно въ земледѣльческой промышленности, недостатокъ или излишекъ дѣйствительнаго дохода сравнительно съ нуждами каждаго періода, опредѣляющими планъ производства, уравниваются посредствомъ общественныхъ запасовъ. Съ установленіемъ *коллективнаго владѣнія капиталомъ и общественной организаціи труда* сами собою исчезаютъ: частныя промышленныя предпріятія, классы капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ и всевозможныя ренты. Изъ національнаго продукта одна часть назначается для удовлетворенія государственныхъ нуждъ и вознагражденія общественныхъ агентовъ, другая — для содержанія разныхъ полезныхъ общественныхъ учрежденій и, наконецъ, остающаяся часть распредѣляется между гражданами, по количеству исполненнаго каждымъ изъ нихъ труда.

Очевидно, вся программа соціализма совершенно противорѣчитъ весьма распространенному мнѣнію о немъ, какъ о періодическомъ раздѣлѣ частныхъ имуществъ.

Изложенное представляетъ фундаментъ соціализма. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію примѣненій *основнаго принципа* къ отдѣльнымъ главнымъ категоріямъ народнаго хозяйства: къ по-

требностямъ, производству, обмѣну, кредиту, доходу, потребленію и образованію частнаго имущества.

Первый вопросъ каждой экономической организаціи заключается въ исчисленіи количества и рода потребностей общества. Въ современной частно-хозяйственной системѣ размѣръ требованій, могущихъ быть предъявленными каждымъ отдѣльнымъ лицомъ на продукты общественнаго труда, обусловливается находящейся въ его распоряженіи покупательной силою, распредѣленіе которой опредѣляется различными условіями и совершенно чуждо классификаціи потребностей общества по степени большей или меньшей ихъ настоятельности. Далѣе, производство ведется не на основаніи точнаго знанія спроса на предметы, а въ значительной степени на удачу, что и порождаетъ частыя банкротства. Но, рядомъ съ этими недостатками частно-хозяйственной системы, послѣдняя заключаетъ въ себѣ ту хорошую сторону, что представляетъ полную свободу въ выборѣ предметовъ для удовлетворенія потребностей, разъ только имѣются у лица средства для покупки желаемыхъ имъ предметовъ. Какія бы великія блага ни сулилъ соціализмъ, но если онъ не имѣетъ въ виду или не въ состояніи примѣнить на практикѣ свободное заявленіе и удовлетвореніе потребностей, онъ долженъ отказаться отъ надежды видѣть себя когда-либо осуществленнымъ. Свобода опредѣленія и удовлетворенія своихъ потребностей есть безспорно важнѣйшая сторона свободы вообще. При опредѣленіи потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія *извнѣ,* у каждаго будетъ отнята возможность жить и развиваться сообразно своей индивидуальности. Поэтому одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, съ которымъ мы обращаемся къ соціалистической схемѣ, есть вопросъ о томъ: допускаетъ ли она индивидуальную свободу опредѣленія потребностей?

Уничтоженіе частныхъ промышленныхъ предпріятій и спекулятивной торговли ничуть не имѣетъ своимъ слѣдствіемъ устраненіе свободы опредѣленія потребностей. Общественно-организованное производство можетъ столь же полно осуществить свободу удовлетворенія потребностей, путемъ ежедневнаго, еженедѣльнаго, мѣсячнаго, годоваго и вообще періодическаго собранія статистическихъ свѣдѣній, какъ это осуществляется въ частно-хозяй-

ственной системѣ посредствомъ заявленія каждымъ спроса на рынкѣ. Но здѣсь представляется новый вопросъ:—чѣмъ будетъ ограничено заявляемое лицомъ требованіе на различныя продукты? Изъ изложеннаго мы знаемъ, что въ соціалистической системѣ распредѣленіе продуктовъ національнаго труда между гражданами обусловливается количествомъ исполненнаго каждымъ изъ нихъ рабочаго времени. Но, очевидно, одного этого элемента не достаточно для опредѣленія количества предметовъ, причитающагося на долю каждаго отдѣльнаго лица; необходимо знать еще количество труда, заключающееся въ предметахъ, на которые лицомъ заявлено требованіе. Только при наличности этихъ двухъ данныхъ можно установить равновѣсіе между заявленными требованіями и удовлетвореніемъ ихъ. Слѣдовательно: *первое техническое требованіе для возможности осуществленія соціалистическаго народнаго хозяйства заключается въ опредѣленіи количества труда, заключеннаго въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ, производимомъ національнымъ трудомъ.*

Переходя отъ вопроса объ опредѣленіи потребностей къ организаціи національнаго производства, замѣтимъ, что измѣненіе формъ производства составляетъ центральный пунктъ, опредѣляющій собою всѣ прочія стороны соціалистическаго порядка. Вмѣсто самоопредѣляющагося, въ настоящее время, частнаго капитала выступаетъ общественно-организованное производство, оперирующее коллективнымъ капиталомъ.

Въ современномъ хозяйствѣ организаторомъ производства являются хозяева промышленныхъ предпріятій. Руководясь желаніемъ наибольшей прибыли, они опредѣляютъ количество и родъ предметовъ, долженствующихъ быть произведенными трудомъ народа, устанавливаютъ порядокъ и время работъ на фермѣ, внутри мастерской, фабрики, завода, опредѣляютъ техническіе способы производства предметовъ, слѣдятъ за надлежащимъ выполненіемъ работъ и поставляютъ произведенные предметы на рынки. Съ замѣною частнаго капитала коллективнымъ, организація производства становится дѣломъ цѣлой націи, какъ единственнаго собственника капитала. Естественно возникаетъ вопросъ:—какую программу практическихъ мѣръ проектируемъ соціализмъ для организаціи общественнаго производства?

Такой программы мы не находимъ у соціализма. Соціалистическіе писатели ограничиваются пока критикою существующаго порядка и установленіемъ краеугольныхъ камней новаго соціальнаго строя. И причина, заставляющая ихъ воздержаться отъ разработки положительной программы, весьма понятна Они сознаютъ, что осуществленіе соціалистическаго строя, во всемъ его объемѣ, возможно еще очень не скоро. Должны произойти еще большія измѣненія въ экономической и политической сферахъ, техникѣ, состояніи образованія, понятіяхъ, нравахъ, которыя, по ихъ мнѣнію, подготовятъ почву соціализму. Обсужденіе упомянутой программы можетъ быть основано лишь на тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, которыя будутъ на лицо ко времени перехода къ соціалистическому порядку; опредѣлить же, въ настоящее время, въ требуемыхъ деталяхъ, каковы будутъ эти условія—невозможно; почему и самое обсужденіе программы преждевременно. Соціализмъ находится въ настоящее время еще въ первой стадіи своего практическаго развитія. Послѣдователи его, главнымъ образомъ,—городскіе рабочіе и пройдетъ значительное время пока онъ распространится среди сельскихъ работниковъ.

Наиболѣе глубокій изъ соціалистическихъ писателей, Марксъ, ограничивается лишь указаніемъ на общій ходъ развитія европейскаго общества, идущій, по его мнѣнію, неизбѣжно къ осуществленію соціалистическаго порядка, и на основные принципы этого порядка. Мы уже имѣли случай коснуться воззрѣній Маркса по этому предмету. Здѣсь же будетъ умѣстно привести эти его воззрѣнія болѣе подробно.

Современный крупный капиталъ, говоритъ Марксъ, произошелъ и продолжаетъ увеличиваться черезъ уничтоженіе мелкой ремесленной промышленности и крестьянскаго хозяйства. Эти патріархальныя хозяйственныя формы, исключая сосредоточеніе въ большихъ массахъ орудій производства въ рукахъ отдѣльнаго лица, исключаютъ въ то же время и кооперацію, значительное раздѣленіе труда въ данномъ процессѣ производства, господство надъ природою, словомъ, исключаютъ развитіе общественной производительной силы. Въ этомъ недостаткѣ производительности мелкой промышленности заключается причина, почему на извѣстной ступени общественнаго развитія, она начинаетъ исчезать,

уступая свое мѣсто крупному производству. Уничтоженіе мелкой промышленности, обращеніе индивидуальныхъ и разрозненныхъ средствъ производства въ крупныя, общественно-сосредоточенныя,—эта фактическая, законами конкурренціи порождаемая экспропріація земли и орудій труда у народа образуетъ первоначальную исторію современнаго крупнаго капитала. Коль скоро этотъ процессъ превращенія и въ глубину и въ ширину достаточно разложилъ старое общество, коль скоро прежніе самостоятельные ремесленники и крестьяне превращены въ пролетаріевъ, а ихъ орудія производства въ новѣйшій крупный капиталъ, наступаетъ борьба капиталовъ между собою; крупные капиталы побиваютъ—во второй ступени развитія—мелкіе капиталы. Рука объ руку съ этимъ сосредоточеніемъ капиталовъ развивается *все въ болѣшихъ и большихъ размѣрахъ* внутри частнаго капитала *кооперативная (общественная)* форма труда, сознательное технологическое приложеніе науки, усовершенствованная эксплоатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ прилагаться только сообща и вслѣдствіе всего этого высшее экономизированіе труда. Вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся *относительнымъ* числомъ магнатовъ капитала, которые монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, увеличивается соціальная пропасть между имущими и неимущими классами, усиливаются ощущенія бѣдности, эксплоатаціи, униженія и, какъ слѣдствіе, растутъ ропотъ и протесты рабочаго класса, который постоянно увеличивается и постоянно обучается, *объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства*. Антагонизмъ общественныхъ отношеній, развившихся на капиталистической почвѣ, достигаетъ крайняго напряженія. Сосредоточеніе средствъ производства и *кооперативная* организація труда достигаютъ такихъ крупныхъ размѣровъ, что они не могутъ далѣе выносить свои капиталистическую оболочку. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Реализуются новыя основанія соціальнаго строя. Капиталистическій процессъ производства и присвоенія есть отрицаніе частной собственности, основанной на трудѣ. Отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ же самимъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса. Снова возстанавливается собственность на

принципъ труда, но уже на основаніи пріобрѣтеній капиталистической эры, именно на основаніи кооперацiи свободныхъ работниковъ и ихъ общиннаго владѣнія землею и средствами производства, произведенными самими работниками*).

Предсказать въ настоящее время, говоритъ Дюрингъ, всю обстановку и обстоятельства, при какихъ совершится преобразованіе хозяйственныхъ формъ, соціальная наука не можетъ по самой природѣ изслѣдуемыхъ ею фактовъ. Истиннымъ остается только то основное положеніе, что подобное состояніе дѣлъ можетъ наступить не ранѣе того времени, когда вмѣсто современнаго господства капитала надъ трудомъ послѣдній поставитъ капиталъ подъ свое распоряженіе и декретируетъ условія перехода къ новымъ хозяйственнымъ формамъ. Въ какое положеніе будетъ поставленъ въ переходное время прежній классъ капиталистовъ, въ настоящее время усмотрѣть невозможно; но, очевидно, это будетъ зависѣть отъ характера борьбы, предшествующей переходному времени. Юго-американскіе рабовладѣльцы не получили никакого вознагражденія при уничтоженіи ихъ права собственности на людей. Побѣдившій коллективизмъ, уже по природѣ совершаемаго имъ дѣла, долженъ поступить иначе, нежели американскій союзъ, ибо основный принципъ, который онъ несетъ съ собою, состоитъ въ обезпеченіи всесторонняго существованія каждаго члена общества; а потому, въ переходное время, онъ долженъ будетъ принять во вниманіе многія традиціонныя особенности класса землевладѣльцевъ и капиталистовъ и ради гуманности сдѣлать для нихъ временныя уступки**).

Вопросъ о *правѣ* перехода къ новому порядку вещей не представляетъ для соціалистическихъ писателей ни малѣйшаго сомнѣнія. Они говорятъ:—Буржуа *имѣетъ право на то, что онъ пріобрѣлъ при существующемъ капиталистическомъ промышленномъ строѣ, и пріобрѣтенное будетъ въ той или другой формѣ цѣнности сохранено за нимъ, какъ фондъ для потребленія;* но странно было бы съ его стороны предъявлять притязаніе на сохраненіе на вѣчныя времена выгодныхъ для него и убыточныхъ для народа промышленныхъ формъ. Реали-

*) Капиталъ, стр. 648- 650.

**) Cursus d. National-und Socialoeconomie. s. 381. 1873

зація новаго соціальнаго строя совершится въ силу исторической необходимости и съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ буржуазія уничтожила феодальный строй и провозгласила новыя права личности и народа.

Вернемся къ вопросу о важнѣйшихъ чертахъ соціалистическаго идеала народнаго хозяйства, вытекающихъ какъ логическіе результаты изъ принципа коллективнаго капитала и распредѣленія продуктовъ по количеству труда *).

Соціалистическое государство должно представить собою федерацію общинъ различныхъ размѣровъ, автономныя права коихъ должны быть сгармонированы съ общими интересами государственной жизни. Каждая община владѣетъ самостоятельно, въ размѣрѣ ея автономныхъ правъ, частью національнаго капитала и удовлетворяетъ *непосредственно большую часть своихъ потребностей*.

Переходъ изъ одной общины въ другую въ принципѣ объявляется свободнымъ и ограниченія этого перехода, если таковыя окажутся нужными, опредѣляются общими законами государства.

Такое представленіе соціализмомъ строя будущаго государства находится въ самой тѣснѣйшей, даже болѣе, въ безусловно-необходимой связи съ его экономическою схемою. Только при широкой политической и экономической автономіи общинъ возможно осуществленіе основнаго соціалистическаго принципа. Никакой центральный органъ не въ состояніи выполнить громадную задачу управленія національнымъ хозяйствомъ, не говоря уже о томъ, что, при управленіи національнымъ хозяйствомъ, *изъ центра*, общественная жизнь приняла бы казарменный характеръ въ полномъ значеніи этого слова. На сколько, при такомъ руководительствѣ, нарушена была бы личная свобода, видно уже изъ одного того, что правительству пришлось бы опредѣлять для каждаго мѣсто жительства, родъ труда, переходы съ одного мѣста въ другое, перемѣны въ промышленныхъ занятіяхъ и т. п. И потому, если соціализмъ можетъ когда либо осуществиться, то лишь только при широ-

*) О примѣненіи основныхъ принциповъ соціализма къ различнымъ хозяйственнымъ категоріямъ см. кн. Шеффле—Die Quintessenz d. Socialismus. 1878.

комъ проведеніи въ жизнь федеративнаго начала. Отсюда само собою слѣдуетъ, что, *прежде реализаціи въ сколько-нибудь значительномъ объемѣ соціалистической схемы, необходимо организовать автономныя хозяйственныя общины, которыя непосредственнымъ трудомъ удовлетворяли бы значительнѣйшую часть своихъ потребностей.* Въ такой организаціи необходимо соединить въ общинѣ земледѣліе съ промышленностію обработывающею, которыя производили бы большую часть нужныхъ для членовъ общины предметовъ. Отсюда видно, *какое продолжительное время потребуется для выполненія подготовительныхъ мѣръ, въ направленіи децентрализаціи народнаго хозяйства, къ осуществленію соціалистической схемы.* Въ виду этого сами соціалистическіе писатели, какъ мы уже говорили, признаютъ необходимость переходнаго времени, въ теченіи котораго принципы коллективизма, осуществляясь постепенно, дѣйствовали бы рядомъ съ системою конкурренціонныхъ, индивидуальныхъ хозяйствъ.

Нельзя не согласиться, что устроенныя вышеуказаннымъ образомъ общины были бы въ состояніи, безъ затрудненій, исчислить роды и количества предметовъ, требуемыхъ индивидуальными потребностями членовъ, опредѣлить количество рабочей силы, нужной для производства различныхъ продуктовъ, и установить равновѣсіе между этими двумя *факторами*. Самая организація труда, будучи свободнымъ рѣшеніемъ воли общины, не представила бы такихъ затрудненій, которыя нельзя было бы преодолѣть иначе какъ нарушивъ индивидуальность и чувство справедливости членовъ *). Истину говоритъ Милль, что соціализмъ, какъ общественная система, существуетъ пока только въ идеѣ, что для насъ теперь гораздо виднѣе его затрудненія, чѣмъ его средства къ ихъ устраненію, и что человѣческій умъ только начинаетъ придумывать способы организовать его въ подробностяхъ такъ, чтобы побѣдить затрудненія и извлечь наибольшую выгоду изъ представляемыхъ имъ средствъ **). Далѣе, весьма важно не упускать изъ виду, что эти затрудненія бу-

*) См. описаніе американскихъ общинъ въ соч. Нордгофа. Communistic Societies of the United States. 1875.

**) Основ Пол. Эк. Т. I, стр. 254.

дутъ болѣе и болѣе уменьшаться по мѣрѣ замѣны ремесленнаго и вообще ручнаго труда машиннымъ трудомъ. *Машины уравниваютъ обстановку работъ и требуютъ столь ничтожной технической подготовки, что перемѣна занятій становится дѣломъ удобовыполнимымъ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ соціалистическая система устраняетъ наемную домашнюю прислугу, то можно надѣяться, что совершатся самыя капитальныя реформы въ области домашней кухни, чистки бѣлья, освѣщенія, отопленія. Исполненіе работъ, лежащихъ въ настоящее время на домашней прислугѣ, должно облегчиться частію чрезъ химическія и механическія изобрѣтенія, частью чрезъ различныя ассоціаціонныя учрежденія. Эта область труда, вслѣдствіе дешевизны домашней прислуги, почти не тронута новѣйшимъ техническимъ прогрессомъ и соціализмъ считаетъ своею важнѣйшею задачею произвести въ ней существенныя усовершенствованія

Съ точки зрѣнія современныхъ правовъ и привычекъ организація труда представляетъ соціализму самую трудную задачу. Здѣсь ему нужно преодолѣть наибольшее число затрудненій. Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о весьма распространенномъ мнѣніи, видящемъ слабую сторону соціалистической системы въ недостаточности заключающихся въ ней мотивовъ къ производительности труда. Указываютъ на малую успѣшность современныхъ правительственныхъ промышленныхъ предпріятій и утверждаютъ, что такая нехозяйственность станетъ общимъ фактомъ при соціалистической организаціи народнаго хозяйства. Это возраженіе предполагаетъ, что добросовѣстный и успѣшный трудъ можетъ получаться лишь отъ людей, которые сами лично пользуются плодами своихъ усилій, и если, въ настоящее время, работники не заинтересованы въ результатахъ своего труда, то за ними наблюдаютъ, ихъ трудомъ управляютъ люди, имѣющіе личный интересъ. Но на это возраженіе соціалисты справедливо замѣчаютъ, что правительственныя промышленныя предпріятія и промышленныя предпріятія въ соціалистической организаціи не имѣютъ въ отношеніи мотивовъ производительности труда ничего общаго. Управляющіе и рабочіе на государственныхъ фабрикахъ не имѣютъ, конечно, никакого частнаго интереса производить наиболѣе хозяйственнымъ образомъ. Они получаютъ отъ государ-

ства жалованье и совершенно не заинтересованы въ результатахъ труда. Совершенно другое въ соціалистической организаціи, *гдѣ каждый получитъ тѣмъ болѣе дохода, чѣмъ успѣшнѣе будутъ работать онъ самъ и его товарищи.* Если въ настоящее время за рабочими наблюдаетъ хозяинъ промышленнаго предпріятія, то на соціалистической фермѣ или фабрикѣ каждый работникъ трудится подъ контролемъ не одного хозяина, а всѣхъ членовъ ассоціаціи. И потому несомнѣнно, соціалистическій трудъ былъ бы несравненно производительнѣе современнаго наемнаго труда, который вовсе не имѣетъ личнаго интереса въ результатахъ труда и контроль надъ которымъ не можетъ быть такъ непрерывенъ и вліятеленъ, какъ контроль взаимно заинтересованныхъ сотрудниковъ. Далѣе, нельзя не вспомнить глубокаго замѣчанія Милля по поводу разбираемаго имъ вопроса о сравнительной производительности нынѣшняго наемнаго труда и труда общиннаго *). «Если коммунистическій трудъ, говоритъ Милль, и былъ бы менѣе энергиченъ, чѣмъ трудъ поселянина-собственника, или ремесленника, работающаго на свой собственный счетъ, то, вѣроятно, онъ былъ бы энергичнѣе, чѣмъ трудъ наемнаго работника. При нынѣшнемъ положеніи общества самый яркій фактъ составляетъ небрежность невоспитанныхъ классовъ наемныхъ работниковъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей. А по коммунистическому плану предполагается, что непремѣнно всѣ должны получать воспитаніе; при этомъ же условіи члены ассоціаціи несомнѣнно будутъ исполнять свои обязанности столь же прилежно, какъ исполняются онѣ большинствомъ наемныхъ служащихъ средняго и высшаго сословія; а эти служащіе не имѣютъ такой репутаціи, будто бы они становятся недобросовѣстными отъ того, что, пока не удалены отъ службы, получаютъ одинаковое опредѣленное жалованье, какъ бы небрежно не исполняли свою обязанность. Конечно, говоря вообще, вознагражденіе посредствомъ опредѣленнаго жалованья не развиваетъ ни въ какомъ классѣ служащихъ усердія до наивысшей возможной степени, и развѣ только это, а никакъ не больше, можно

*) Замѣтимъ, что коммунистическая организація, въ которой продукты дѣлятся по-ровну, уступаетъ, по силѣ возбужденія къ труду, соціалистической организаціи, гдѣ доходъ каждаго опредѣляется исполненнымъ имъ трудомъ.

сказать противъ общиннаго труда. Но можно ли сказать, что онъ непремѣнно будетъ подверженъ хотя этому недостатку? Это вовсе не такъ несомнѣнно, какъ полагаютъ люди, мало привыкшіе думать о положеніяхъ дѣлъ, различныхъ отъ привычнаго имъ порядка. Люди способны проникаться общественнымъ духомъ гораздо въ большей степени, чѣмъ привыкли предполагать въ нынѣшнее время. Исторія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, съ которымъ многочисленныя человѣческія общества могутъ привыкать къ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственною. Общинная ассоціація была бы самою выгодною почвою для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе, вся физическая и умственная дѣятельность, которыя теперь заняты заботами о частныхъ личныхъ выгодахъ, стали бы искать тогда занятія въ другой сферѣ и естественно нашли бы его въ заботахъ объ общей пользѣ ассоціаціи. При общинности гражданинъ былъ бы связанъ съ общиною тою же самою причиною, которой такъ часто объясняли преданность католическаго священника или монаха интересамъ его сословія; онъ не имѣлъ бы интересовъ, различныхъ отъ общаго интереса. Независимо отъ сочувствія общей пользѣ, каждый членъ ассоціаціи подчинялся бы вліянію самаго всеобщаго и едва ли не самаго сильнаго изъ личныхъ побужденій — вліянію общественнаго мнѣнія. Никто не станетъ оспаривать, что это побужденіе съ очень большою силою удерживаетъ насъ отъ поступковъ, положительно порицаемыхъ обществомъ. Соревнованіе также возбуждаетъ къ самымъ энергическимъ усиліямъ для пріобрѣтенія похвалы и удивленія другихъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ люди публично состязаются между собою, хотя бы даже предметъ состязанія былъ пустъ и безполезенъ для общества. Соціалисты вовсе не отвергаютъ соперничества, состоящаго въ состязаніи о томъ, кто сдѣлаетъ больше для общаго блага. Такимъ образомъ, много ли уменьшилась бы общинностію энергія труда, да и подверглась ли бы она какому-нибудь уменьшенію въ общей сложности,—этотъ вопросъ долженъ считаться еще неразрѣшеннымъ въ настоящее время *).»

---

*) Основ. Пол. Эк. Т. 1. стр. 253.

Принципъ соціализма противорѣчитъ не только частной собственности на *орудія производства*, но также всякому частному владѣнію, служащему источникомъ дохода, то есть всему современному *процентному кредиту, найму, арендамъ*.

Что въ соціалистической организаціи нѣтъ мѣста частному кредиту, вызываемому потребностями производства, это само собою слѣдуетъ изъ установленія коллективнаго капитала, устраняющаго условія для возникновенія частныхъ предпріятій. Что же касается потребительнаго кредита и отдачи предметовъ въ временное пользованіе, то эти услуги могутъ совершаться лишь безвозмездно, ибо всякое вознагражденіе за нихъ, какъ противорѣчащее нравственнымъ понятіямъ соціализма, признающимъ трудъ единственно правильнымъ источникомъ дохода, будетъ воспрещено закономъ и преслѣдоваться общественнымъ мнѣніемъ. Государственный кредитъ также исчезаетъ, такъ какъ выполненіе всѣхъ потребностей государства войдетъ въ общественную организацію труда и распредѣленія.

Организація торговли, обусловливаемая всегда данными порядками производства и распредѣленія, естественно должна принять въ соціалистическомъ народномъ хозяйствѣ иныя, сравнительно съ настоящимъ, формы. Изъ самаго устройства самостоятельныхъ общинныхъ хозяйствъ вытекаетъ, что торговля, какъ совершенно отдѣльная, обособленная операція, значительно уменьшится въ размѣрахъ; *поле дѣятельности ея будетъ самое тѣсное*. И это потому, что мѣновыя отношенія между сосѣдними общинами будутъ входить въ кругъ дѣятельности этихъ общинъ. Въ то же время серія общинъ извѣстнаго района будетъ производить для себя почти всѣ предметы потребленія. Торговля, какъ обособленная операція, станетъ необходимою только для снабженія общинъ тѣми предметами, которые, по климатическимъ или другимъ естественнымъ причинамъ, добываются лишь въ извѣстной странѣ или мѣстности. Для выполненія торговли, какъ обособленной операціи, предполагается учрежденіе центральнаго Бюро, которое будетъ получать отъ каждой общины свѣденія о родѣ и количествѣ продуктовъ торговли, въ которыхъ она нуждается; далѣе будутъ собраны данныя о количествѣ добытыхъ предметовъ торговли и установленъ реестръ эквивалентовъ для

обмѣнивающихся продуктовъ. Дальнѣйшія обязанности Бюро заключаются: въ распредѣленіи между общинами требуемыхъ ими предметовъ, въ отправкѣ ихъ съ мѣста добыванія или пункта привоза изъ за-границы въ общины, и въ полученіи съ послѣднихъ слѣдуемаго за предметы эквивалента для передачи его по принадлежности. Самая же транспортировка предметовъ торговли можетъ быть исполняема точно также, какъ исполняютъ нынѣ почтовыя учрежденія транспортировку писемъ и посылокъ. И тѣ же хозяйственныя выгоды, какія извлекаются нынѣ отъ учрежденій государственной почты, вмѣсто частной, получатся отъ замѣны массы частныхъ торговцевъ и служащихъ у нихъ людей общественно-организованною торговлею, которая потребуетъ несравненно меньшее число людей и помѣщеній. Дѣятельность лицъ, выполняющихъ торговыя операціи, будетъ имѣть значеніе общественной службы.

Установленіемъ коллективной собственности на *пути сообщенія*, что̀ имѣетъ, въ значительной степени, мѣсто уже и въ настоящее время, не устраняется возможность свободнаго пользованія ими для приватныхъ цѣлей, какъ напримѣръ, путешествій, отправки посылокъ и т. п. Каждый можетъ осуществить это, уплачивая изъ своего трудоваго дохода опредѣленное вознагражденіе за пользованіе государственною собственностью для своего частнаго интереса.

Изъ проектируемыхъ соціализмомъ организаціи производства, обмѣна, торговли и опредѣленія цѣнности предметовъ и личныхъ услугъ, само собою вытекаетъ, что въ соціалистическомъ государствѣ нѣтъ мѣста деньгамъ. Единственное поле ихъ дѣятельности сохранится лишь въ торговыхъ отношеніяхъ съ государствами, гдѣ народное хозяйство зиждется на принципѣ частной собственности на орудія производства.

Въ настоящее время деньги выполняютъ двѣ главныя функціи. Онѣ служатъ *общею мѣрою* цѣнности всѣхъ предметовъ, *универсальнымъ эквивалентомъ* и, какъ слѣдствіе изъ этого,— *общимъ платежнымъ средствомъ*.

По соціалистической схемѣ, мѣрою цѣнности каждаго предмета является *среднее количество труда*, необходимое для его производства. Установленіе цѣнности предметовъ по количеству

заключающагося въ нихъ средняго труда, или, какъ формулируетъ Марксъ, по *общественно-необходимому рабочему времени,* требуемому для ихъ созданія, составляетъ и теоритически и практически краеугольный камень соціализма. Поэтому разсмотримъ подробнѣе эту идею. Коренная причина, порождающая цѣнность предмета, заключается въ необходимости приложить трудъ на его созданіе. Самые необходимѣйшіе предметы, какъ напримѣръ. свѣтъ, солнечная теплота, воздухъ, вода, не требующіе для полученія ихъ труда, не имѣютъ никакой экономической цѣнности. Естественный фактъ, по которому трудъ служитъ причиною цѣнности, есть источникъ происхожденія современнаго правоваго понятія, видящаго въ количествѣ труда самый общій и справедливый критеріумъ для опредѣленія какъ цѣнности предметовъ, такъ и распредѣленія ихъ. Но въ современномъ капиталистическомъ народномъ хозяйствѣ цѣнность предметовъ и распредѣленіе ихъ не находятся въ соотвѣтствіи съ количествомъ труда. И это потому, что на цѣнность предметовъ, рядомъ съ трудомъ, оказываютъ значительное вліяніе процентъ и прибыль на капиталъ, а вознагражденіе за трудъ опредѣляется почти исключительно степенью фактическаго господства капитала надъ трудомъ. Съ устраненіемъ же частной собственности на орудія производства, становится возможнымъ дать труду значеніе исключительнаго мѣрила цѣнностей и вознагражденія. Но трудъ бываетъ болѣе и менѣе энергичный. Далѣе, могутъ быть различны и орудія производства, которыми созданы предметы одного и того же рода. А потому одинаковые предметы могутъ быть результатомъ различныхъ количествъ труда. Отсюда является необходимость опредѣлить *средній, нормальный* для даннаго общества трудъ и *общеупотребительные*, въ данное время, въ данномъ обществѣ, техническіе способы и орудія производства. Количество этого средняго труда, пользующагося общеупотребительными техническими способами и орудіями производства, необходимое для созданія того или другого предмета, и есть, по ученію соціалистовъ, то «*общественно-необходимое рабочее время*», которое должно опредѣлять цѣнность предметовъ и размѣръ вознагражденія работниковъ. Такъ, напримѣръ, если для производства 1,000 четвертей пшеницы требуется 9,000 нор-

мальныхъ рабочихъ дней, то каждая четверть будетъ служить эквивалентомъ всѣхъ предметовъ, требующихъ для своего созданія 9 рабочихъ дней.

Такимъ образомъ, трудъ, получая въ соціалистической схемѣ значеніе универсальнаго измѣрителя цѣнностей, тѣмъ самымъ становится и общимъ платежнымъ средствомъ; а слѣдовательно замѣщается и вторая функція денегъ.

Шеффле, разбирая этотъ пунктъ соціалистическаго ученія, полагаетъ, что соціалистическому строю, въ интересѣ возможно бо́льшей свободы выбора занятій, необходимо дополнить указанную нами организацію измѣренія цѣнностей и вознагражденія элементомъ спроса и предложенія *).

Предшествующее изложеніе показываетъ, что, въ отношеніи организаціи производства, опредѣленія цѣнностей предметовъ и обмѣна, соціалистическая организація не имѣетъ ничего общаго, какъ по существу, такъ и по вытекающимъ изъ нея слѣдствіямъ, съ современною частно-хозяйственною системою. Спекулятивный частный капиталъ, конкурренція, рынокъ и биржа, рыночныя цѣны и курсъ, современная торговля, деньги, процентный кредитъ, наемъ, аренды, равно какъ всѣ настоящія формы частныхъ доходовъ (рабочая плата, прибыль, процентъ, земельная и домовая ренты), — всѣ эти характеристическія черты новѣйшаго народнаго хозяйства несовмѣстимы съ соціалистическимъ принципомъ производства и обмѣна цѣнностей и, по убѣжденію соціалистовъ, должны постепенно исчезнуть въ качествѣ «*побѣжденныхъ историческихъ категорій*». Соціалистическій строй представляетъ совершенно новый соціальный міръ, который, какъ справедливо замѣчаетъ Шеффле, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, не легко даже и представить себѣ. Коллективное производство въ большихъ размѣрахъ съ глубокимъ техническимъ раздѣленіемъ труда было бы единственное, что́ изъ настоящаго порядка перешло бы въ соціалистическій строй, какъ зрѣлый плодъ развитаго «капитализма», и даже должно было бы обнять собою всѣ отрасли труда и получить, такимъ образомъ, всеобщее примѣненіе.

---

*) См Die Quintes. d Socialism S. 47 u. W.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о потребленіи цѣнностей въ соціалистической организаціи.

Выше было уже нѣсколько разъ указано, что соціалистическій строй обусловливаетъ всѣ частные доходы исключительно трудомъ. Распредѣленіе продуктовъ совершается какъ ликвидація сертификатовъ объ исполненномъ трудѣ. За вычетомъ изъ частнаго дохода извѣстной доли на государственныя и общественныя нужды, остальной части дохода лицо можетъ дать слѣдующія назначенія:

1) потребленіе на себя,

2) сбереженіе (накопленіе имущества),

3) отдача другому съ условіемъ возвращенія и

4) подарокъ частному лицу или пожертвованіе на общественныя цѣли.

Касательно свободы выбора предметовъ для индивидуальнаго потребленія мы уже говорили, что соціалистическая схема ничуть не препятствуетъ организаціи производства, соотвѣтствующей свободному опредѣленію гражданами своихъ потребностей.

Накопленіе частной собственности путемъ сбереженій вполнѣ совмѣстно съ принципомъ соціализма. Мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство въ виду весьма распространеннаго мнѣнія, что соціализмъ отвергаетъ частную собственность. Соціалитическая схема не допускаетъ частной собственности на капиталъ (землю, машины, инструменты, промышленныя зданія, рабочій скотъ и т. д.), но безъ всякихъ ограниченій признаетъ частную собственность на всякое имущество, не имѣющее значенія орудія производства. Шеффле, по поводу распространеннаго невѣрнаго представленія объ отношеніи соціализма къ частной собственности, замѣчаетъ, что пора поближе ознакомиться съ соціалистическимъ ученіемъ, хотя бы уже для того, чтобы отнять у коноводовъ соціалъ-демократіи возможность пользоваться въ своихъ интересахъ этимъ невѣжествомъ общества и прессы и разжигать злобу массъ, представляя имъ ложные взгляды прессы на соціализмъ, какъ инсинуацію, умышленное извращеніе теоріи, съ цѣлью смѣшать ее съ каннибальствомъ и тѣмъ запугать общество. Въ равной степени невѣрно, продолжаетъ Шеффле, что принципъ коллективной собственности есть вообще что либо *но-*

вое, чуждое существующему праву; ибо всѣ юридическія лица, начиная отъ государства, церкви, общины и кончая семействомъ, представляютъ обширную область коллективнаго владѣнія. Вопросъ единственно заключается въ томъ—должны ли средства производства вѣчно оставаться въ частной собственности? И какъ бы его не рѣшали, во всякомъ случаѣ очевидно, что въ поставленномъ вопросѣ дѣло не идетъ ни объ отрицаніи частной собственности вообще, какъ правоваго института, ни объ отрицаніи ея для обширной области предметовъ. Если, не смотря на точно поставленный вопросъ, соціализму приписываютъ вещи, которыхъ онъ самъ чуждается, если подъ соціализмомъ понимаютъ періодически возобновляющійся *«передѣлъ имуществъ»*, *«уничтоженіе собственности, капитала»*, тогда исчезаетъ всякая возможность сознательнаго обсужденія его и результатомъ является лишь возбужденіе страстей. Такое отношеніе къ вопросу и грустно и опасно. Въ прямомъ интересѣ имущихъ классовъ уяснить себѣ истинную сущность принципа коллективизма и не смѣшивать его съ различными безсвязными пристройками къ нему *).

Также и отрицаніе права наслѣдства никоимъ образомъ не есть логическое слѣдствіе соціалистическаго принципа. Сознательные сторонники этого принципа могутъ съ полнымъ основаніемъ обратиться къ неистовымъ крикунамъ, желающимъ уничтожить наслѣдство съ словами: «Боже, избавь меня отъ моихъ друзей!» Принципъ коллективизма столь же совмѣстенъ съ правомъ наслѣдства, какъ и съ институтомъ частной собственности. Правда, съ устраненіемъ частной собственности на капиталъ и всякаго рода ренты, размѣры наслѣдства сдѣлались бы весьма скромны, а слѣдовательно, *наслѣдственное право не могло бы породить значительныя имущественныя неравенства.*

Возможность и свобода подарковъ и пожертвованій на общественныя цѣли, въ пользу различныхъ общественныхъ союзовъ не находятся ни въ какомъ противорѣчіи съ соціалистическою организаціею. «Устройство на частныя средства, говоритъ Шеффле, обществъ, клубовъ, свободное преслѣдованіе гу-

*) Ibid. S. 62.

манныхъ, научныхъ, религіозныхъ цѣлей, гостепріимство могутъ вполнѣ удобно осуществиться въ соціалистическомъ строѣ» *).

Такова сущность важнѣйшихъ экономическихъ категорій, вытекающихъ изъ соціалистическаго принципа. Въ заключеніе два слова объ отношеніи соціализма къ семьѣ и религіи.

Научный соціализмъ не имѣетъ ничего общаго съ нелѣпыми ученіями о неорганизованномъ общеніи половъ. Онъ не только не требуетъ уничтоженія замкнутой семейной жизни, а стремится возвысить ее чрезъ устраненіе имущественныхъ мотивовъ къ браку и установленіе равномѣрности образованія обоихъ половъ.

Хотя соціалъ-демократія оффиціально объявляетъ религію дѣломъ совѣсти каждаго, но многіе ея органы проповѣдуютъ на различныя варіаціи ученіе: «нѣтъ загробнаго міра, напрягайте всѣ ваши силы и страсти на достиженіе матеріальнаго благосостоянія въ этомъ мірѣ». Очевидно это ученіе не находится ни въ малѣйшей связи съ соціалистическимъ принципомъ; лучшимъ доказательствомъ тому служитъ существованіе въ Германіи «*клерикальнаго соціализма*». Далѣе, не лишнее будетъ замѣтить, что, уже не говоря о безумномъ и фактически неосуществимомъ желаніи нѣкоторыхъ соціалъ-демократическихъ органовъ отмѣны религіи посредствомъ клочка бумаги, по примѣру первой французской революціи—такая отмѣна была бы самымъ грубымъ насиліемъ надъ свободою личности, ради которой выступаетъ соціализмъ,—но и самое распространеніе анти-религіозныхъ идей среди неразвитой массы не можетъ принести хорошіе плоды ни для кого, а тѣмъ менѣе для соціализма. Къ счастью, проповѣдь анти-религіозныхъ идей, равно какъ и пропаганда агитаторскимъ, карикатурнымъ соціализмомъ многихъ другихъ *анти-культурныхъ* ученій—какъ, напримѣръ, установленіе соціалистическаго строя *разомъ во всемъ его объемѣ* и *при любыхъ соціальныхъ условіяхъ,* пренебреженіе къ искусству, отвлеченной наукѣ—суть только безсвязныя пристройки къ научному соціализму; и въ интересѣ сознательныхъ соціалистовъ бороться противъ этихъ пристроекъ и тѣмъ способствовать уясненію и покойному обсуж-

*) Ibid. S. 57.

денію основныхъ принциповъ соціализма. Для покойнаго обсужденія принциповъ соціализма важно никогда не упускать изъ виду, что «*соціалъ-демократія*» есть политическая партія, а *соціализмъ*—научная теорія, выводящая изъ фактовъ *прошлаго* и *настоящаго* главныя черты общественнаго строя, къ которому, по ея мнѣнію, идетъ европейское общество. Соціализмъ не отвѣчаетъ за всѣ нелѣпости соціалъ-демократіи. И самая цѣлесообразная борьба съ этими нелѣпостями, это—распространеніе доктринъ научнаго соціализма.

ГЛАВА IV.

Руководящіе принципы реалистической школы для организаціи народнаго хозяйства

Изъ предшествующаго изложенія мы видѣли, что свободно-конкурренціонная система народнаго хозяйства и соціалистическая организація не имѣютъ между собою ничего общаго. Первая ограничиваетъ общественное хозяйство исключительно защитою права и охраненіемъ безопасности, удовлетвореніе же всѣхъ другихъ потребностей выполняется въ этой системѣ отдѣльными частными хозяйствами, соединенными только рынкомъ; вторая, напротивъ, совершенно устраняетъ частныя промышленныя хозяйства и замѣняетъ ихъ общественнымъ хозяйствомъ.

Реалистическая школа занимаетъ среднее мѣсто между этими двумя системами. По ученію этой школы, организація народнаго хозяйства, при современныхъ техническихъ условіяхъ, нравахъ и понятіяхъ, должна покоиться на трехъ различныхъ принципахъ, которые ведутъ къ тремъ различнымъ хозяйственнымъ системамъ, связаннымъ между собою единствомъ цѣли. Эти системы суть: *частно-хозяйственная*, составляющая до сихъ поръ почти единственное содержаніе курсовъ политической экономіи, *общественная и благотворительная* *). Частно-хозяйственная система, руководящаяся въ созданіи и распредѣленіи цѣнностей личнымъ интересомъ, возможно большею прибылью отъ занятія, не га-

*) Lehrb d. Polit. Oecon. берлинскаго профессора А. Вагнера, Gesellsch. System d menschlichen Wirthsch. и Bau und Leben Шеффле представляютъ пока единственныя попытки систематической разработки вопроса объ организаціи народнаго хозяйства по принципамъ реалистической школы.

рантируетъ удовлетворенія самыхъ существенныхъ потребностей индивида и общества, а потому *во всѣхъ такихъ случаяхъ должно выступить общественное хозяйство.* Сверхъ того, созданіе и распредѣленіе тѣхъ цѣнностей, которыя, при настоящихъ условіяхъ, удобнѣе оставить за частно-хозяйственною системою, выполняются этою системою далеко не въ достаточномъ соотвѣтствіи съ общественными интересами, а потому является необходимость *регулированія ея государственною властью.* Далѣе, даже при самой лучшей, вполнѣ отвѣчающей требованіямъ времени и мѣста, комбинаціи системъ частнаго и общественнаго хозяйствъ, нельзя обойтись безъ дополненій ихъ благотворительною хозяйственною системою. Благотворительная система, проявляющаяся въ различнаго рода гуманитарныхъ учрежденіяхъ, представляется въ настоящее время необходимостью для облегченія недостатковъ и пополненія пробѣловъ частно-хозяйственной системы.

Объемъ и характеръ частно-хозяйственной системы, въ каждое данное время, опредѣляется юридическими нормами. Эти юридическія нормы не представляютъ собою чего либо абсолютнаго, неизмѣннаго; напротивъ, онѣ постоянно измѣняются въ исторіи. Абсолютность организаціи народнаго хозяйства на базисѣ свободной конкурренціи можно было защищать лишь въ предположеніи совершенства этой организаціи. Но какъ только это предположеніе оказалось ложнымъ, жизнь продолжаетъ стремиться къ реализаціи болѣе удобнаго, болѣе гармоническаго порядка вещей. Важнѣйшіе историческіе и современные моменты развитія юридическихъ нормъ, опредѣлявшихъ и опредѣляющихъ теперь характеръ какъ народнаго хозяйства вообще, такъ и частно-хозяйственной системы въ отдѣльности суть слѣдующіе:

1) Юридическія нормы о личномъ состояніи. Въ этомъ отношеніи особенно различаются, какъ руководящіе моменты: рабство, крѣпостное состояніе, ленныя отношенія, личная свобода и равенство правъ для всѣхъ индивидовъ.

2) Юридическія нормы въ отношеніи собственности на хозяйственныя цѣнности. Руководящими моментами здѣсь являются: собственность на людей, на рабочую силу человѣка, на извѣстныя дѣйствія человѣка; различія между недвижимыми и дви-

жимыми имуществами; для послѣднихъ, — между имуществами для потребленія и капиталомъ. Далѣе по отношенію къ земельной собственности:—существуетъ ли общественная собственность на землю, или только частная, или совмѣстно та и другая, частная земельная собственность является или ограниченною, какъ это было всюду на раннихъ ступеняхъ развитія народной жизни, или устанавливается *мобилизація* земельной собственности, какъ это совершилось вполнѣ или въ значительной степени въ новѣйшемъ народномъ хозяйствѣ европейскихъ государствъ; далѣе, въ правѣ собственности на землю дѣлаются различія между лѣсами, рудами, полевою землею, водяною поверхностью, дорогами, рыбными ловлями и пр. По отношенію къ частной собственности на капиталы весьма важное значеніе для народнаго хозяйства имѣетъ:—существуютъ ли и именно какія ограниченія свободнаго распоряженія ими чрезъ установленіе, напримѣръ, таксъ, опредѣляющихъ: заработную плату, процентъ, цѣны товаровъ;—чрезъ регулированіе отношеній хозяевъ къ рабочимъ, какое господствовало въ средніе вѣка и начинаетъ вступать въ жизнь въ настоящее время и т. д.; или же собственность на капиталы приравнена къ собственности на потребительныя имущества и потому является безграничною, что, *въ общемъ*, имѣетъ мѣсто въ новѣйшемъ хозяйствѣ. Наконецъ, различія въ законахъ о наслѣдствѣ представляютъ одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ развитія имущественнаго права и оказываютъ громадное вліяніе на ходъ народнаго хозяйства.

Вопіющія вредныя слѣдствія новѣйшей частно-хозяйственной системы, вытекающія изъ проведенія въ законодательство принципа неограниченной частной собственности почти на всѣ роды хозяйственныхъ цѣнностей и изъ устраненія государства отъ вмѣшательства въ народное хозяйство, дѣлаютъ необходимымъ, во-первыхъ, ограниченіе области частно-хозяйственной системы общественно-хозяйственною системою и, во-вторыхъ, регулированіе ея государствомъ.

Общественныя хозяйства, по условіямъ ихъ происхожденія, распадаются на два класса: на *добровольныя* и *принудительныя* общественныя хозяйства. Первыя представляютъ свободное соединеніе частныхъ хозяйствъ для достиженія какой либо цѣли

и дѣйствуютъ на основаніи договора. Причиною происхожденія ихъ служитъ мотивъ выгоды, слѣдовательно они, какъ и частныя хозяйства, зиждутся *на личномъ интересѣ;* но здѣсь личный интересъ каждаго члена *солидаренъ* съ интересами всѣхъ прочихъ членовъ общественнаго хозяйства. Цѣли, дѣятельность и соціальное значеніе добровольныхъ общественныхъ хозяйствъ весьма разнообразны. Важнѣйшіе виды ихъ суть: производительныя, кредитныя и потребительныя ассоціаціи, общества взаимнаго страхованія, общества для обезпеченія стариковъ, вдовъ, сиротъ и инвалидовъ, ремесленные и рабочіе союзы. Второй несравненно важнѣйшій классъ общественныхъ хозяйствъ, имѣющій фундаментальное значеніе для организаціи цѣлаго народнаго хозяйства, составляютъ принудительныя общественныя хозяйства. Принудительный характеръ ихъ заключается въ вмѣшательствѣ общественной власти въ сферу отдѣльныхъ хозяйствъ, съ цѣлью заставить ихъ служить интересамъ всего общества. Самый важный субъектъ принудительныхъ общественныхъ хозяйствъ есть государство. Имѣя своею задачею содѣйствовать развитію культуры и благосостоянія, государство принимаетъ на себя удовлетвореніе такихъ общественныхъ потребностей, созданіе и распредѣленіе которыхъ частною и добровольно-общественною хозяйственными системами выполняется неудовлетворительно. Органами веденія принудительно-общественныхъ хозяйствъ являются какъ центральное правительство, такъ и мѣстныя власти въ качествѣ представителей общихъ интересовъ различныхъ пространственныхъ округовъ (община, уѣздъ, губернія, область и пр.).

Школа свободной конкурренціи ограничиваетъ область принудительнаго общественнаго хозяйства учрежденіями для защиты правъ, личной безопасности и политической независимости народа. Такое ограниченіе дѣлается ею на томъ основаніи, что всѣ прочія потребности гражданъ удовлетворяются всего лучше частною и добровольно-общественною системами. Выше былъ уже указанъ крайній оптимизмъ такого воззрѣнія. Частныя хозяйства производятъ только такія цѣнности, продажная цѣна которыхъ можетъ доставить имъ среднюю прибыль на капиталъ; какъ бы не была важна потребность, но если удовлетвореніе ея не можетъ быть оплачено нуждающимися, она останется неудовлетво-

ренною. А потому частно-хозяйственная система не гарантируетъ удовлетвореніе даже такихъ необходимѣйшихъ потребностей, какъ потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, топливѣ, не говоря уже о потребностяхъ въ медицинской помощи, образованіи, средствахъ сообщенія, кредитѣ, страхованіи. Далѣе, эта система неизбѣжно ведетъ къ монополіи промышленныхъ предпріятій и уже въ настоящее время представляетъ многіе примѣры ея, особенно въ области путей сообщенія. Эти недостатки частно-хозяйственной системы вызываютъ необходимость принудительно-общественнаго хозяйства. Принужденіе со стороны государства къ соединенію частныхъ хозяйствъ въ общественное хозяйство является также необходимымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда достиженіе полезной цѣли, желаемое большинствомъ хозяевъ, не можетъ быть осуществлено по причинѣ несогласія меньшинства сосѣднихъ хозяевъ. Особенно часто подобные случаи встрѣчаются въ земельной собственности, почему въ аграрномъ законодательствѣ всѣхъ государствъ существуютъ болѣе или менѣе обстоятельныя правила, разрѣшающія столкновенія частнаго и общаго интересовъ.

Система принудительныхъ хозяйствъ, выполняемая общественными органами, составляетъ совершенную противоположность частно-хозяйственной системѣ. Средства для веденія первыхъ получаются по преимуществу путемъ налоговъ и обязательныхъ сборовъ и составляютъ общественный капиталъ. Самое распредѣленіе налоговъ между гражданами, по коренному требованію финансовой политики, должно основываться на имущественной состоятельности, чтобы тяжесть платежа налога была возможно равномѣрна для всѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распредѣленіе производимыхъ принудительными хозяйствами цѣнностей между гражданами не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ размѣромъ платимыхъ каждымъ изъ нихъ налоговъ. Интересы цѣлаго, пополненіе пробѣловъ и недостатковъ частно-хозяйственной системы, распространеніе благъ культуры на всѣ классы общества,—таковы, по ученію реалистической школы, цѣли, долженствующія опредѣлять производительныя и распредѣлительныя функціи принудительно-общественныхъ хозяйствъ. Отсюда слѣдуетъ, что принудительныя общественныя хозяйства, выполняемыя централь-

ными и мѣстными органами, по задачамъ дѣятельности, какъ ихъ понимаетъ реалистическая школа, представляютъ самое крайнее и самое гуманитарное проявленіе общиннаго (коммунистическаго) принципа; ибо въ этихъ хозяйствахъ въ составленіи общественнаго капитала всѣ участвуютъ соразмѣрно имущественнымъ силамъ, а распредѣленіе опредѣляется потребностями.

По важнѣйшему вопросу экономической политики, а именно по вопросу *о правильной комбинаціи трехъ системъ, и особенно частно-хозяйственной и принудительно-общественной,* реалистическая школа совершенно справедливо утверждаетъ, что никакая *абсолютно-истинная, «естественная»* комбинація, которая имѣла бы всеобщую годность,—невозможна, такъ какъ природа человѣка и государства, *служащихъ причинными моментами для комбинаціи,* представляетъ явленіе непрерывно измѣняющееся въ исторіи. Вмѣстѣ съ этими измѣненіями совершается постоянная *перестановка* въ кругѣ дѣйствій частной и общественной хозяйственныхъ системъ, равно какъ и внутри послѣдней между свободными и принудительными хозяйствами; далѣе, внутри принудительной системы: между центральными органами, провинціею, округомъ, общиною, между органами административными и органами самоуправленія; а всѣ эти перестановки влекутъ за собою измѣненія въ полѣ дѣятельности благотворительной системы. Такимъ образомъ, всякая комбинація этихъ трехъ системъ можетъ имѣть лишь временной характеръ; и *истинная комбинація* должна заключаться въ томъ, чтобы установить для даннаго народа и времени организацію народнаго хозяйства, при которой производилась бы возможно большая сумма хозяйственныхъ цѣнностей и имѣло бы мѣсто возможно равномѣрное распредѣленіе ихъ Какой видъ должна принять организація народнаго хозяйства, чтобы осуществить возможно ближе указанныя общія цѣли, можетъ быть рѣшено лишь *чрезъ подробное изслѣдованіе конкретныхъ фактовъ.* Теорія же можетъ установить лишь самыя общія руководящія начала. Начала эти суть слѣдующія:

Общее правило гласитъ: государство должно принимать на себя тѣ дѣйствія къ удовлетворенію потребностей гражданъ, которыя не могутъ выполняться ни частными, ни свободно-обще-

ственными хозяйствами, или были бы выполнены ими не вполнѣ удовлетворительно.

Отсюда слѣдуетъ, что дѣйствія *въ области права и защиты его* должны быть переданы государству, ибо эта область требуетъ *единства*. Обсужденію подлежитъ здѣсь лишь вопросъ объ органахъ примѣненія права (центральныя, административно-мѣстныя, автономныя).

Несравненно болѣе сложный, еще весьма мало разработанный, вопросъ представляютъ дѣйствія, принадлежащія къ области осуществленія культуры и цѣлей благосостоянія; эти дѣйствія должны выполняться *совмѣстною дѣятельностью* различныхъ хозяйственныхъ системъ. Государство выступаетъ здѣсь при наличности слѣдующихъ условій: а) если *общія* потребности не удовлетворяются частно-хозяйственнымъ производствомъ или удовлетворяются имъ недостаточно (образованіе, средства сообщенія, кредитъ, страхованіе *); б) если частно-хозяйственное производство не гарантируетъ *непрерывности* въ удовлетвореніи потребности (почта, телеграфъ, пути сообщенія); в) если оно исключаетъ конкурренцію (шоссейныя и желѣзныя дороги и другія виды промышленной исключительности); и наконецъ г) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда передача производства принудительно-общественной системѣ не сопровождается возрастаніемъ издержекъ производства (напр. акціонерныя хозяйства, не заключающія въ себѣ элементовъ бо̀льшей производительности сравнительно съ принудительно-общественными хозяйствами). Выгоды такой передачи состоятъ, во-первыхъ, въ томъ, что доходы отъ предпріятій составятъ достояніе всего общества, во-вторыхъ, распредѣленіе можетъ быть устроено такимъ образомъ, что оно распространится и на бѣдные классы.

Расширеніе области принудительно-общественнаго хозяйства составляетъ первое отличіе экономической политики реалистиче-

*) Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей низшихъ классовъ—пищи, одежды, жилища и пр.—выполняется частною и добровольно-общественною системами также крайне плохо; но реалистическая школа, въ интересѣ бо̀льшей производительности, считаетъ цѣлесообразнымъ, при настоящихъ условіяхъ, предоставить область производства матеріальныхъ предметовъ, почти всецѣло, частнымъ хозяйствамъ; но, при этомъ, она требуетъ широкаго регулированія и контроля ихъ государствомъ съ цѣлью возможнаго исправленія недостатковъ системы частныхъ хозяйствъ.

ской школы отъ школы свободной конкурренціи. Второе отличіе заключается въ требованіи *регулированія* государствомъ частнохозяйственной системы, или, что тоже, въ требованіи *измѣненій юридическихъ отношеній* частныхъ хозяйствъ между собою. А такъ какъ юридическія нормы, опредѣляющія въ современныхъ европейскихъ государствахъ взаимныя сношенія частныхъ хозяйствъ, вытекаютъ изъ принципа неограниченной частной собственности, какъ изъ основнаго начала, то требованіе измѣненій экономико-юридическихъ отношеній сводится, главнымъ образомъ, *къ требованію измѣненій въ современномъ институтѣ частной собственности*. Вслѣдствіе этого реалистической школѣ пришлось пересмотрѣть институтъ частной собственности со всѣхъ сторонъ, а именно: въ отношеніи его историческаго развитія, существующихъ ученій о немъ, состоянія его въ современныхъ законодательствахъ и, наконецъ, въ отношеніи необходимыхъ, вызываемыхъ духомъ времени, реформъ въ немъ. Изложимъ вкратцѣ самую суть воззрѣній реалистической школы на институтъ собственности *).

Принципы, изъ-за которыхъ идетъ борьба партій въ современномъ обществѣ, болѣе и болѣе подтверждаютъ слова Токвиля, что западно-европейскія націи неодолимо стремятся къ демократическому устройству. Демократическое устройство требуетъ устраненія всѣхъ общественныхъ учрежденій, порождающихъ неравенство между людьми. Неравенство должно сводиться лишь на природныя различія. Въ политической области демократическій принципъ, по мѣрѣ расширенія избирательныхъ правъ, осуществляется все полнѣе. Въ настоящее время главное вниманіе обращено на дѣло несравненно большей важности по своимъ результатамъ,—на реализацію этого принципа въ экономической

*) См. *Ad. Wagner*. Lehrb. d Polit Oecon. Это сочиненіе содержитъ въ себѣ наиболѣе полную систематизацію воззрѣній реалистической школы на институтъ собственности.

Schaffle Syst. d. menschlichen Wirthsch. und Bau u. Leben

Lange. Aus Mills's. u. Arbeiterfrage.

Rosler. Grundlehren d. Smith'schen Volkswirthschaftslehre.

Schmoller Ueber einige Grundfragen d. Rechts u. d. Volkswirthschaft.

Samter. Gesellschaftliches u Privat-Eigenthum.

Scheel. Die Theorie d. Socialen Frage.

De Laveleye. De la propriété et de ses formes primitives.

области. Фундаментальная причина, обусловливающая характеръ всего общественнаго устройства, заключается въ *порядкѣ собственности*. Современный порядокъ собственности порождаетъ столь рѣзкое расчлененіе общества на классы, что даетъ право утверждать, что прежнія юридическія запрещенія перехода изъ низшаго сословія въ высшее замѣнились, вообще говоря, фактическими затрудненіями выбраться изъ неимущихъ или малоимущихъ классовъ въ классъ зажиточныхъ собственниковъ. Причемъ, неимущій классъ въ западной Европѣ (пролстаріатъ), опять таки вслѣдствіе существующаго тамъ въ настоящее время порядка собственности, *постоянно возрастаетъ какъ абсолютно, такъ и относительно*. Фактическая *аристократичность* существующаго порядка собственности, *противорѣчащая современнымъ правовымъ идеямъ, требующимъ обоснованія собственности на трудѣ*, и есть глубочайшая причина, почему требованіе массъ измѣненія порядковъ собственности въ смыслѣ демократическомъ ни въ одной фазѣ исторіи не выступало такъ принципіально, ярко и сознательно, какъ въ исторіи современнаго рабочаго движенія въ западной Европѣ. Уничтожить, остановить это движеніе невозможно; ибо античныя и средневѣковыя воззрѣнія о природномъ различіи людей на рабовъ и господъ, о дворянской и недворянской кости и крови унесены исторіею безвозвратно. «Бывшій рабъ, говоритъ Лавеле, сдѣлался нынѣ гражданиномъ и свободнымъ работникомъ; онъ признанъ политически-равнымъ съ самыми богатыми. Онъ имѣетъ право голоса, входитъ въ парламентъ, можетъ потребовать собственность; какъ же ему противиться, когда современныя философскія и религіозныя понятія вполнѣ его оправдываютъ?» Насильственнымъ или мирнымъ путемъ совершатся измѣненія въ порядкахъ собственности —зависитъ отъ имущихъ классовъ. Непрестанный ходъ реформъ, требуемыхъ духомъ времени, есть единственное средство устранить волненія и революцію. Предсказаніе Дизраэли, раздѣляемое многими, что «соціализмъ, пока только легкій зефиръ, едва волнующій листву, вскорѣ обратится въ неукротимый ураганъ, который ниспровергнетъ все на своемъ пути», исполнится несомнѣнно въ томъ случаѣ, если имущіе классы будутъ противиться необходимымъ и возможнымъ реформамъ, на которыя

имъ указываетъ уже современная наука. Совершеніе имущими классами реформъ, содѣйствующихъ возвышенію матеріальнаго благосостоянія народа, безъ котораго невозможенъ прогрессъ въ умственной и нравственной сферахъ, является ихъ нравственною обязанностью тѣмъ болѣе, что среди этихъ классовъ господствуетъ убѣжденіе, что насильственный захватъ политической власти демосомъ грозитъ всѣмъ пріобрѣтеніямъ цивилизаціи Уже въ виду одного этого опасенія нравственный долгъ обязываетъ имущіе классы поднять умственное и нравственное состояніе народа; а сдѣлать это невозможно безъ улучшенія его матеріальнаго положенія.

Мы не раздѣляемъ пессимистскаго взгляда, что западная Европа не иначе дойдетъ до порядка, болѣе сообразнаго съ справедливостью и христіанствомъ, какъ черезъ цѣлый рядъ смутъ и неурядицъ, въ виду которыхъ можно бояться гибели многихъ цѣнныхъ плодовъ цивилизаціи. Такой взглядъ не вытекаетъ логически даже и тогда, если смотрѣть на борьбу общественныхъ класовъ за лучшее жизненное положеніе и на порождаемыя этою борьбою измѣненія въ соціальныхъ учрежденіяхъ, какъ на проявленіе одной лишь силы, чуждой всякаго нравственнаго элемента. Уже простой расчетъ предупредить волненія и смуты часто заставляетъ господствующіе классы дѣлать уступки Исторія Греціи и Рима, средневѣковая исторія Англіи и Италіи и новая исторія всѣхъ западно-европейскихъ государствъ представляютъ тому много примѣровъ. Но далѣе, если и справедливо, что имущественные и политическіе порядки до сихъ поръ были результатомъ борьбы за лучшее жизненное положеніе, тѣмъ не менѣе, для вѣрнаго пониманія жизни человѣчества, важно не упускать изъ виду, что они всегда обосновывались *правовыми* принципами, и слѣдовательно *для сознанія* они имѣли значеніе *не силы, а права.* Христіанскій принципъ равенства людей вступилъ въ борьбу съ правовымъ принципомъ древняго міра, раздѣлявшимъ людей на свободныхъ и рабовъ. Тотъ же христіанскій принципъ, сведенный на практическую почву, выразился въ идеѣ равенства правъ людей, идеѣ, такъ рѣшительно высказанной первою французскою революціею и *получившей значеніе основнаго начала современной культуры.* Теперь соціальная борьба

идетъ не объ исходномъ принципѣ права, долженствующемъ опредѣлить характеръ общественныхъ учрежденій,—борьба идетъ *о формахъ примѣненія* общепризнаннаго правоваго принципа и о *своевременности* этихъ формъ. Осуществленіе равенства правъ людей путемъ учрежденій свободной конкурренціи оказалось иллюзіею. Въ наукѣ число представителей этого ученія постоянно уменьшается; въ парламентахъ либеральная партія съ каждымъ днемъ теряетъ свое значеніе. Повсюду усиливается соціалъ-демократическое движеніе, возбуждающее у всякаго образованнаго человѣка вопросъ о причинахъ его Каталоги выходящихъ книгъ испещрены темами объ экономическихъ реформахъ. «Соціальный вопросъ» сталъ предметомъ серьезнаго обсужденія. Въ виду того общаго вниманія, которое обратили на себя въ наше время экономическіе диссонансы, можно ли сомнѣваться, что новая школа политической экономіи, указывающая съ цифрами въ рукахъ бѣдственные результаты современной свободно-конкурренціонной системы народнаго хозяйства и разъясняющая причины противорѣчія дѣйствительности съ правовыми идеями, окажетъ рѣшительное вліяніе на измѣненіе общественнаго мнѣнія имущихъ классовъ, а намѣченные и непрестанно разработывающіеся ею проекты реформъ сдѣлаются въ непродолжительномъ времени предметомъ серьезнаго обсужденія правительствъ.

Политическая экономія и философія права всегда признавали, что порядки собственности должны служить интересамъ *цѣлаго*, а не интересамъ отдѣльныхъ классовъ. Если основатель политической экономіи горячо защищалъ абсолютную частную собственность и расширеніе ея почти на всѣ предметы національнаго имущества, то только вслѣдствіе убѣжденія, что при такомъ порядкѣ собственности будетъ достигнута наибольшая производительность и наилучшее распредѣленіе. При современномъ состояніи знаній, политическая экономія не можетъ раздѣлять убѣжденіе Ад. Смита и потому, при изслѣдованіи порядковъ собственности, должна отвѣтить на вопросы.—а) необходима ли, при современномъ положеніи дѣлъ, частная собственность для достиженія наибольшей производительности народнаго хозяйства; б) если необходима, то на какія именно категоріи національнаго имущества и нематеріальныхъ цѣнностей (земля, капиталъ,

литературная и артистическая собственность, собственность на открытія и пр.); и в) какой объемъ имущественныхъ правъ долженъ быть предоставленъ разнымъ видамъ собственности, чтобы сглаживать столкновенія между интересами собственниковъ и общественными интересами, всегда требующими ограниченнаго и соединеннаго съ обязанностями права собственности. Всѣ эти вопросы, вмѣстѣ взятые, и составляютъ вопросъ объ оправданіи существованія частной собственности и обоснованіи какъ объема ея дѣйствія, такъ и содержанія ея имущественныхъ правъ.

Что такое право собственности? Римское право опредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ: «Dominium est jus utendi et abutendi re sua quatenus juris ratio patitur.» Подъ вліяніемъ римскаго права, дефиниціи собственности въ современныхъ гражданскихъ кодексахъ близко подходятъ къ римскому: всѣ они опредѣляютъ собственность какъ право пользоваться и распоряжаться предметомъ самымъ безусловнымъ образомъ съ тѣмъ только, чтобы не дѣлалось изъ него употребленія, воспрещеннаго законами. И такъ, въ самомъ опредѣленіи права собственности заключается уже нѣкоторое ограниченіе его *безусловности* и основаніемъ ограниченію служитъ *общественный интересъ*. Далѣе, разсматривая отдѣльныя постановленія гражданскихъ кодексовъ относительно собственности, мы видимъ, что они такъ значительно ограничиваютъ ея безусловность, что опредѣленіе собственности, какъ безусловнаго вещнаго права, совершенно не соотвѣтствуетъ ея правамъ въ дѣйствительности. Такъ, во всѣхъ законодательствахъ, ради общественнаго интереса, признаны не только право государства на экспропріацію частной собственности, но и гражданская экспропріація собственности, а также обязанность собственниковъ къ положительнымъ дѣйствіямъ въ пользу несобственниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти ограниченія у различныхъ народовъ, въ разное время, и на различные объекты не одинаковы; *почему нельзя говорить о правѣ собственности, какъ о понятіи единомъ, опредѣленномъ*. Напримѣръ, англійское право земельной собственности, съ его маіоратомъ, мобилизованное французское, родовая собственность въ Россіи представляютъ различныя права собственности. Далѣе, объемъ права собственности на полевую землю одинъ, на лѣса другой, на руды третій, на городскую соб-

ственность четвертый, на дороги и водяную поверхность пятый и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что такое опредѣленіе собственности, которое указывало бы объемъ присущихъ ей вещныхъ правъ,— невозможно. Принадлежность вещи лицу есть единственный специфическій признакъ, отличающій собственность отъ другихъ вещныхъ правъ. А какими правами на вещь пользуется лицо, которому она принадлежитъ, — это опредѣляется законодательствомъ. По феодальному праву собственности, земля считалась принадлежащею сеньорамъ, тѣмъ не менѣе они не имѣли права отбирать у своихъ вассаловъ феодовъ, если послѣдніе исправно выполняли повинности.

Совершенно другое пониманіе права собственности господствуетъ въ юриспруденціи *). Преклоненіе юристовъ предъ ученіями римскаго права, экономическія условія новѣйшей эпохи, создавшія для имущихъ классовъ интересъ въ установленіи возможно неограниченнаго права собственности, теоріи о «естественныхъ», «прирожденныхъ» правахъ человѣка—всѣ эти обстоятельства породили ученіе о собственности, какъ о «полной и исключительной» власти человѣка надъ вещью; такое неограниченное право собственности причислили къ числу естественныхъ правъ человѣка, которое, по этому самому, должно быть поставлено внѣ власти государства. Отсюда слова о «святости», «неприкосновенности» права собственности, слова—часто эксплоатируемыя ораторами и публицистами, хотя рѣдко съ пониманіемъ обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ, и смысла, съ которымъ они явились на свѣтъ. Но при примѣненіи догмы абсолютной собственности къ дѣйствительности, юриспруденціи пришлось признать необходимость множества ограниченій ея, пришлось допустить даже государственную и гражданскую экспропріаціи и земскую давность. Оказалось, что осуществленіе неограниченной собственности практически невозможно. Такимъ образомъ, приложеніе права собственности къ дѣйствительности стало въ противорѣчіе съ конструкціей понятія собственности. Ограниченія

*) О новомъ направленіи въ юриспруденціи, вступившемъ въ борьбу съ господствующими догмами гражданскаго права, см. статью г. Гамбарова: «Общественный интересъ въ гражданскомъ правѣ». Юридическій Вѣстникъ, изд. Моск. Юрид. Общ.—май, іюнь, іюль, 1879 г.

собственности, которыя вынуждена была допустить юриспруденція, вызывались *общественнымъ интересомъ*. Эти ограниченія устанавливаются положительнымъ закономъ и въ нихъ отражаются постоянно измѣняющіяся экономическія и политическія условія страны. Отсюда слѣдуетъ, что содержаніе права собственности опредѣляется не «естественнымъ» правомъ, какъ объ этомъ учитъ господствующая въ юриспруденціи теорія, а постановленіями закона. Право собственности не есть нѣчто неподвижное; оно есть учрежденіе многообразное, которое подвергалось въ исторіи большимъ измѣненіямъ и, конечно, подвергнется еще бо́льшимъ.

Переходя къ оцѣнкѣ господствующихъ теорій собственности, мы прежде всего остановимся на понятіи о *«неприкосновенности права собственности»*.

Идеи XVIII вѣка, породившія въ политической экономіи теорію Адама Смита, выразились въ юриспруденціи ученіемъ объ *«естественномъ правѣ»*, объ естественныхъ, прирожденныхъ правахъ человѣка. Къ числу этихъ естественныхъ, а потому и «неприкосновенныхъ» правъ человѣка было отнесено и право собственности. Утверждалось, что никакая власть, хотя бы то было само государство, никакія обстоятельства, никакая необходимость не могутъ нарушить «естественныхъ правъ» индивидуума; что эти права явились ранѣе возникновенія государства; съ этими правами вошелъ человѣкъ въ міръ. Въ ученіи объ «естественномъ правѣ» *индивидуализмъ* дошелъ до своего крайняго развитія. Если и Смитовская школа народнаго хозяйства покоится на индивидуализмѣ, если и она требуетъ предоставленія всѣхъ экономическихъ отношеній свободной борьбѣ личныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе существуетъ весьма существенное различіе между обоснованіемъ индивидуализма, какое дѣлаетъ Смитовская школа, и обоснованіемъ его юридическою теоріею «естественнаго права».

Смитовская школа защищаетъ организацію народнаго хозяйства на принципѣ *«свободной конкурренціи»* потому, что такая организація ведетъ къ благу какъ цѣлаго, такъ и каждаго отдѣльнаго индивидуума. *Индивидуализмъ* возвеличивается Смитомъ до высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ лишь по-

тому, *что частные индивидуальные интересы отождествляются имъ съ интересами общества, съ интересами цѣлаго.* Та же мысль лежитъ въ основаніи сочиненій всѣхъ представителей Смитовской школы. Всѣ они утверждаютъ, что при свободной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, руководимой эгоизмомъ и конкурренціею, сами собою развиваются такіе способы веденія предпріятій и частныхъ хозяйствъ, при которыхъ имѣющіяся въ распоряженіи націи силы почвы, труда и капитала достигнутъ наибольшей производительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обмѣнъ продуктовъ человѣческаго труда, при невмѣшательствѣ государства, поведетъ къ нормальному, справедливому распредѣленію богатствъ; каждый факторъ производства получитъ при распредѣленіи его результатовъ такую долю, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ степени его участія въ производствѣ.

Въ виду такого обоснованія индивидуализма само собою слѣдуетъ, что разъ доказаны вредныя соціальныя слѣдствія системы народнаго хозяйства, покоющейся на принципѣ свободной конкурренціи, падаетъ и экономическая теорія, выставившая на своемъ знаменіи требованіе неограниченной частной собственности.

Совсѣмъ иначе обосновываетъ *индивидуализмъ* юридическая теорія «естественнаго права». Здѣсь исходятъ изъ представленія о прирожденныхъ человѣку правахъ, которыя признаются «абсолютными» и нарушить которыя никто не въ правѣ, хотя бы это нарушеніе требовалось въ интересахъ цѣлаго, ради блага всѣхъ гражданъ государства. Здѣсь индивидуумъ съ его неприкосновенными правами противопоставляется всему міру. «Да торжествуетъ право», восклицаетъ Кантъ, «хотя бы въ силу этого погибъ весь міръ».

Не вдаваясь въ подробный разборъ ученія объ «естественномъ правѣ», отмѣтимъ самый существенный фактъ, недостаточно оцѣненный этимъ ученіемъ, а именно, что понятіе о естественныхъ правахъ человѣка чрезвычайно различно въ разныя эпохи, у разныхъ народовъ. Въ Россіи еще недавно не признавалось естественнымъ правомъ человѣка личная свобода, а въ Англіи уже много вѣковъ признается за такое право: быть обвиненнымъ и наказаннымъ не иначе какъ по суду. Многіе изъ естественныхъ правъ человѣка, объявленныхъ французскою кон-

стиціей 1789 года, были отмѣнены послѣдующими конституціями. Каждый народъ въ различное время имѣетъ разныя понятія о неотъемлемыхъ правахъ человѣка. *Абсолютныхъ естественныхъ правъ не существуетъ вплоть до права на жизнь.* Но въ каждое данное время существуютъ представленія о такихъ неотъемлемыхъ правахъ, нарушеніе коихъ было бы признано всѣми вопіющей несправедливостью. По весьма распространенному мнѣнію къ числу такихъ неприкосновенныхъ правъ относится и право собственности. Разсмотримъ это мнѣніе.

Чтобы можно было говорить о неприкосновенности какого-либо права, необходимо, разумѣется, чтобы это право поддавалось какому-либо точному опредѣленію. Между тѣмъ, мы видѣли, что опредѣленія права собственности, какъ единаго понятія, опредѣленія, приложимаго не только ко всѣмъ эпохамъ и народамъ, но хотя бы къ различнымъ объектамъ собственности у одного и того же народа и въ извѣстный моментъ времени, — такого опредѣленія не только не существуетъ, но и невозможно сдѣлать его.

Исторія свидѣтельствуетъ объ измѣненіяхъ громадной важности въ сферѣ объектовъ собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ самое содержаніе права собственности на различные объекты всегда было и остается до сихъ поръ неодинаковымъ, и эта неодинаковость, опять, въ свою очередь, различна у разныхъ народовъ. И причина этой многообразности права собственности заключается въ томъ, что институтъ собственности не есть явленіе, данное физической природой, явленіе само въ себѣ опредѣленное, а есть учрежденіе соціальное, обусловливаемое въ своихъ проявленіяхъ, главнѣйшимъ образомъ, экономическими условіями каждаго даннаго народа. Измѣняются экономическія условія жизни народа — измѣняются и законы о собственности. Измѣненія въ законахъ о собственности бываютъ радикальны, знаменуютъ собою новую соціальную эпоху, когда какой-либо важный объектъ частной собственности исключается изъ предметовъ ея. Такія измѣненія были сдѣланы, напримѣръ, въ послѣднее время съ отмѣною феодальныхъ правъ собственности въ Западной Европѣ, замѣненныхъ гражданскимъ кодексомъ французской революціи; въ Россіи съ отмѣною крѣпостнаго права, т. е. исключеніемъ

изъ объектовъ собственности труда и воли человѣка и, сверхъ того, надѣленіемъ крестьянъ поземельною собственностью изъ собственности ихъ прежнихъ господъ. Но такія коренныя измѣненія въ порядкахъ собственности, именно потому, что они знаменуютъ собою переворотъ во всемъ общественномъ строѣ, совершаются не часто. Что же касается частныхъ измѣненій въ порядкахъ собственности, ограничивающихъ право собственности, то они происходятъ можно сказать непрерывно. Недолго удержалась вѣра въ блага «свободной конкурренціи». Новѣйшій либеральный экономическій порядокъ Западной Европы, основанный на принципѣ неограниченной частной собственности на матеріальные предметы, не просуществовавъ столѣтія, потерялъ уже свой кредитъ въ наукѣ и начинаетъ терять его въ практикѣ. Англія, наиболѣе развившая свободу промышленности, первая вынуждена была выступить съ фабричнымъ законодательствомъ, ограничивающимъ права собственности промышленнаго капитала. За ней послѣдовали и всѣ прочія западно-европейскія государства. Теперь въ Англіи на очереди стоитъ аграрный вопросъ, имѣющій ограничить права поземельной собственности.

Но если право собственности не представляетъ собою нѣчто безусловное, само въ себѣ опредѣленное, а есть фактъ *относительный*, обусловливаемый временемъ и мѣстомъ, слѣдовательно постоянно измѣняющійся, то какой же смыслъ имѣетъ выраженіе «неприкосновенность права собственности»?, такъ часто употребляемое когда дѣло идетъ объ измѣненіяхъ въ законодательствѣ о собственности. На этотъ вопросъ нельзя дать другаго отвѣта какъ только, что или сами употребляющіе это выраженіе не понимаютъ, что говорятъ, или пользуются этимъ выраженіемъ, производящимъ всегда на массу впечатлѣніе, ради какихъ-либо практическихъ цѣлей.

Въ одномъ лишь смыслѣ можно понять мысль о неприкосновенности частной собственности, именно въ томъ смыслѣ, что право собственности не можетъ быть нарушено, въ цѣломъ или въ части, иначе, какъ съ вознагражденіемъ собственника за такое нарушеніе. Но дѣйствительная жизнь показываетъ намъ, что законодательствамъ всѣхъ европейскихъ государствъ приходится нарушать этотъ принципъ, и далѣе, что общественная жизнь

представляетъ иногда такія условія, при которыхъ и законное правительство и само общество вынуждены признать политическую необходимость нарушить этотъ принципъ.

Мы не станемъ уже говорить о такихъ очевидныхъ нарушеніяхъ принципа вознагражденія за теряемое право, какія имѣли мѣсто при безвозмездной отмѣнѣ французскимъ Національнымъ Собраніемъ многихъ имущественныхъ феодальныхъ правъ и при уничтоженіи рабства въ Соединенныхъ Штатахъ Америки въ послѣднюю гражданскую войну. Мы укажемъ на современное и постоянно расширяющееся, развивающееся во всѣхъ западноевропейскихъ государствахъ фабричное законодательство, гдѣ нарушеніе этого принципа не столь очевидно, хотя не менѣе дѣйствительно. Накапунѣ изданія фабричныхъ законовъ промышленный капиталъ пользовался полною свободою въ заключеніи условій найма рабочей силы и не несъ никакихъ спеціальныхъ обязанностей; право собственности на промышленный капиталъ было столь же неограниченное, какъ право собственности на предметы непосредственнаго потребленія. Изданіемъ фабричныхъ законовъ право собственности на промышленный капиталъ уменьшено и уменьшено безъ вознагражденія. Собственники этихъ капиталовъ были ограничены въ правѣ пользованія ими; они лишились права функціонировать ими сообразно условіямъ рынка. Рынокъ позволяетъ нанять рабочаго на 14-ть часовъ ежедневнаго труда, а законъ воспретилъ нанимать болѣе какъ на 10-ть часовъ. Мало того, законъ ограничилъ права собственности на промышленные капиталы и въ другомъ отношеніи: онъ наложилъ на эти капиталы новыя, спеціальныя обязанности. Собственникамъ промышленныхъ капиталовъ вмѣнено въ обязанность устроивать на свой счетъ при фабрикахъ и заводахъ школы и нанимать врача для рабочихъ. Когда въ англійскомъ парламентѣ впервые былъ поднятъ вопросъ объ изданіи фабричныхъ законовъ, буржуазная пресса возопила о «нарушеніи принципа неприкосновенности права собственности», и она была совершенно права съ точки зрѣнія господствующаго до нынѣ юридическаго положенія, что «никакое вещное право не можетъ быть нарушено безъ вознагражденія». Если бы какое-либо законодательство нашло полезнымъ и необходимымъ нормировать

рабочую плату, обязать промышленниковъ допустить рабочихъ къ участію въ прибыли, то въ юридическомъ смыслѣ это было бы ни чуть не большее нарушеніе права собственности сравнительно съ нарушеніями, совершенными изданными до нынѣ фабричными законами.

Колоссальный примѣръ отмѣны права собственности на одни объекты совершенно безъ вознагражденія, на другіе съ вознагражденіемъ, установленнымъ не на основаніи дѣйствующихъ законовъ, представляетъ наша крестьянская реформа. Право собственности на рабочую силу человѣка было отмѣнено вполнѣ безвозмездно и этотъ объектъ собственности былъ выброшенъ изъ законодательства; экспропріація половины помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ была совершена не на основаніи дѣйствующихъ законовъ. И между тѣмъ, правительство, литература, значительное число губернскихъ комитетовъ, большинство депутатовъ отъ комитетовъ вынуждены были признать безусловную политическую необходимость совершить такую радикальную операцію въ порядкахъ собственности, ибо *элементы крестьянскаго вопроса были таковы, что разрѣшеніе его на почвѣ юридической во очію грозило государству страшными опасностями и бѣдствіями.*

Субъекты собственности вообще бываютъ лица физическія и юридическія, почему и собственность бываетъ частная и коллективная. Важнѣйшіе виды коллективной собственности суть: собственность государственная и общинная. Вопросы громадной важности: объ историческомъ развитіи у разныхъ народовъ объемовъ частной и коллективной собственности, содержанія первой, видовъ и цѣлей второй, о комбинаціи этихъ двухъ видовъ собственности въ современной дѣйствительности, установленіе руководящей теоріи этой комбинаціи въ примѣненіи къ условіямъ нашего времени,— всѣ эти вопросы только-что начинаютъ разработываться исторіею права, сравнительнымъ законодательствомъ и реалистическимъ направленіемъ въ политической экономіи. Предъ глазами экономистовъ была значительная государственная собственность и другіе различные виды коллективной собственности; но они, исходя изъ своего desideratum—устраненія вмѣшательства государства и всякихъ видовъ коллективной собственности, — раз-

сматривали народное хозяйство лишь какъ систему частныхъ хозяйствъ; коллективная собственность не находила себѣ мѣста въ экономическихъ трактатахъ. Ученіе экономистовъ объ «абсолютномъ», «естественномъ» порядкѣ народнаго хозяйства, въ которомъ должна имѣть мѣсто только неограниченная частная собственность, шло рука объ руку съ новѣйшимъ экономическимъ законодательствомъ западно-европейскихъ государствъ, развивавшимъ возможно неограниченную частную собственность и включившимъ въ объекты ея почти всѣ матеріальные предметы. Такимъ образомъ, современная, въ высокой степени неограниченная частная собственность есть понятіе и фактъ новѣйшей исторіи европейскаго общества; область дѣйствій ея расширялась по мѣрѣ побѣды принципа *обособленности* (не-совсѣмъ точно названнаго *индивидуализмомъ*) надъ принципомъ *общественной солидарности*. И, въ то же время, теорія полагала, что проявленія «индивидуализма» *въ тѣхъ формахъ, въ какихъ онъ развился и дѣйствуетъ въ настоящее время,* ведутъ къ общественной солидарности. Факты опровергли иллюзіи теоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, реалистическая школа своими изслѣдованіями доказала, что порядки собственности вообще и частной собственности въ отдѣльности есть историческая, постоянно измѣняющаяся категорія, и что современный порядокъ собственности, какъ несоотвѣтствующій идеаламъ эпохи, постулатамъ экономической науки, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Отсюда для реалистической школы логически вытекала необходимость новаго обоснованія частной собственности. Но такъ какъ обоснованіемъ собственности, кромѣ политической экономіи, занималась также философія права, то пришлось пересмотрѣть и ея доктрины по этому предмету.

Всѣ существующія теоріи объ *основаніи* права частной собственности можно классифицировать въ три группы. Къ первой относятся теоріи, основывающія институтъ собственности *«на человѣческой природѣ и понятіи о личности.»* Ко второй—теоріи, выводящія право собственности изъ постулата справедливости. Сюда принадлежатъ: *«теорія труда»*, основывающая собственность на «истекающемъ изъ чувства естественной справедливости правѣ работника на продукты своего труда», и *«теорія завладѣнія»*,

видящая внутреннее правовое основаніе собственности въ «естественномъ» притязаніи перваго владѣльца на вещи, которыя онъ прежде всѣхъ другихъ подчинилъ своей волѣ. Наконецъ третью группу составляютъ *«легальныя теоріи»*, разсматривающія собственность какъ институтъ положительнаго права и различающіяся между собою только тѣмъ, какъ онѣ представляютъ себѣ процессъ правообразованія собственности.

Прежде разсмотрѣнія этихъ теорій порознь, скажемъ объ основной ошибкѣ, общей теоріямъ первой и второй группъ. Теоріи эти понимаютъ собственность слишкомъ общо, безъ вниманія къ различнымъ объектамъ собственности; между тѣмъ, содержаніе права собственности на различные объекты было, остается и должно быть различно. Въ основаніи этого раздѣленія объектовъ собственности лежатъ два главнѣйшіе принципа. Первый состоитъ въ различеніи *предметовъ потребленія отъ средствъ производства*. Этотъ важный принципъ раздѣленія оставлялся до сихъ поръ безъ вниманія какъ философіею права, юриспруденціею, такъ и политическою экономіею, за исключеніемъ соціалистическихъ писателей. Второй принципъ раздѣленія, существенный какъ въ юридическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, заключается въ различеніи *движимой* и *недвижимой* собственности.

Внутри этихъ главныхъ раздѣленій должны дѣлаться дальнѣйшія различенія объектовъ собственности. Такъ, напримѣръ, въ поземельной собственности должно особенно разсматривать рудники, лѣса, дороги, водяныя пространства, полевыя угодья, усадебныя земли, парки и пр. Далѣе, рѣшеніе вопроса: должны ли тѣ или другіе предметы быть объектомъ частной собственности, въ какомъ размѣрѣ, какими правами на нихъ могутъ обладать собственники,—не можетъ быть установлено разъ навсегда и для всѣхъ странъ одинаково, но обусловливается *временемъ* и *мѣстомъ*. Развитіе, напримѣръ, машиннаго производства, фабрикъ и заводовъ вызываетъ въ законодательствѣ дальнѣйшія различенія въ собственности на капиталъ (Англійское фабричное законодательство, напримѣръ, устанавливаетъ различныя спеціальныя опредѣленія для разныхъ отраслей промышленности, сообразно ихъ технической и экономической природѣ). Указавъ на существенную ошибку, общую первымъ двумъ груп-

памъ теорій собственности, перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ порознь.

По теоріямъ, относящимся къ первой группѣ, собственность вытекаетъ изъ «*природы личности, ибо она есть необходимое условіе свободы, умственнаго и нравственнаго развитія личности*».—Неопредѣленность, туманность этихъ теорій поразительна. Онѣ обходятъ молчаніемъ всѣ элементы, изъ коихъ слагается право собственности; а именно, онѣ не только не дѣлаютъ различія *въ объектахъ собственности,* но и не говорятъ ничего о *способахъ ея пріобрѣтенія*. Вотъ собственныя слова двухъ самыхъ извѣстныхъ представителей теоріи собственности, основанной на человѣческой природѣ. «Личное право человѣка по отношенію къ природѣ, говоритъ Фихте старшій, состоитъ въ обладаніи сферою дѣйствія, достаточною для добыванія средствъ къ жизни. Слѣдовательно, эта физическая сфера должна быть гарантирована каждому, но подъ условіемъ, чтобы каждый также сообщалъ ей цѣнность своимъ трудомъ. И такъ, всѣ должны работать и всѣ также должны имѣть чѣмъ работать». Но, очевидно, этому требованію естественнаго права, «чтобы каждый человѣкъ обладалъ сферою дѣйствія, достаточною для добыванія средствъ къ жизни», столь же хорошо можетъ удовлетворить владѣніе, какъ и частная собственность. «Собственность, говоритъ профессоръ Аренсъ въ своемъ курсѣ естественнаго права, составляетъ для каждаго человѣка условіе его жизни и развитія. Она основана на самой природѣ человѣка и должна, слѣдовательно, разсматриваться какъ первоначальное и безусловное право, которое не составляетъ результата никакого внѣшняго дѣйствія въ родѣ завладѣнія, труда или договора. Такъ какъ право исходитъ непосредственно изъ человѣческой природы, то достаточно быть человѣкомъ, чтобы имѣть право на собственность». Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что оба эти писателя признаютъ естественнымъ правомъ человѣка собственность не только на предметы потребленія, но и на орудія производства. Изъ чего слѣдуетъ, во-1-хъ, что сдѣланное Фихте и Аренсомъ обоснованіе собственности не совпадаетъ съ современнымъ порядкомъ собственности, какъ нарушающимъ «естественное право» человѣка, ибо въ немъ громадное число людей не имѣетъ собственности

на орудія производства, во-2-хъ, частная собственность на орудія труда ими требуется какъ безусловно необходимое условіе физическаго и духовнаго развитія человѣка;—между тѣмъ, можно указать на существованіе физически, умственно и нравственно развитыхъ общинъ, не имѣющихъ частной собственности на орудія производства. Социалисты, именно ради самостоятельности, свободы, физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія человѣка, ограничиваютъ частную собственность только предметами потребленія, а на орудія производства устанавливаютъ лишь право владѣнія. Фихте и Аренсъ совершенно упускаютъ изъ виду тѣсную зависимость порядковъ собственности отъ состоянія техники. Частная собственность на орудія труда допускаетъ лишь мелкія формы производства. Между тѣмъ прогрессъ техники, выражающійся, главнымъ образомъ, въ замѣнѣ труда человѣка машиною, требуетъ все болѣе и болѣе производства въ крупныхъ размѣрахъ. Машины, уже обнявшія обработывающую промышленность, начинаютъ вводиться и въ земледѣліе; несомнѣнно, не долго ждать того времени, когда прогрессъ сельско-хозяйственной техники достигнетъ такого состоянія, что экономическіе мотивы будутъ требовать крупнаго сельскаго хозяйства. Осуществить же крупное производство, обнимающее какъ обработывающую, такъ и земледѣльческую промышленность, и, въ то же время, не дѣлать орудія производства собственностью незначительнаго меньшинства, возможно лишь при коллективной собственности на орудія труда, предоставляющей производителямъ только право владѣнія ими *)

«*Трудовая теорія*» собственности, принятая по преимуществу экономистами, указываетъ и внутреннее основаніе собственности и вытекающіе изъ этого основанія способы пріобрѣтенія ея. Осно-

*) Лаведе, исходя изъ „естественнаго права“, требующаго, чтобы каждый человѣкъ обладалъ собственностью на орудія производства, и видя въ современномъ квиритскомъ правѣ собственности отрицаніе естественнаго права, указываетъ на коллективную земельную собственность, какъ на идеалъ развитія, къ которому должно стремиться европейское общество, „иначе оно зайдетъ въ такой глухой уголъ, гдѣ цивилизація погибнетъ“ (De la propriété et de ses formes primitives. Ch. XXVI).

Но при коллективной собственности отдѣльныя лица будутъ имѣть только право владѣнія. Лаведе смѣшалъ, въ данномъ случаѣ, собственность съ владѣніемъ.

ваніе собственности видитъ она «*въ естественномъ правѣ каждаго человѣка на обладаніе результатами своего труда*». Собственность на капиталъ основываетъ на моментѣ *сбереженія* продукта собственнаго труда; собственность на землю — на моментѣ *вложенія собственнаго труда или капитала* въ почву; и, наконецъ, изъ права обладанія результатами своего труда вытекаетъ, по ученію этой теоріи, право завѣщанія или посмертнаго дара.—Трудовая теорія собственности заключаетъ въ себѣ лишь одно вѣрное положеніе, а именно: что современная идея о *справедливомъ* требуетъ обоснованія собственности и частныхъ доходовъ на трудѣ. Отсюда объясняется и происхожденіе самой теоріи. Но такое понятіе о справедливомъ распредѣленіи собственности не можетъ быть названо «естественнымъ», «прирожденнымъ», «абсолютнымъ». Древній міръ и средніе вѣка не знали его. Появленіе этого понятія сдѣлалось возможнымъ лишь съ признаніемъ равенства правъ людей. Да и современный порядокъ собственности не основывается на трудѣ. Если Бастіа, Тьеръ, а за ними и другіе экономисты защищали настоящіе порядки собственности въ силу принципа, что «каждый человѣкъ имѣетъ право на результаты своего труда», то это только показываетъ совершенное непониманіе ими природы современныхъ экономическихъ отношеній. Наука теперь выяснила, что накопленіе капитала въ производствѣ происходитъ путемъ присвоенія чужаго труда, что въ возвышеніи стоимости земельной собственности и получаемыхъ съ нея доходовъ играютъ значительную роль различные соціальные факты, въ коихъ земельные собственники ни мало не повинны (увеличеніе плотности населенія, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, развитіе обрабатывающей промышленности и мн. др.). Это несоотвѣтствіе современныхъ порядковъ собственности съ идеей о справедливомъ обоснованіи собственности и есть причина возникновенія соціалистическаго ученія и требованій реформъ въ собственности со стороны экономистовъ реалистической школы. Справедливо замѣчаетъ Лавеле: «Если бы трудъ былъ источникомъ собственности, то какъ могло случиться, чтобы «институціи» и гражданскій кодексъ ничего о томъ не сказали».

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что порядокъ собственности, основанный на трудѣ, не есть *исходный* пунктъ развитія собствен-

ности, не представляется реализованнымъ *въ настоящее время*, а составляетъ *идеальную цѣль*, къ которой несомнѣнно приближается человѣчество. Слѣдовательно, «трудовая теорія» есть *не фактъ, а проблема*.

Римскіе юристы видѣли причину происхожденія собственности *въ завладѣніи предметомъ, не имѣющимъ хозяина*, и считали фактъ завладѣнія достаточнымъ основаніемъ для защиты собственности. Это воззрѣніе на происхожденіе собственности и правовое основаніе ея господствуетъ также въ современной юриспруденціи. Новѣйшія изслѣдованія по исторіи земельной собственности опровергаютъ «теорію завладѣнія.» «Исторія доказываетъ, говоритъ Лавеле, что земля никогда не разсматривается людьми какъ res nullius. Территорія охоты у охотничьихъ народовъ, мѣсто сгона стадъ у народовъ пастушескихъ всегда считаются коллективною принадлежностью цѣлаго племени, и такое владѣніе продолжается даже послѣ того, когда путемъ воздѣлыванія земля сдѣлана плодородною. Повсюду, какъ въ древнія времена, такъ и теперь, земля объявлялась принадлежащею общинѣ или государству, и потому ни прежде, ни теперь не было мѣста «завладѣнію» res nullius. Завладѣніе служило въ первобытныя времена лишь источникомъ пріобрѣтенія движимыхъ вещей, но и тогда оно было ограничиваемо соображеніями, вытекающими изъ факта общественной жизни людей и изъ общихъ имъ всѣмъ потребностей въ вещахъ, подлежащихъ завладѣнію.»

Но еслибы даже «теорія завладѣнія» объясняла исторію происхожденія собственности правильно, то, и въ такомъ случаѣ, можно ли признать, что завладѣніе вещью есть достаточная причина для пріобрѣтенія надъ нею *права* собственности. Завладѣніе есть фактъ, зависящій отъ случая или силы. Въ немъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ элементовъ, съ которыми современныя идеи о справедливомъ связываютъ право на вещь. На захватѣ нельзя основать право. Мы заняли островъ. Спустя нѣкоторое время на этотъ же островъ выброшенъ человѣкъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе. Для него не осталось предметовъ завладѣнія. Какія его права? Умереть съ голоду или сдѣлаться нашимъ рабомъ.

Воззрѣнія реалистической школы на институтъ собственности всего ближе къ «*легальной теоріи*», представителями которой

служатъ Монтескье и Лабуле. По этой теоріи, право частной собственности не есть естественный фактъ, данный самою природою человѣка, а учрежденіе общественной власти, писанаго или неписанаго закона. — И въ самомъ дѣлѣ, объемъ, содержаніе и способы пріобрѣтенія частной собственности въ различныя эпохи и у разныхъ народовъ весьма различны и основанія этихъ различій очень разнообразны.

Но законъ есть только внѣшній фактъ. Спрашивается, что вызвало законы о частной собственности и въ чемъ лежатъ причины ихъ различій? Конечно, глубочайшимъ, первичнымъ основаніемъ происхожденія частной собственности и различныхъ ея порядковъ есть борьба частныхъ интересовъ, результатъ которой выражается въ законахъ. Самымъ главнымъ и общимъ фактомъ, вызвавшимъ разложеніе патріархальнаго общиннаго владѣнія и возникновеніе частной земельной собственности, было раздѣленіе общества на высшій и низшій классы, раздѣленіе, происшедшее частью изъ завоеваній, частью изъ родового начала *). «Господство общинныхъ формъ владѣнія, говоритъ проф. Ковалевскій (Общин. Землевлад.), являясь препятствіемъ къ переходу земли изъ рукъ въ руки, нарушаетъ тѣмъ самымъ интересы. какъ привиллегированныхъ сословій и народныхъ вождей, такъ и ремесленно-торговаго населенія городовъ. Господство начала неотчуждаемости общинныхъ земель лишаетъ первыхъ фактической возможности неограниченнаго расширенія состоящихъ въ ихъ владѣніи помѣстій. Неосуществимость выгодъ отъ общиннаго пользованія ими иначе, какъ подъ условіемъ постояннаго пребыванія въ мѣстѣ нахожденія общинныхъ земель, являясь препятствіемъ къ переселеніямъ въ города, затрогиваетъ тѣмъ самымъ весьма существенно интересы ремесленно-торговаго населенія. Неудивительно, поэтому, если привиллегированныя сословія и ремесленно-торговое населеніе сходятся въ концѣ концовъ другъ съ другомъ въ одномъ стремленіи—поколебать общинное начало владѣнія землею, съ цѣлью сдѣлать тѣмъ самымъ возможной, съ одной стороны, дальнѣйшую дезаппропріацію сельскаго населенія,

*) Богатый и тщательно обработанный матеріалъ о причинахъ разложенія общиннаго владѣнія представляетъ изслѣдованіе проф. Ковалевскаго—«Общинное землевладѣніе». 1879

а съ другой, свободу передвиженія послѣдняго въ промышленные и торговые центры». Господствующіе классы, владѣя законодательною властью, учреждали выгодные для себя порядки собственности, обосновывая ихъ какою либо правовою идеей. Важнѣйшіе типы порядковъ частной собственности, различающихся между собою видами объектовъ, содержаніемъ, способами пріобрѣтенія и идеологическими обоснованіями права собственности, суть — рабство, крѣпостничество, ленныя отношенія, цеховой порядокъ и современное свободно-конкурренціонное хозяйство.

Какъ всякая соціальная теорія, такъ и теорія собственности имѣетъ задачею не только объяснить прошедшее и настоящее, но и указать идеалъ, то есть, наилучшій ближайшій ходъ развитія. По общему сознанію, институтъ собственности долженъ стремиться къ осуществленію: справедливаго распредѣленія, свободы, къ созданію условій для физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія личности и для возможно большей производительности народнаго хозяйства. Высшее основаніе его есть *общественный интересъ;* изъ чего слѣдуетъ, что *собственность есть институтъ не частнаго права, а соціально-юридическій институтъ.* Реалистическая школа признаетъ, что увеличеніе матеріальнаго благосостоянія низшихъ классовъ составляетъ коренное условіе увеличенія ихъ свободы, физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Въ то же время это увеличеніе совпадаетъ съ современнымъ понятіемъ о справедливомъ распредѣленіи, требующимъ, чтобы обоснованіе собственности на базисѣ труда становилось все болѣе *общимъ и исключительнымъ.* Такимъ образомъ, свобода, физическое, умственное и нравственное развитіе народа съ одной стороны, и справедливое распредѣленіе собственности съ другой — гармонируютъ между собою. Современная идея о справедливости въ распредѣленіи собственности встрѣчаетъ, по справедливому мнѣнію реалистической школы, коллизію лишь по отношенію къ одной важной цѣли института собственности, а именно — по отношенію къ задачѣ его создать имущественныя условія, при которыхъ достигалась бы наибольшая *производительность* народнаго хозяйства. Въ предшествующихъ главахъ было указано, что реалистическая школа считаетъ необходимымъ, по крайней мѣрѣ

при настоящихъ условіяхъ европейскихъ обществъ, сохранить, въ интересахъ высшей производительности, частную собственность на орудія производства, хотя въ размѣрахъ болѣе ограниченныхъ, нежели въ какихъ она существуетъ въ настоящее время. Между тѣмъ, прибыль на капиталъ чужда трудовому принципу въ распредѣленіи; и слѣдовательно, распредѣленіе продуктовъ и обоснованіе собственности на базисѣ труда не могутъ быть вполнѣ проведены въ частно-хозяйственной системѣ. Въ виду этого, реалистическая школа признаетъ необходимость компромиссовъ между принципомъ справедливаго распредѣленія и требованіемъ возможно большаго производства. Въ первомъ случаѣ осуществляется *правовой элементъ*, во второмъ—*экономическій*. «Но, замѣчаетъ Вагнеръ, народно-хозяйственная проблема *хорошаго распредѣленія* народнаго дохода должна предшествовать проблемѣ *возможно большаго производства* цѣнностей; а между тѣмъ, въ теоріи, она не получила еще достаточнаго значенія. Изъ двухъ главныхъ проблемъ народнаго хозяйства она есть важнѣйшая.... Изъ этихъ соображеній должны выводиться основанія для народно-хозяйственной оцѣнки юридическаго института частной собственности, особенно частной собственности на капиталъ и землю» *).

Съ точки зрѣнія этихъ двухъ главныхъ задачъ народнаго хозяйства должно быть устанавливаемо: а) объекты, на которые можетъ простираться право собственности, б) содержаніе вещныхъ правъ, входящихъ въ право собственности, в) способы пріобрѣтенія собственности. Организація собственности въ примѣненіи къ существующимъ условіямъ дѣствительности составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ экономической политики реалистической школы. Но школа эта не пришла еще къ единству воззрѣній даже на счетъ самыхъ крупныхъ вопросовъ собственности. Такъ, напримѣръ, одни изъ представителей ея: Ланге, Замтеръ, Лавеле полагаютъ, что общественный интересъ требуетъ исключенія земли изъ объектовъ частной собственности, другіе считаютъ это несвоевременнымъ. Обѣщанный берлинскимъ профессоромъ Вагнеромъ объемистый 5-ти томный учебникъ политической экономіи представитъ первую попытку

*) Lehrb. d. Nation. Oecon. § 108. S. 139. 1876.

подробнаго изложенія организаціи народнаго хозяйства по принципамъ реалистической школы.

Но, рядомъ съ пестротою въ воззрѣніяхъ экономистовъ реалистической школы на счетъ цѣлесообразности тѣхъ или другихъ соціально-экономическихъ реформъ, существуетъ обширная область мѣръ, вытекающихъ изъ принциповъ экономической политики реалистической школы, своевременность и настоятельность которыхъ признается всѣми представителями ея. Съ цѣлью «соціальнаго просвѣщенія общественнаго мнѣнія, указанія законодательству пути ближайшей соціальной реформы» былъ учрежденъ въ октябрѣ 1872 года, въ Эйзенахѣ, «Verein fur Socialpolitik», дѣйствующій по настоящее время. Учредителями союза были, главнымъ образомъ, профессора нѣмецкихъ университетовъ. Въ настоящее время членами союза состоятъ также адвокаты, журналисты, чиновники, техники, фабриканты, промышленники. Союзъ получилъ важное значеніе органа общественной мысли о ближайшихъ задачахъ реформы законодательства. Полагаемъ умѣстнымъ привести существенныя мѣста изъ рѣчи профессора Шмоллера, произнесенной при открытіи союза, въ коей высказаны принципы, руководящіе работами союза.

«Глубокій раздоръ, проникнувшій въ наши общественныя состоянія, раздѣлившій предпринимателей отъ работниковъ, имущіе классы отъ неимущихъ, и который грозитъ соціальною революціею, возбудилъ сомнѣніе въ томъ: дѣйствительно ли, господствующія на рынкѣ, народно-хозяйственныя доктрины манчестерской школы политической экономіи, представителемъ которыхъ служитъ народно-хозяйственный конгрессъ, должны вѣчно сохранить свое господство; наступило ли съ введеніемъ промышленной свободы, съ устраненіемъ всѣхъ устарѣлыхъ, средне-вѣковыхъ законовъ, улучшеніе въ хозяйственномъ положеніи народа, которое съ такимъ жаромъ было предсказываемо манчестерскою школою.

«Народно-хозяйственный конгрессъ не разъ высказывался противъ всѣхъ плановъ реформъ, которые не соотвѣтствовали его одностороннимъ доктринерскимъ принципамъ. Нѣтъ никакого рабочаго вопроса, утверждалъ онъ; то, что называютъ этимъ именемъ, есть только заблужденіе или демагогическое подстрека-

тельство. Рабочій классъ имѣетъ теперь все, въ чемъ онъ нуждается; кто не идетъ впередъ, виноватъ самъ въ томъ. Даже къ ассоціаціямъ отдѣльные члены конгресса относились недружелюбно; участіе работниковъ въ прибыли осуждалось ими, какъ вмѣшательство въ предпринимательскій доходъ; на промышленные союзы нападали они потому, что чуяли въ нихъ новыя цеховыя идеи, и потому, что, вообще, ненавидѣли всякую корпоративную организацію; возражали противъ фабричнаго законодательства, учрежденія фабричныхъ инспекторовъ, не находя для нихъ оправданія въ нашихъ нѣмецкихъ промышленныхъ отношеніяхъ. Третейскіе промышленные суды и учрежденія для соединенія рабочихъ и капиталистовъ (Einigungsaemter) народно-хозяйственный конгрессъ прировнялъ къ инквизиціоннымъ судамъ. Все это имѣло такой видъ, какъ будто партія, которая когда-то требовала, во имя человѣческихъ правъ, освобожденія непривиллегированныхъ классовъ отъ жестокихъ тяжестей, теперь выступаетъ защитницею односторонних классныхъ интересовъ предпринимателей; какъ будто, прикрываясь знаменемъ народной свободы, она желаетъ теперь доставить свободу эксплоатаціи большимъ предпринимателямъ, капитало-владѣльцамъ, высшимъ общественнымъ классамъ.

«Направленіе, противоположное этому, не могло ничего ожидать отъ своего представительства на народно-хозяйственномъ конгрессѣ; вмѣсто того, чтобы вливать новое вино въ старые мѣха, оно сочло болѣе цѣлесообразнымъ выступить самостоятельно и создать однородное собраніе, практическую организацію для воззрѣній, давно уже пустившихъ корни въ различныхъ политическихъ и хозяйственныхъ кружкахъ. Такимъ путемъ оно надѣялось дѣйствовать болѣе сильно на общественное мнѣніе и законодательство. Такъ явился планъ сегодняшняго собранія.

«Мы не скрываемъ отъ себя трудности достигнуть соединенія всѣхъ тѣхъ, которые извѣстны какъ противники такъ называемой манчестерской партіи; трудность коренится въ томъ, что они принадлежатъ къ различнымъ политическимъ партіямъ.

«Профессора и ученые этого направленія, которымъ ихъ противники дали прозвище «соціалистовъ на кафедрѣ», хотя и принадлежатъ всѣ къ среднимъ политическимъ партіямъ, но, въ

сущности, они вліяютъ своими экономическими взглядами не на эти партіи, опирающіяся на предпринимательское сословіе и которыя, въ своемъ отношеніи къ борьбѣ этого сословія съ рабочими, не могутъ совершенно освободиться отъ своей связи съ предпринимательскимъ сословіемъ. Созывавшіе настоящее собраніе ясно понимали, что они должны искать поддержку какъ въ прогрессивномъ, такъ и въ консервативномъ лагеряхъ,—что имъ слѣдовало пригласить къ общему совѣту всѣхъ своихъ экономическихъ единомышленниковъ, не взирая на политическій оттѣнокъ партіи, къ которой принадлежатъ послѣдніе. Поэтому они намѣренно пригласили умѣренныхъ соціалистовъ и членовъ партіи центра.

«Такой характеръ собранія устранятъ дебаты о принципахъ. Надо сейчасъ же перейти in mediam rem, къ самымъ важнымъ проектамъ реформъ, каковы, напримѣръ, стачки рабочихъ, промышленные союзы, фабричное законодательство, жилищный вопросъ, съ тѣмъ, чтобы добиться въ нихъ практическихъ результатовъ. Если это удастся, то имѣется въ виду повтореніе собранія по болѣе широкой программѣ.

«Если мы, вслѣдствіе указаннаго характера собранія, и выступаемъ предъ собраніемъ безъ общей программы, то я долженъ сказать въ заключеніе моей рѣчи, что большинство тѣхъ, кто созывалъ собраніе и подписывалъ приглашенія — люди, читающіе въ нѣмецкихъ университетахъ политическую экономію, исторію права и руководящіе статистическими бюро,—стоятъ на почвѣ единодушнаго принципіальнаго убѣжденія и сдѣлали этотъ шагъ въ силу этого убѣжденія.

«Они смотрятъ одинаково на государство, которое, по ихъ взглядамъ, должно также далеко стоять отъ возвеличенія индивидуума по принципамъ естественнаго права, а слѣдовательно и отъ защиты его произвола, какъ и отъ абсолютной теоріи всепоглощающей государственной власти. Помѣщая государство въ общее теченіе историческаго прогресса, они признаютъ, что его задачи должны быть, смотря по условіямъ культуры, то шире, то уже. Но никогда не считаютъ они государство, подобно естественному праву и манчестерской школѣ, необходимымъ зломъ, которое нужно ограничивать. Для нихъ государство есть

всегда величественное нравственное учрежденіе для воспитанія человѣческаго рода. Искренно-преданные конституціонной системѣ, они, однако, не хотятъ перемежающагося сословнаго господства различныхъ экономическихъ классовъ, борющихся между собою. Они хотятъ сильной государственной власти, стоящей выше эгоистичныхъ сословныхъ интересовъ, которая издавала бы законы, вела честно администрацію, поддерживала бы слабыхъ, поднимала низшіе классы. Они видятъ въ двухсотлѣтней борьбѣ, какую побѣдоносно ведутъ прусское чиновничество и прусское королевство за правовое равенство, за устраненіе всѣхъ привиллегій и преимуществъ высшихъ классовъ, за эмансипацію и поднятіе низшихъ классовъ, — лучшее наслѣдіе нашего нѣмецкаго государственнаго строя, которому мы должны пребыть вѣрны.

«При обсужденіи нашего экономическаго состоянія, они вовсе не отрицаютъ блестящихъ, неслыханныхъ успѣховъ нашего времени въ техникѣ и производствѣ, въ торговлѣ и развитіи сношеній, но они заявляютъ также открыто о глубокихъ общественныхъ язвахъ, о возрастающемъ неравенствѣ доходовъ и имуществъ, о ложномъ промышленномъ движеніи, о недостаткѣ солидности въ отдѣльныхъ классахъ торговаго міра, о грубости и необузданности, возрастающихъ въ извѣстной части низшихъ классовъ, какъ слѣдствіе общихъ причинъ. Главную причину всего этого видятъ они въ томъ обстоятельствѣ, что, въ послѣднее время, во всѣхъ успѣхахъ раздѣленія труда, во всѣхъ нововведеніяхъ производства, въ промышленныхъ учрежденіяхъ, въ договорахъ между капиталомъ и трудомъ, равно какъ и въ законодательствѣ по этимъ предметамъ, всегда спрашивали только о томъ:—подымется ли отъ этого въ данную минуту производство и вовсе не ставили другаго столь же важнаго вопроса: какое дѣйствіе они будутъ имѣть на людей? доставятъ ли эти новыя организаціи достаточную поддержку для образованія нравственныхъ факторовъ, безъ которыхъ общество не можетъ существовать? воспитываютъ ли онѣ достаточно юные элементы? дѣйствуютъ ли онѣ и среди взрослыхъ на прилежаніе, бережливость, честность, семейную жизнь, такъ, чтобы и въ этомъ видѣлись успѣхи рядомъ съ хозяйственными? Они убѣждены въ

томъ, что недосмотръ такой психологической связи между формами организаціи народнаго хозяйства и общимъ нравственнымъ состояніемъ націи есть корень зла и что реформы должны исходить изъ признанія этой связи.

«Ихъ сужденіе о рабочемъ вопросѣ основывается на этихъ взглядахъ. Они признаютъ, что рабочіе въ настоящее время немного лучше одѣваются и ѣдятъ, что, можетъ быть, теперь не столько тысячъ погибаютъ медленною голодною смертію, какъ въ прошлыхъ столѣтіяхъ; но для нихъ это небольшое утѣшеніе. Они спрашиваютъ прежде всего: показываютъ ли условія, въ какихъ живетъ теперь большинство рабочихъ, какой либо нравственный и экономическій прогрессъ, и должны это отрицать, по крайней мѣрѣ, для большинства настоящихъ рабочихъ. Вмѣсто того, они видятъ, что рабочіе представляютъ собою все болѣе рѣзкій контрастъ съ имущими и образованными классами, и, притомъ, уже не въ одномъ экономическомъ положеніи; образовалась страшная пропасть между міровоззрѣніемъ, образованіемъ, взглядами и идеалами имущихъ и неимущихъ классовъ, и эта пропасть опаснѣе экономической. Они вспоминаютъ изъ исторіи, что вся высшая культура грековъ, римлянъ и другихъ народовъ погибла отъ подобныхъ же противоположностей въ соціальной борьбѣ классовъ, вслѣдствіе неспособности найти примиреніе между высшимъ и низшимъ классами. Такъ точно, хотя и въ отдаленіи, они видятъ такую же опасность и для нашей культуры, если не удастся на столько поднять, образовать и примирить низшіе классы на почвѣ нашего правоваго равенства, общей школы, военной повинности, а также и дальнѣйшихъ реформъ, стоящихъ на очереди, чтобы эти классы слились въ гармоніи и мирѣ съ организмомъ общества и государства.

«Нашъ общественный идеалъ не есть нивелированіе въ соціалистическомъ смыслѣ; мы считаемъ то общество самымъ нормальнымъ и здоровымъ, которое представляетъ собою лѣстницу различныхъ существованій, но съ легкими переходами отъ одной ступени къ другой. Между тѣмъ, нашему теперешнему обществу угрожаетъ болѣе и болѣе уподобиться лѣстницѣ, въ которой сверху и снизу много ступенекъ, а среднія ступени прогрессивно исчезаютъ.

«Недовольные существующими соціальными отношеніями, реформа въ которыхъ представляется неотразимою необходимостью..., мы выступаемъ за справедливое, твердо-проведенное фабричное законодательство; мы требуемъ, чтобы свобода труда была дѣйствительною свободою, а не вела, какъ теперь, къ эксплоатаціи рабочаго; мы требуемъ дѣйствительной, а не формальной, свободы рабочихъ, при заключеніи рабочаго договора, даже если бы рабочій заявилъ такія притязанія, которыя имѣли бы нѣкоторую аналогію съ старымъ цеховымъ бытомъ; мы требуемъ, чтобы свобода промышленности повсюду контролировалась путемъ гласности, и тамъ, гдѣ въ послѣдней чувствуется недостатокъ, изслѣдованіе производило бы государство и публиковало результаты. Съ этой точки зрѣнія, мы требуемъ учрежденія фабричныхъ инспекторовъ, контрольныхъ учрежденій надъ банками и страховыми обществами; съ этой точки зрѣнія, мы, главнымъ образомъ, требуемъ учрежденія коммиссій для обслѣдованія соціальнаго вопроса. Мы не требуемъ, чтобы государство давало низшимъ классамъ деньги для сомнительныхъ экспериментовъ; но требуемъ, чтобы оно заботилось совершенно иначе, чѣмъ до сихъ поръ, объ ихъ образованіи и воспитаніи, чтобы оно заботилось о томъ, не живетъ ли рабочій классъ въ такихъ условіяхъ работы и жилищъ, которыя необходимо ведутъ къ еще большему пониженію его физическаго, умственнаго и нравственнаго состояній.

«Мы признаемъ, что слишкомъ большое неравенство въ имуществахъ и распредѣленіи доходовъ, что слишкомъ рѣзкая сословная борьба должны современемъ уничтожить и всѣ свободныя политическія учрежденія и привести насъ къ абсолютному правительству. Уже по одному этому, мы вѣримъ, что государство не можетъ равнодушно смотрѣть на подобное общественное развитіе.

«Мы требуемъ отъ государства, какъ и отъ всего общества, и отъ каждаго человѣка, желающаго работать надъ задачами эпохи, чтобы они руководились высокимъ идеаломъ. И этотъ идеалъ не можетъ и не долженъ быть никакимъ другимъ кромѣ пріобщенія все большей и большей части нашего народа къ высшимъ благамъ культуры: — къ образованію и достатку. Такова должна быть великая, въ лучшемъ смыслѣ слова, демократиче-

ская задача нашего развитія, являющаяся намъ и какъ высшая цѣль исторіи человѣчества.

«Но довольно. Мы вѣдь не хотимъ говорить сегодня о крупныхъ принципіальныхъ вопросахъ, а желаемъ только разсмотрѣть отдѣльные вопросы практической задачи. Но намъ казалось умѣстнымъ, прежде чѣмъ перейти къ дебатамъ, изложить честно и открыто основную точку зрѣнія тѣхъ, кто содѣйствовалъ главнымъ образомъ нашему собранію» *).

Рефераты членовъ союза, дебаты, результаты голосованій печатаются въ «Schriften des Vereins für Socialpolitik.» Бо́льшая часть соціально-экономическихъ законо-проектовъ, принятыхъ союзомъ, могутъ быть удобно примѣнены къ условіямъ нашей жизни. Изданіе «Schrift. d. Ver. f. Socialpolitik» въ русскомъ переводѣ составило бы цѣнный вкладъ въ нашу экономическую литературу. Оно оказало бы значительное вліяніе на образованіе и усовершенствованіе правильныхъ экономическихъ понятій въ обществѣ и прессѣ.

И. Иванюковъ.

*) Verhandlungen der Eisenacher Versammlung am 6 nnd 7. Octob. 1872.

Опечатка въ нумераціи страницъ.

Послѣ страницы 52 нумерація страницъ идетъ съ 41 страницы вмѣсто 53.

